

СОВАКА ПАВЛОВА.

Павлов А.

Совака

«Издательские решения»

Павлов А.

Совака / Павлов А. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854875-8

Где в нашей повседневности проходит граница реальности и самообмана? Вы уверены, что обычные будни это норма, а не абсурд? Кто определяет стандарты нашей действительности, и чем измерить адекватность? Герои произведения пытаются разобраться в своих судьбах, насыщенных иррациональными образами, чертовщиной и эротикой. Игры сознания преподносят сюрпризы и ломают шаблоны. Непредсказуемые события и фантасмагорические перевоплощения заставляют по-новому взглянуть на старые ценности.

ISBN 978-5-44-854875-8

© Павлов А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Будни	6
Возвращение	10
Обычная неделя	12
Вторые посиделки	14
Еще одна неделя	17
Наши бестолковые разговоры	19
Осенняя неделя	21
Поветрие	23
Шишкина осень	25
Часть вторая	49
Моя заурядная неделя	49
Пивная пятница	51
Серая неделя	54
Пятничное заседание	56
Шишкина осень: обратный отсчет	58
Часть третья	71
Сделка	71
Разговоры	73
Неделя	75
Беседы	77
Насыщенные будни	79
Покровы сорваны	81
Зима	84
После большого перерыва	86
Тревога	88
Новости	91
Похищение	93
Вновь на чердаке	95
Важные переговоры	97
Пятница	102
Часть четвертая	103
Вешний код	103
Часть пятая	128
Промывка	128
Грустная пятница	133
Грустная неделя	134
Страстная пятница	135
Обряд	139
Руби концы	142

Совака

Павлов А.

*Уж не думаете ли вы, детки, что я скрываю от вас что-нибудь?
Нет, я от вас ничего не скрываю; все мои деяния вам известны. Таков я.
Конфуций*

*Есть люди, в которых живет Бог;
есть люди, в которых живет Дьявол;
а есть люди, в которых живут только глисты.*

Фаина Раневская

*Иллюстратор Юрий Сосницкий
Дизайнер обложки Юрий Сосницкий*

© Павлов А., 2017
© Юрий Сосницкий, иллюстрации, 2017
© Юрий Сосницкий, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-4875-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Будни

Вчера был замечательный день, да и неделя выдалась сказочная, не погода – песня! Солнце ярко сияло, птички щебетали, люди на улице приветливо улыбались друг другу. А сейчас мерзость какая-то, дождь идет то мелкий, то плещет ведрами, все вокруг серое и мрачное, ветки на деревьях от ветра порой выгибаются так, как будто им кто-то руки заламывает. Я дождался, когда пройдет стена дождя с жутким порывом ветра, после чего выскоцил из подъезда и, не раскрывая зонтика, побежал к своему автомобилю, припаркованному во дворе. Какой-то хмырь в куртке с капюшоном, надетым на голову, крутился рядом с машиной, он нагибался и заглядывал через лобовое стекло в салон. Увидев меня, незнакомец что-то положил на капот и не торопясь удалился по тротуару. Дойдя до автомобиля, я обнаружил оставленный им на моей машине большой советский железный рубль с головой Ленина на аверсе. Взяв аккуратно монету пальцами, я поиском глазами неизвестного, он стоял в другом углу двора около наглоухо тонированного авто. Убедившись, что я принял столь неожиданный дар, он улыбнулся, открыл свою машину, сел за руль и поехал. Номера издалека было не разобрать, загадочный даритель медленно удалялся.

Я сунул рубль в карман, спешно запрыгнул в свой автомобиль, завел его и попытался догнать неизвестного хотя бы для того, чтобы запомнить на всякий случай номер машины.

Интересно, кто-нибудь помнит то время, когда такими рублями можно было рассчитываться? У отца, по-моему, осталось несколько таких монет со старых времен. Сейчас, не то что монету такую, а кто такой Ленин, и как он выглядит, мало кто знает. Странно, эта штучка, наверное, имеет отношение к нумизматике, должно быть, денег каких-нибудь стоит. Зачем ими так разбрасываться?

Тонированная машина как будто поджидала меня, водитель держался в зоне видимости, но не давал приблизиться. Мы друг за другом выехали из двора и влились в городской поток. Перестраиваясь из ряда в ряд, я пытался догнать незнакомца. Когда казалось, что на следующем светофоре он уже точно попадется, я в запале погони неаккуратно крутанул рулем и задел передним крылом попутную машину.

Все, погоня закончилась. Сейчас будем разбираться, кто из нас виноват, начнем трясти друг перед другом бумажками и звонить в страховые компании и полицию.

Ясное дело, что на работу я опоздал, но ничего страшного, в труде программиста главное – результат, то есть нормально работающее приложение. Я и так двигаюсь с опережением графика, даже время на подработки иногда есть.

Несмотря на то, что день начался с отвратительной погоды, загадочной погони и глупой аварии, немного радовало то, что сегодня будет зарплата, и ближе к вечеру на карточку перечислят честно заработанные денежки. Так в ожидании вечера за компьютером в офисе и прошел весь остаток дня.

Я давно женился и переехал из того района, в котором вырос, в новый отстроенный на окраине жилой комплекс. Связь с друзьями детства практически оборвалась, причем не специально, а просто мы перестали общаться. Дом, работа, постоянные хлопоты и улаживание мелких проблем уже почти лет десять занимают все свободное время, какие тут друзья. Как только электронный счет сегодня пополнится, то надо будет заехать в супермаркет и закупиться продуктами на неделю-две, приобрести какую-нибудь безделушку жене и себя порадовать не очень дорогим коньячком.

Помня утреннее неоправданное лихачество, я неспешно ехал по стоянке у супермаркета, искал, где бы припарковаться, чтобы меньше везти тележку с продуктами. Неожиданно, громко сигналя, небольшая машина нагло обогнала меня по узкому проезду, резко подрезала и остановилась. Из автомобиля вылез долговязый парняга, он радостно улыбался и протягивал ко мне обе руки то ли для объятий, то ли для рукопожатия. Это был Валера, я не видел его лет десять после того, как переехал в новый район.

– Макс! Сколько лет?! Я смотрю: ты – не ты? Поправился, солидный стал. Как жизнь?

– Блин, Валер, я, конечно, тоже рад тебя видеть, но так можно человека и до инфаркта довести. Обязательно было тормозить так резко?

Я вышел из машины, мы обнялись.

Валера был сыном дворника, который следил за порядком и чистотой в нашем старом доме, в сталинке – одной из многих в том районе, где прошло мое детство. Их квартира была на первом этаже в соседнем подъезде. С Валеркой и еще десятком пацанов мы бегали по гаражам, чердакам и подвалам почти все школьные годы. Его отец убирался не только в нашем дворике, но и в соседних, он частенько закладывал за воротник и уходил в запои, даже отсидел пару раз за какие-то глупости, поэтому Валерка воспитывался больше бабушкой, которая, наверное, уже умерла. Он был не семи пядей во лбу, в школе перебивался с двойки на тройку, но зато был добрый и хороший друг, верный товарищ. К тому же его отец водил знакомства с какими-то темными личностями, и к Валерке никогда не приставали гопники, менты в низких чинах и другие мелкобандитственные элементы, которых всегда в нашем городе хватало. С ним можно было чувствовать себя безопасно в любой темной подворотне во времена нашей бурной молодости.

– Давай нормально запаркуемся. У тебя есть время? Пойдем в кафешку, посидим, давно же не виделись, – предложил я старому товарищу.

Мне было приятно видеть его беззаботное лицо, как всегда без признаков серьезной мозговой деятельности. Его короткие слегка выющиеся черные волосы уже чуть-чуть стало прихватывать сединой. Старые воспоминания о шальном детстве отвлекли от повседневных дел. Я сам как будто скинул лет десять за одну минуту.

– Максим, не поверишь, нет времени. У тебя какой номер? Давай я тебе сделаю дозвон, и попозже набери меня, надо поболтать. Столько времени прошло, блин!

Мы обменялись контактами, крепко пожали друг другу руки, и я пошел за покупками.

Уже в темноте я подъехал к дому и едва нашел место для парковки, после чего с трудом затащил пакеты с продуктами в квартиру. Кто ожидал, что дома меня ждет сюрприз? Мы с женой, конечно, когда-нибудь обязательно заведем детей, но сейчас не время. Мы давно решили, что будем раз в год поднимать этот вопрос и, чтобы не заморачиваться, сразу определять на пару лет вперед: будем рожать в этот период или нет. Последний семейный совет у нас был два месяца назад, и на нем мы единогласно постановили: повременить с размножением. Однако неудовлетворенный материнский инстинкт все-таки искал себе выход и подталкивал супругу к тому, чтобы о ком-то заботиться.

Елена – так зовут мою жену, она на пару лет помладше меня, живем мы с ней душа в душу, что значит никто не лезет в дела другого. Мы вместе завтракаем, ужинаем и спим, на этом наше общение заканчивается. Иногда мы что-нибудь обсуждаем, но общих точек соприкосновения и каких-то совместных интересов за последние годы совместной жизни не образовалось.

Супруга всегда хотела завести себе какое-нибудь животное, но не простое, а оригинальное. Ее умиляли котики в интернете, но в то же время нужно было выделиться, чтобы было не как у всех. Видимо, ее желание наконец-то исполнилось. Она встречала меня в дверях, лицо светилось от счастья, в руках ее был размером с мой кулак комок белых перьев.

– Смотри, Максимушка, какая прелесть. Он шевелится, я же говорила, что давно мечтала завести дома животинку. Сегодня к нам на работу пришел какой-то мужик и предложил купить домашних животных, он сказал, что нашел в лесу разоренное совиное гнездо с птенцами, я купила у него одну малютку. Какая прелесть!

Лена ушла в комнату фотографировать совенка и рассыпать эти картинки всем знакомым. Любит она все эти современные коммуникации, постоянно сидит в телефоне, я так понимаю, у нее там свой мир, надеюсь, что очень интересный и богатый разнообразными событиями. Я протащил сумки на кухню и начал перекладывать продукты из них в холодильник. Тем временем из комнаты доносились уси-пуши и щелчки, издаваемые смартфоном при фотографировании.

– Лена, а поужинать у нас есть что-нибудь готовое? – я сел за стол, включил телевизор и налил себе коньячка.

– Нет, дорогой, я не успела. Все с совеночком возилась.

– А его кормить ты чем собираешься? Он ведь тоже живой.

– Ну, он пока не просит, потом попробую ему молочка дать. Ой! Покакал. Максим, принеси тряпочку, пожалуйста.

Я выпил рюмку, взял тряпку и, параллельно набирая номер Валеры, пошел в комнату. Тряпку я небрежно кинул в сторону совенка, чем перепугал его. Птенец замахал крыльями и стал издавать звуки, похожие на мяуканье. Лену охватил восторг.

– Ой, он еще и мяукать умеет, какая прелесть! – фотосессия совенка продолжилась с новым вдохновением.

Я переместился в свою мастерскую, небольшое отгороженное от зала самодельной перегородкой помещение с выходом на балкон. Наконец абонент ответил.

– Валер, привет еще раз. Это я, Максим. Ну, давай, рассказывай, как жизнь молодая.

– Жизнь? Нормально! Ты-то куда пропал? У нас все по-старому, помнишь наш штабик на чердаке? Мы теперь его прилично обустроили, телевизор есть, холодильник для пива. Только народу поубавилось. Чтобы по телефону не болтать, приходи лучше завтра, как раз пятница будет, по старому адресу. Там все наши, кто остался, собираются. Придешь?

– Что, серьезно, все как раньше? Конечно приду! Во сколько?

– Часам к семи подваливай, только без машины. Пива возьми пару бутылок.

– Без проблем, в девятнадцать ноль-ноль буду!

Мы с пацанами облазили все закутки сталинок еще в детстве. У Валеры не было проблем с доступом к чердакам и подвалам, ведь он брал ключи у отца, а у дворника всегда должен быть свободный проход во всякие противопожарные выходы и разные технические помещения. Но было у нас одно особо излюбленное место, которое мы использовали для своих тайных посиделок. В последний раз мне довелось там побывать незадолго до своей свадьбы, однако после переезда и навалившихся забот семейной жизни дорога в старый приトンчик почти забылась.

На одном из чердаков слуховое окно было необычайно широким. Можно было его даже назвать панорамным. Из него открывался вид не на стену соседнего дома, который удачно находился только в километре сбоку, а на сквер, перемежающийся с гаражными комплексами. Если у окна поставить стул и сидя смотреть наружу, то видно было только небо.

Когда мы подросли, чердак стал нашим излюбленным местом для встреч и дискуссий, мало того, у каждого из нас был свой ключ от этого помещения. Там мы зависали подолгу, обсуждая насущные проблемы и строя планы на будущее. Сначала в квартире под нашим «штабом» жила какая-то алкашня, которую не удивляли звуки сверху, им было абсолютно все равно, что творится у них над головой. Потом жильцы поменялись. Новые хозяева очень быстро стали наводить порядок. Пару раз компании накрывала полиция, но им нечего было

предъявить нам, пацанов просто сгоняли из-под крыши и заставляли разойтись. Но место было намоленное, и отказываться от своего убежища наша компания не собиралась. Тогда жильцы стали менять замки от чердака и даже пытались забить дверь гвоздями. Мы же стали заходить на чердак из другого подъезда и даже соорудили под окном помост, чтобы живущие внизу люди не слышали топота и двигающихся стульев.

Со временем или компания стала вести себятише, или соседи опять поменялись, но никаких эксцессов и недовольства со стороны жильцов замечено не было. А может, квартиру внизу начали сдавать в аренду, либо вообще она стояла пустой. Потом юность закончилась, я переехал и женился. Надо думать, что не я один оставил дружную когда-то компанию, кого и куда закинула жизнь, завтра узнаем.

Я положил телефон, находясь на эмоциональном подъеме от предстоящей встречи с друзьями, мне захотелось выпить еще рюмочку. По пути на кухню мое внимание привлекла суeta в ванной. Там перед стиральной машиной на корточках сидела Лена и задумчиво крутила ручку агрегата.

– Максим, а ты не знаешь, в каком режиме перьястирают? Тут есть бережная стирка, но девчонки мне написали, что сову лучше стирать в режиме перьевых подушек. Что, у нас нет такого?

Я бросился открывать стиральную машину. Внутри барабана сидел нахохлившийся совенок и ждал своей участии.

– Лена, ты убить его хочешь? Ты не соображаешь разве, что это не вещь?! Он не просто захлебнется, машина ему все кости переломает.

– Но девчонки же пишут, что и совят, и мишкестирали, – она обиженно надула щеки.

– Плюшевых, наверное. Не вздумай больше так делать!

Я вытащил птенчика, он крепко вцепился когтистыми лапками в мой палец. Я взял коробку из-под обуви, бросил на дно тряпки, посадил птицу на них и отнес все это на балкон. Супруге поручил найти в интернете, чем кормят сов, а сам пошел к своему компьютеру. Настроение пропало, выпить уже не хотелось, к тому же у меня оставалась одна недоделанная шабашка – надо было довести до ума оболочку для базы данных с биологическим классификатором.

– А вообще оно мне надо, с птицами-то возиться? Но жене его оставлять нельзя – замучает бедолагу. Может, отдать кому? Надо монетку подкинуть, – размышлял я, пока компьютер загружался.

Тут я вспомнил про загадочный рубль, не поленился и пошел в прихожую, вытащил его из кармана куртки. Ну, если выпадет Ленин – то оставим совенка, если орел – то будем искать ему нового хозяина. Выпал, хотя и бородой кверху, Ленин. Судьба распорядилась оставить сову у нас дома.

Возвращение

Да, наше прибежище заметно изменилось, оно стало более благоустроенным, пацаны оборудовали его так, как в детстве мы даже и не могли мечтать. Все вещи, хотя и были старыми, но явно не с помойки, а ставшие лишними у кого-то дома, они перекочевали на чердак и продолжали исполнять свои функции.

На деревянном помосте, застеленном старым ковролином, стоял стол, несколько стульев и обшарпанный, но крепкий диван. Кто-то приволок телевизор и старый компьютер, который безвозвратно устарел, но мог соединяться с интернетом. В одном углу стоял весь в наклейках старый холодильник, в другом – к канализационному фану, проходящему через чердак, была подключена старая раковина, в нее можно было вылить остатки пива или помочиться. В большом продолговатом окне стояла новая открывающаяся наружу рама.

– Слушай, Валер, прямо апартаменты! Вы, я смотрю, разжились тут за десять лет.

Валера сидел на стуле, напротив него за столом на диване сидели еще два наших старых друга – Дениска и Мишка. Михаил потягивал минералку из прозрачного стакана, а Денис пиво из бутылки.

– С возвращением! Считаю должным напомнить для вновь прибывших некоторые правила, – проговорил, вольготно раскинувшись на диване, Ден.

– Первое: поддержание чистоты – всеобщая обязанность, пустые бутылки и одноразовую посуду уносим с собой после каждого посиделок. Второе: никаких женщин сюда не приводить. Третье: за все неприятности мы договариваемся нести коллективную ответственность.

– Слушаюсь и повинуюсь, – я поставил на стол пакет с пивом и чипсами. – Ну, говорите, как вы тут без меня жили.

Валера, Миша и Денис рассказывали разные истории, которые происходили тут за последние десять лет. Когда компания была больше, чего только здесь не было: и дрались друг с другом, и, бывало, приводили девушек легкого поведения. Один раз кто-то додумался мусор в окно выбрасывать, так за ними полиция гонялась чуть ли не по всему городу. Но всегда все заканчивалось благополучно, тихо, без каких-либо последствий. Сейчас у оставшейся горстки друзей и ума было побольше, да и тяги к подвигам поубавилось.

К окончанию школы в нашей компании было человек пятнадцать. Со временем круг этот стремительно сужался: кто-то переезжал, и связь обрывалась, как в случае со мной. Было немало друзей, которые погибли, в основном по нелепости: кто спился, кто умер от передоза, кто пошел по криминальным дорожкам и сгинул в тюрьме либо стал жертвой бандитских разборок. Но основная масса просто поменяла место жительства и исчезла с поля зрения.

На данный момент, со слов Дениса, от той компании осталось четверо друзей: Валерий, Денис, Михаил и Владимир. Правда, у последнего что-то непонятное с головой происходит, он совсем перестал общаться с приятелями и, как полный придурок, постоянно топчется вокруг светофора на пешеходном переходе неподалеку.

– Владимир всегда был обидчивым и замкнутым, еще в детстве он постоянно считал ворон и сторонился людей, – сказал Михаил, – просто со временем его чудачества становятся более выпяченными.

– Надо все-таки пригласить его к нам на посиделки, – предложил Валерка, – было время, когда он тут с нами веселился, может, обиделся на что-то, такое у людей с тонкой душевной организацией случается.

Исходя из нынешнего изрядно поредевшего состояния компании, я понял, что оставшиеся друзья с радостью воспринимают мое возвращение. Михаил сообщил еще одно пра-

вило, а то мы слишком увлеклись воспоминаниями. Два года назад, когда друзей оставалось уже человек шесть, на очередных посиделках товарищи поймали себя на мысли, что большую часть времени они посвящают разговорам о былом: как шалили по молодости и в какие истории попадали в прошлом. Чтобы не впадать в уныние, они дали себе слово: здесь о прошедшем не вспоминать, а все разговоры должны вестись или о будущем, или о настоящем. Становиться к тридцати годам мешком воспоминаний никому не хотелось, но это надо было контролировать. Договорились, что начавшему разговор со слов: «А помнишь?» – плескать пиво в лицо. Эта мера неплохо себя зарекомендовала, но не сегодня, тем не менее стоило вспоминать эту установку и одергивать друг друга.

– Будем считать правилом хорошего тона, не говорить с восторгом об ушедшем времени. Мало разве чего интересного происходит вокруг в настоящий момент? – бодро сказал Денис, взял кружку, налил в нее немного пива из бутылки, – все, хватит о прошлом, а то плескану. Давай, Макс, расскажи лучше, как ты поживаешь.

Ближе к полуночи мы начали расходиться. Валера, Денис и Михаил жили поблизости, они собрали пустые бутылки в пакеты, проложив их бумагой, чтобы не греметь в подъезде пустой тарой. Оставшееся пиво поместили в холодильник. Я вызвал для себя такси. Мы договорились созвониться к концу следующей недели, чтобы встретиться опять.

Обычная неделя

Все выходные я обустраивал гнездо для совы на своем застекленном балконе. Мне удалось расширить отверстие на улицу, которое было внизу балкона почти на уровне пола. Наверное, это был водосток. Потом нашел коробку побольше, сделал одно отверстие, которое направил в эту дыру. С внутренней стороны балкона ящичек можно было открыть, чтобы почистить гнездо и положить еду. Меня грела надежда, что когда сова подрастет, она все-таки улетит в лес, который рос в трех километрах от жилого комплекса, где я жил, но сначала надо было поставить птицу на крыло.

Выяснилось, что кормить сов рекомендуют мышами или мелкими птенцами. Важно было, чтобы птица заглатывала мясо с костями и шерстью целиком. За выходные я нашел место, где можно прикупить белых мышей. Мне пришлось долго объяснять продавцу, зачем они мне нужны. Было понятно, что живые мыши будут разбегаться при кормежке. В итоге продавец за дополнительную плату умертвил для меня пять мышей. Он просто брал их за хвост и с размаху бил головой о прилавок. Зрелище было отвратительное, мыши пищали и дергались. Да и стоило все это не так уж и дешево. Зато вечером сова была довольна. Супруге я запретил брать птицу в руки, подносить к холодильнику, стиральной машине, микроволновке и мясорубке.

– Вот это теперь твое домашнее животное, можешь его кормить в гнезде, гладить, фотографировать, но в квартиру не заносить, чтобы сова ничего не обгадила. И в руки не брать, так как может клюнуть или укусить, вдруг у нее паразиты или болезнь какая-нибудь.

Лена была недовольна, но с доводами согласилась.

– Все-таки мне нужен какой-то теплый комочек, чтобы потискать. Надо чтобы он был умильный и ласковый, я бы с ним фотографировалась, – сказала Лена, глядя как совенок разделывается с мертвыми мышатами. – А сова твоя – страшная.

– Не я же эту птицу в дом притащил. Почему она моя?

– Потому что ты ее у меня отобрал, и у меня теперь нет никакого животного.

– Ладно, заведи себе, как все, кошку. Только не стирай ее и не суши в микроволновке, вот и будет тебе животное.

Лена сразу полезла в телефон сообщать всему миру, что мы берем «котика» в добавок к существующей сове.

В понедельник по дороге на работу, выезжая со двора, я вновь увидел впереди загадочную тонированную машину.

– Надо хоть номер записать или разглядеть, кто ей управляет, – я опять начал преследование.

Но автомобиль скрылся из вида после того, как я чуть не выехал на пешеходный переход, полный народу. Пришлось резко тормозить, остановиться удалось буквально в полу-метре от людей, толпа вздрогнула, кто-то покрутил пальцем у виска. Меня прошиб холодный пот.

– Нет, хватит гонки устраивать, больше нужен мне этот тонированный, у меня есть чем заняться.

В течение недели я еще пару раз видел этот автомобиль, он не стоял во дворе, а появлялся исключительно тогда, когда я выезжал на работу, как будто выманивал меня. Я изо всех сил не поддавался искушению начать преследование, только проезжал за ним пару перекрестков.

В четверг вечером Лена приперла котика, я не вмешивался в их идиллию с очередным фотографированием, кормлением молочком и прочими радостями кошачьей жизни. Мне

надо было сообразить, чем накормить сову – дохлые мыши уже кончились. Я думал, может быть, заняться разведением грызунов: размножаются они быстро, с питанием проблем нет, едят все, что попадется. Но нет, есть уже котик, сова, еще мышей только не хватало. Ладно, как-нибудь выкрутимся. Я созвонился с Валерой, договорились встретиться также в пятницу с пивом на чердаке.

Вторые посиделки

После рассказа о своей жизни я задавал вопросы повзрослевшим пацанам и выяснял, кто чем занимается в настоящее время.

Валера плохо закончил школу и толком нигде не работал. Его отец продолжал трудиться дворником и подкидывал сыну подработки типа: что-то отнести, кого-то встретить. Эти занятия носили явно криминальный характер. Зато Валера оставался, наверное, самым простым и приятным в общении человеком. Так как в голове у него всегда гулял сквозняк, и думать ему было не о чем, то он любил и умел слушать. Сын дворника искренне мог воссторгаться чужим рассказом и по-настоящему сопереживать собеседнику. Если у него и возникали свои мысли на какой-то счет, то, зная заранее, что это глупость, он выражал их очень осторожно и никогда не был настойчив и упрям.

В настоящее время через знакомых отца ему подсунули работу по продвижению в интернете систем безопасности. Несмотря на сложность названия, работа заключалась в том, что ему надо было монтировать скрытые камеры и видеорегистраторы в самые неожиданные места. Наиболее удачные ролики он выкладывал на заранее созданном для этого сайте со своими комментариями. У него получалось что-то вроде: смотрите, только наша фирма может установить камеру в таком неожиданном месте и увидеть ту чушь, которую вы только что посмотрели. Как ни странно, сайт стабильно посещали и, мало того, комментировали снятое убожество. Отзывы были самые разные. Отвечая на колкости пользователей, Валера по своей привычке ни с кем не спорил: если ролик ругали – он соглашался, если хвалили – ставил лайки.

Денис же закончил исторический факультет, но увлечение бодибилдингом сделало его гуманитарным тренером по фитнесу. По его фигуре угадывалось, чем он занимается, завалить троих с его комплекцией не казалось проблемой. Он неплохо зарабатывал, клубы перекупали его. Дело в том, что у него было еще одно увлечение, он мог сам сделать исторический костюм. Когда он, шутки ради, первый раз нарядился на тренировку римским легионером, это произвело фурор. Накачанный, играющий мышцами древний воин привлекал клиентов. С ним было интересно беседовать как начинающим, так и бывалым спортсменам. Руководство клуба стало обязывать его облачаться на работе в одежду прошедших эпох.

После пивных посиделок с друзьями, на следующий день, он шел в спортивный зал в греческом хитоне. А когда получал зарплату – надевал тогу римского консула с позолоченным венком из лавровых листьев. Надо отдать должное, костюмы он делал сам, и, наверное, в них была сохранена историческая правда.

Михаил постоянно менял работу в поисках большего заработка. Сейчас он то лиуволился, то ли его сократили из какой-то крупной компании, и он пассивно искал нового работодателя. Кроме того, Мишка собирался жениться, но радости от этого не испытывал.

По большому счету, у моих друзей мало что изменилось, они оставались теми же людьми, которых я помнил раньше. Тот перерыв в общении, длиной в десять лет, потраченный на карьеру, обустройство семейной жизни, поиски и самоутверждение себя как личности, мне казался теперь напрасно ушедшими временем. Сидя в изрядно поредевшей компании за бутылкой пивка, я не ощущал этого разрыва, наверное, сейчас я оказался в том месте, где должен был находиться всегда.

– Ну, Валер, чего интересного наснимал наш секретный оператор? – подначил Денис.

– Все одно и то же: ходят все туда-сюда. Одна радость – это камера за гаражами, туда каждый час кто-то поссать заходит. Я ролики нарезаю и выкладываю одним куском в убыстренном виде, – ответил Валерий о своих успехах.

– Что, действительно, есть поклонники твоего творчества?

– Больше, чем ты думаешь! Так как камеры мне для экспериментов дают хреновенькие, то все гаражи на них выглядят одинаково. Теперь каждый в городе думает, что это мочатся на его гараж. Я же адрес не указываю, где камера висит. В конторе продажи растут. Хорошо! – отхлебывая пиво из бутылки, сказал Валера.

– Что у тебя новенького, Макс? Ты у нас теперь великий программист, да к тому же женатик. Могу тебе и супруге твоей абонемент с дисконтом сделать в наш фитнес—клуб. Не хочешь?

– Вот пару шабашек сдам, деньги появятся, сразу займусь фитнесом, – невозмутимо ответил я.

– Да ладно жадничать, на машину ты заработал, на квартиру тоже. Сам не хочешь, так жену отправь в спортзал. Или ты опасаешься, что там ее какой-нибудь накачанный аполлон очарует? – продолжая потягивать пивко, спросил Денис.

– Она сама кого хочешь подцепит и через мясорубку пропустит, – я поведал, как Лена хотела постирать совенка в стиральной машине, рассказ вызвал дружный смех.

Михаил подошел к холодильнику и достал бутылочку пива.

– Что, тебе не надо за руль завтра с утра? – удивился Валера. – А то я уже забыл, когда тебя с пивом видел. Ты же не потребляешь алкоголь во всех видах.

– Я машину Катьке отдал покататься, хочу на недельку за город свалить, пожить на природе, насладиться тишиной, – отвечал Михаил.

– Так тебе как раз машина-то нужна, чтобы путь туда держать, – возразил Денис.

– С моей будущей супругой особо не поспоришь, ей приспичило на моей тачке на работу ездить, дескать, я все равно бездельничаю, – развел руками Мишка, – ничего, на автобусе доберусь.

– Макс, я вот разобрался, как комментарии блокировать, могу даже страничку немного подредактировать. Если желание будет, то, наверное, и сайт написать смогу. А ты что там программируешь? – спросил меня Валера.

– Валер, без обид, но для того чтобы ты смог сайты делать, сначала программисты и поработали. Хотя сейчас, откровенно говоря, мне какую-то ерунду подкинули. Приходится восстанавливать движок биологического справочника. Первые разработчики с заказчика деньги взяли и свалили, ничего не доделали, только все напутали.

– Я не биолог, а историк. Был бы исторический справочник, я попробовал бы тебе разъяснить, что откуда и куда, – выразил готовность помочь Денис.

– Там не особо сложно. Просто база данных с классификацией. Однако чувствуется, что биологи далеки от точных наук. У них одни и те же признаки могут пересекаться в совсем разных, не родственных объектах. Создается ощущение, что они сами путаются в своих червяках и моллюсках.

– Скорее всего, они придумывали, как им поделить своих опарышей в рамках какой-то одной теории, потом научный взгляд изменился, и жучков твоих стали классифицировать по новым критериям. Причем старые названия и признаки никто не отменял. Произошло наложение. И так несколько раз. Вообще-то, если в научном знании есть прогресс, то такие накладки неизбежны. Просто, по сравнению с историческими науками, биология имеет огромную скорость развития, – прокомментировал, размахивая пивной бутылкой, Денис.

– Ладно, завязывай, кому это интересно? – я открыл очередную порцию пива. – У тебя, наверное, бывают более занятные истории из спортзала. Какую красотку ты теперь взялся прокачивать на тренажерах? Может, тебе удастся развить какую-нибудь пассию до состояния жены?

– Упаси боже! – поперхнулся Денис. – Давай лучше приходи к нам в клуб, я помогу тебе подыскать программисточку. Кстати, девушки твоей профессии частенько у нас тренируются. Блин, я еще не привык к тому, что ты у нас женатик, извини.

— Может быть, ты мне там дворничиху лучше подыщешь? — вставил заскучавший Валера.

Мы опять расходились ближе к полуночи. Довольный проведенным с друзьями вечером, я заказал такси и отправился домой. Надо было кормить сову.

Еще одна неделя

Птица ела обычное мясо, но было видно, что ей после этого нездоровится. Срочно нужны были свежие грызуны с шерстью. На этот раз я решил ехать за мышами вместе с Леной, пусть полюбуется, как их шлепают, в конце концов, это она притащила сову, почему я один должен страдать при виде убийства невинных млекопитающих.

Продавец узнал меня, он сообщил, что придумал, как умерщвлять мышей без лишнего визга, но за это потребовал еще доплату, пришлось согласиться. Он вытащил металлический поддон и молоток. Взяв мышь в левую руку, так чтобы торчала только мордочка, он прижимал ее ко дну поддона, стоявшего на кафельном полу, правой рукой брал молоток и резко с размаху бил мышь по голове. Голова сплющивалась, по поддону растекались мозги и кровь. Лена, молча, как завороженная, смотрела на это действие. Наконец палач собрал тушки в пакетик, мы расплатились и поехали домой. Всю дорогу супруга не проронила ни слова. Когда подъехали к дому и припарковались, она неожиданно обняла меня и очень эмоционально поцеловала, я уж и забыл, когда в последний раз мы так сладко и проникновенно лобзались.

– Спасибо! Это было так здорово, я кончила там, в магазине, – сказала Лена и опять накинулась на меня.

В понедельник я вновь увидел дарителя рубля, на этот раз его автомобиль стоял недалеко от моей машины. Я запомнил номер и, усаживаясь за руль, записал его карандашом на противосолнечном козырьке. Потом послушно поехал за ним, казалось, он повторяет мой ежедневный маршрут. Не доезжая километра до моей работы, он резко взял вправо, и я инстинктивно тоже повернул руль в ту же сторону. В итоге мой автомобиль врезался в дорожное ограждение: треснул бампер и разбилась фара. Хорошо, что хоть само ограждение осталось целым, не надо будет платить за его восстановление. Мне уже накладно обходилась игра в догонялки с этой машиной.

Вечером за ужином Лена заявила, что надо срочно кастрировать Пушка, так она назвала котика. Я начал с некоторой опаской относиться к ее желаниям. Мало ли, что она там еще удумает, и на всякий случай встал на защиту кота из чувства мужской солидарности.

– Он пока еще котенок, зачем издеваться над животным? Может быть, через месяц он надоест тебе, и ты захочешь его отдать.

– Нет, подруги пишут, что надо непременно кастрировать, пока в нем не проснулось это желание, потом ему будет тяжелее, он начнет вспоминать, что был некастрированным и будет грустить. Выдели мне денежек на эту операцию, пожалуйста.

Я пошел за деньгами, что еще оставалось делать. Все ради семейного счастья, любой каприз.

В бумажнике лежал большой железный рубль. Я подкинул монету и поймал в зажатый кулак, если выпадает Ленин – то кастрируем; если орел – то нет. Я разжал пальцы. На руке блестел профиль отрезанной головы Ильича.

Вечером следующего дня, прия домой с работы, я увидел довольную Лену, таскающую перебинтованного котенка, причем замотан он был весь.

– Что, операция прошла успешно?

– Ты не поверишь! Это оказалась кошечка, ее не надо кастрировать.

– А зачем бинты?!

– Когда ветеринар сказал, что тут нечего резать, я очень расстроилась и написала на своей страничке, что мне очень грустно, когда не получается то, что запланируешь. Мне подружки написали, что тогда надо удалить лапки, лучше все четыре, чтобы кошечка не убе-

гала. Теперь, когда ранки заживут, у меня будет пушистый комочек с хвостиком, который я буду всегда носить с собой. Правда круто?

Я растерянно сел на стул в прихожей. Что-то сказать не получалось. «С кем я вообще живу?» – пронеслось в моей голове.

– И что, просто отрезали?

– Нет, не просто! Я долго уговаривала ветеринара, пришлось заплатить больше, чем планировали. Зато он удалил лапки прямо из суставов, так чтобы обрубки косточек не царапались. Ну, согласись, что это гораздо лучше.

– Лена, ты в своем уме? Ты изуродовала здоровую кошку, как она будет без лап жить, ей же надо будет в туалет ходить, ну и вообще, двигаться!

– Не волнуйся, я все продумала. Буду ее носить с собой, а на ночь класть в коробочку на столик, пусть там сикает. Кстати, лапки мне отдали, я их положила в морозилку, тебе показать хотела. Ты же мне казнь мышкой показывал, я подумала, что тебе тоже будет интересно.

Я ушел в свою мастерскую и громко хлопнул дверью. Минут пять просто сидел на стуле, не двигаясь. Потом вспомнил про сову на балконе и пошел проводить птицу. «Как хорошо, что я тебя от этой живодерки спас», – думал я, открывая коробку.

Совенок подрос за неделю и хотел кушать все больше, увидев меня, он довольно заворчал и стал разглядывать мои руки – не принес ли я ему поесть. Я вспомнил, что дохлые мыши кончились и вернулся на кухню, чтобы отрезать кусок мяса.

Открыв холодильник, я увидел кошачьи лапки. Только вчера кошка перебирала ими веревочку и увлеченно играла, а теперь они лежат в пакете и сверкают розовыми подушечками. Ком подступил к горлу, меня чуть не стошнило. Я закрыл дверцу, наверное, мясо в таком состоянии отрезать у меня не получится. Сходил в ванную, умыл лицо холодной водой, потом вернулся на кухню. Превозмогая отвращение, я достал-таки пакет с лапками и понес кормить ими птицу. Брезгливо высыпав перед мордой совенка четыре свежих кошачьих лапки, я не стал смотреть, что будет дальше, и закрыл коробку. Судя по звукам, сова была очень даже довольна и с радостью приступила к трапезе.

Эту ночь я спал отдельно от супруги, я начал ее уже откровенно побаиваться, даже на всякий случай закрыл замок, а то вдруг мне ночью чего-нибудь отрежут.

С утра, как обычно, я поехал на работу. Загадочная тонированная машина опять какое-то время ехала впереди, но, видимо, поняв, что гоняться я не собираюсь, куда-то исчезла. Странно, ведь ехать впереди кого-то невозможно, если ведомый не согласен двигаться следом. Все-таки получается, что это не он от меня убегает, а я хочу за ним ехать. Маршрут я иногда меняю, причем порой кардинально, так что он не может знать, в каком направлении я поеду сегодня. Ерунда какая-то, голова после вчерашних кошачьих лапок не хотела соображать. Я отложил этот вопрос, может быть, какую-нибудь программную модель потом сделаю, чтобы понять, почему я за ним каждый день катаюсь.

На работе особого напряга не было, и я снова занялся левым заказом. Пришлось включаться в биологическую тему и разбираться в кривом справочнике. Названия, конечно, красивые: лорицифера, онихофоры, форониды! Но почему, будучи в одном таксоне, они в рамках разных гипотез относятся к противоположным надтипам. Похоже, без биологов я здесь не разберусь. Или сделать два разных классификатора? Пусть пользуются тем, какой им больше нравится. Я ведь не знаю, какой гипотезы придерживается заказчик. Нет, я понял, они сами ни хера не знают. Создам-ка я свою теорию, если успею деньги получить раньше, чем они это поймут, то, уверен, что ученые сами подготовят научное сообщество к новому взгляду на животный мир.

Наши бестолковые разговоры

Всю неделю стояла жаркая погода, солнце сияло ярче, чем обычно. В это время года машин в городе было немного, и воздух был прозрачен. Видны были язычки горячего марева, которые, колеблясь, поднимались от асфальта вверх и растворялись в атмосфере города, столь богатой разными загадочными примесями и чудными ароматами.

В очередной вечер пятницы мы собирались на чердаке. Я встретился с Денисом в магазине, мы затарились и потащили пиво с чипсами наверх. Под крышей было душно. Валера задерживался. Ден поставил пакет на стол и направился к окну.

– Надо пиво в холодильник быстрее ставить, а то прокиснет в такой жаре, и в нем какие-нибудь червяки заведутся, – сказал Денис, открывая окно.

– Кстати, о червяках. Я почти доделал заказ с классификатором, столько разных тварей оказывается быть на белом свете. Интересно, что одних различают просто по внешнему признаку, а других по их, так сказать, внутриутробному развитию.

– Не знал, что червяки в утробе развиваются.

– Да не в этом дело. Есть, например, вторичноротые, у которых первый рот это анус, а второй рот, как у тебя – для пива.

– То есть анус – это рот?

– Да, правильно! А есть, к примеру, животные, у которых второй рот отсутствует, они и едят, и испражняются через одно отверстие.

– Фу! – Денис высунулся в окно.

На чердак зашел Валера.

– Ничего не «фу». Вон отец рассказывал, как на спиртзаводе, чтобы не попасться, мужики в жопу ватку со спиртом засовывают и весь день пьяные ходят. Там же камеры кругом, пить нельзя, а ватку намочить – спокойно.

– Да, слышал, типа там какие-то впитывающие железы есть, и все сразу напрямую в кровь поступает, – сказал я, размещая бутылки в холодильнике.

– Что вы вечер с гадостей каких-то начали? Давайте лучше пиво пить, сегодня футбол. Кто там у нас играет? Валер, включи телевизор, – Денис стоял у окна и купался в потоке воздуха, который свежим сквозняком разносился по душному чердаку.

Валера был ближе к пульту, он нажал на кнопку и спросил:

– Макс, а зачем тогда второй рот нужен?

– Я же не биолог. Насколько могу понимать, то для того чтобы пища по кишкам проходила и последовательно усваивалась. Сначала одни вещества, потом другие. То есть в одно отверстие вошло, переработалось и через второе вышло. Логично?

– А почему тогда выходное отверстие тоже ртом называют?

– Я не помню, по-моему, у него еще другое название есть. Просто у каких-то примитивных животных нет кишечника, они все в один мешок засасывают, переваривают, потом этот мешок опорожняют через ту же дырку, которой пищу поглощали – это первичный рот. Потом в процессе развития разные твари получили себе еще одно отверстие, которое использовали только для заглатывания еды, и оно стало вторичным ртом. Та дырка, что раньше была и входом, и выходом, стала только выводить переваренное, хотя и осталась по сути первичной.

– Ну что за тема, вам больше не о чем поговорить? – возмутился Денис.

Он взял телефон и набрал номер Михаила, абонент не ответил. Ден отправил какое-то сообщение и, глядя в телефон, покачал головой.

– Вот единственный нормальный человек, и тот трубку не берет. Может, Валер, у тебя получится до него дозвониться.

– Зачем Михаила беспокоить, он же сказал, что поедет наслаждаться тишиной и одиночеством в своей деревне, пусть отдыхает, – ответил Валера.

Мы переключились на просмотр футбольного состязания. Время пролетело незаметно. За окном было уже темно, матч закончился. Напившись пива, довольные и отдохнувшие мы собирались расходиться. В животах урчала и переливалась поглощенная жидкость. Валерий громко рыгнул.

– Вот для чего еще нужен рот, чтобы воздух из червяка выпускать, – сказал я, собирая пустые бутылки в пакет.

– Какого червяка? – не понял Валера.

– Которого ты только что пивом заполнил, – ответил я. – После того как тебя зачали и клетки только начали делиться, первое что у тебя образовалось – это твой анус, из которого вырос червяк-кишечник, а потом вокруг него стало формироваться то, что стало тобой.

Валера выпучил глаза. Мы с Денисом громко рассмеялись.

– Не обижайся, – я протянул руку и похлопал Валерку по плечу, – не ты один такой, у Дениски тоже сначала жопа появилась, и только потом рот прорезался.

– А ты откуда знаешь? – Валере явно была интересна эта тема.

– Это общие принципы эмбрионального развития для всех животных. Сначала формируется то, что станет анусом, потом все остальное.

– Все, закрываем тему, пошли по домам, – сказал Денис, доставая ключи от чердака из кармана, – возьми, Макс, пожалуйста, другую шабашку, чтобы не так противно о ней можно было говорить.

Домой пришел я совсем поздно. Пока снимал обувь, мимо меня из туалета прошмыгнула Лена

– Сова накормлена, можешь спать спокойно, – сказала она сонным голосом.

– Чем ты ее, интересно, накормила?

– Я сегодня опять к ветеринару ходила, мы Пушинке хвостик отрезали. Теперь она будет идеальной кругленькой кошечкой, да и сова твоя с удовольствием этот обрубок проглотила. За мышами я сама завтра съезжу. Спокойной ночи.

Я закрыл дверь в свой кабинет на замок, забился в дальний угол и, только положив отвертку под подушку, смог уснуть.

Осенняя неделя

Во вторник мне удалось поймать водителя тонированного автомобиля. Это был совершенно обычный с виду молодой парнишка, только какой-то мелкий и щуплый. Он сидел с открытой дверью в своей машине и кого-то ждал, а я как раз шел мимо него.

– Молодой человек, вы три недели назад мне на машину рубль положили. Зачем вы это сделали? – спросил я как можно более сурово.

Парень вытаращил глаза и потянулся закрыть дверь в машину. Я поставил ногу так, чтобы не допустить захлопывания двери.

– А потом вы меня преследовали, вернее, делали так, чтобы я вас догонял. С какой целью, позвольте спросить?

Паренек перестал суетиться и загадочно улыбнулся, было похоже, что он сидел здесь и ждал этого разговора со мной, а первый испуг он искусно сымитировал.

– Это что, рубль такой был? А-а, вот оно что. Я-то думал, что это от вашей машины отвалилось. Ну и положил эту штучку на капот, чтобы точно не потерялась. Преследованиями я не занимаюсь. Да, я видел вашу машину потом, но мы здесь с матерью квартиру снимаем, и я никого из жильцов не знаю, вас вот первый раз вблизи разглядел.

Я убрал ногу и отступил в сторону. Почувствовав себя неудобно, я буркнул что-то себе под нос, пытаясь извиниться за бессмысленный наезд, и засеменил к своему автомобилю. Честно говоря, ощущал я себя полным идиотом. Пока я заводил машину и включал музыку в салоне, паренек проехал мимо меня. Странные чувства вновь овладели мной, я ничего не мог с собой поделать и поехал за ним. Моя машина упорно следовала за его тонированным седаном, маневрируя в потоке и пытаясь приблизиться, пока не ткнулась своим треснувшим бампером в зад автобусу. Надо прекращать эти дурацкие погони. Откуда взялась эта мания? Как-то нужно попытаться совладать с этим и остановить себя.

Когда через день я опять увидел эту машину, выезжающую со двора, мне огромным усилием воли удалось сконцентрироваться и взять себя в руки. Я заставил свои ноги развернуться от авто и пойти на остановку общественного транспорта. Все равно машину пора было отдавать в ремонт: фары треснули, помято одно крыло, деформирован капот и почти рассыпался бампер.

С работы я позвонил в несколько сервисов и договорился с одним из них о ремонте автомобиля. Также удалось дозвониться в ветеринарную консультацию и задать вопросы по поводу кормления совы, а то покупать мышей становилось дороговато, а где брать свежевылупленных цыплят, я не знал. Оказалось, что моего питомца можно кормить еще обычной курицей, но важно, чтобы в желудок совы попадали перья и кости. Насчет кормежки котятами ветеринар сказал, что если сова ест их – то кормите. Я возразил, что мне жалко котят, прозвучал ответ: «Вот кого вам больше жалко, того и кормите. Можете совят котятами, а можете котят совятами, разницы никакой нет».

Вечером я нашел в магазине плохо обшипанных куриц. Дома расчленил их тесаком на мелкие части и попробовал накормить сову. Она с удовольствием проглотила мелкие кусочки. Остатки курятины я заморозил. Лене сказал, что никаких денег на операции больше давать не буду. Если возникнет желание накормить сову, то есть замороженная курица. Если ей нравится смотреть на казнь мышей, то она может ездить туда самостоятельно и из своего кармана оплачивать это зрелище, адрес она знает.

Классификатор двигался к завершению. Я, не заморачиваясь, расставлял признаки млекопитающих насекомым, рыбам приписывал птичьи свойства, а каких-то медуз причислил к высоко социальным животным. Так, по крайней мере, быстро разделяюсь с заданием. Если заказчик ко мне обратится для того, чтобы подправить ссылки, то пусть он даст мне

хоть какие-то правила или алгоритм. С какой стати программист должен знать, кто такая нематода и где живут гельминты.

Не буду гадать, совпадение или нет, но параллельно с работой над биологическим справочником мой дом за две недели тоже превратился в какой-то зверинец. За короткое время у меня появились молчащая и вечно жрущая мясо сова, постоянно орущая изуродованная кошка и обиженная на меня жена, непонятно что вынашивающая в своей голове.

За ужином я высказал пожелание, что если уж она не смогла сразу убить бедное животное, а решила над ним поиздеваться, то, может быть, предпримет какие-нибудь меры, чтобы я не слышал воплей мучающейся кошки. Лена кивнула и стала что-то быстро писать в смартфон. По ее лицу было понятно, что Пушинку ждут новые эксперименты.

Я с нетерпением ждал вечера пятницы, чтобы как-то отвлечься от этого дурдома.

Поветрие

Валерка находился в необычном для него возбуждении.

– Когда меня дома не было, к отцу пришли какие-то три девки, им наш домашний адрес фирма дала, которую я рекламирую в интернете. Ну деньги они мне за это платят. Они же не знают, что это я страничку веду, их директор только с моим отцом общается. Так вот, пришли и спрашивают: «Где тот человек, который знает главную тайну мироздания?»

– Это ты, что ли, тот человек?

– Да подожди! Отец мой, сам знаешь, как разговаривает: у него только мат внятно получается, я-то привык, а девки все не так поняли. Хотя это он мне пересказал, что там было, – Валерка возбужденно размахивал руками.

– Что рассказал-то?

– В общем, он их на своем языке послать хотел, а получилось что-то вроде: «Пока бес-толковке очко не прочистишь, она благодать не приемлет». Ну, там не «благодать», конечно, была. Девки в восторге сказали, что все поняли, и теперь он будет их наставником. Типа они хотят знать все тонкости его учения. Отец еле от них метлой отился. Плевался, матерился, обещал им поливочным шлангом кишки промыть. С трудом за дверь вытолкал. Ну и мне попало, когда я домой пришел.

– Так! Тебе за что? – спросил я, запивая пивом Валеркин рассказ.

– Мы тут с вами про анусы и червяков в прошлый раз болтали, я и начал комментарии делать в таком стиле. Как сказать, анатомическом, что ли?

– Ну-ка, изобрази, – заинтересовался Денис.

– Включи комп, там все есть на страничке, – ответил Валерий.

Мы включил старенький компьютер, Денис с нетерпением помахивал открытой бутылкой пива. Наконец старая развалина загрузилась, я набрал продиктованный Валерой адрес. Высветилась страничка фирмы с рекламой, телефонами и описанием продукции.

– Ну и где?

– Зайди во вкладку «наши работы» и читай комментарии.

Открылась страничка с роликами. Их названия, надо сказать, были оригинальными: «кишечник вашего подъезда», «пищеварительная полость автомойки», «аппендикс мусоро-проводка», «сфинктер на выходе из метро», «подземный переход тошнит людьми».

– Это, что ли, твое творчество? – спросил удивленный Денис.

– Да, мое! – гордо произнес Валера. – Там комменты есть к видео, ты их читай. Девки эти из-за комментариев пришли, – проговорил раскрасневшийся Валерка.

Ниже каждого видео располагались обрывочные диалоги:

– Где тут сфинктер?

– Автор – сам анус.

– Это вас каждый день через кишki пропускают, а вечером вытуживают поближе к дому.

– Кто это написал – тот сам говно.

Или такой:

– Как не стать едой в большом городе?

– Не дай себя переварить!

– Автор – вонючее чмо.

– Если вы еда, то дайте кусочек.

– Хрен тебе.

– Сам не будь кишкой.

– Не перевари, да и не переварим будешь.

– И тебе не хворать.

Подобных невнятных грубых обрывков человеческого гавканья хватало под каждым видео.

– И где тут глубокая мысль о мироздании? – спросил Денис.

– Вы же не все прочитали, я там много чего писал. Наш прошлый разговор почти весь в комментариях своими словами изложил, – возразил Валерий.

– Но мы же ничего такого не говорили! А... Главное здесь то, что это было сказано «своими словами». Ты, видать, развил мысль, и твоя трактовка нехило зацепила этих девушек, – догадался Денис.

– Что же теперь делать? Они же к отцу продолжат приставать, – попросил совета наш друг.

– Валер, повесь камеру и запиши, что они от него хотят, чтобы не со слов своего отца пытаться понять суть вопроса, а из первоисточника, так сказать, информацию получить.

Валерка кивнул и сказал:

– Ладно, попробую. Кстати, Мишка вторую неделю на звонки не отвечает и не перезванивает. Что делать будем?

– Заотдыхался, наверное, скоро объявится, а пока можно попробовать сумасшедшего Володьку на пару бутылок пива затащить на чердак. Пусть хоть расскажет, зачем он со светофором обнимается на переходе и что потом в кустах рядом делает, – усмехнулся Денис.

Так за разговорами прошло время, пора было расходиться и возвращаться к привычной жизни, вовсе не такой интересной, какой она казалась при обсуждении с друзьями.

Шишкина осень

Начало

Прибыв к месту назначения, Михаил осмотрелся. Старый дом выглядел пригодным для жилья, нужно было лишь слегка подлатать крышу и заменить пару досок на крыльце. Заросший бурьяном двор-сад простирался метров на пятьдесят во все стороны от избы. По левую руку в кустах прятался соседский дом, как будто выполненный под копирку, но более ухоженный, даже перила на крыльце блестели свежей зеленою краской. За домами располагался редкий лесок. По правую руку и со стороны дороги участок был огорожен наполовину сгнившим забором. Чуть дальше за этим ограждением чернела еще одна такая же одноэтажная избушка, но вид у нее был абсолютно заброшенный. За спиной у Михаила оставалась единственная в деревне кривая дорога, по которой он, собственно, и пришел с остановки автобуса.

Молодой человек получил этот дом в наследство от деда еще в прошлом году, но работа не пускала хорошенько познакомиться с новым владением. Только сейчас, попав под сокращение штата, у него появилось время, чтобы навестить свое хозяйство. Это была прекрасная возможность немного сбавить темп, отдохнуть перед новым этапом жизненного пути, который должен был вместить в себя безоблачную семейную жизнь, радужные перспективы обзавестись потомством, интересную работу и успешную карьеру.

Где-то в глубине сознания он допускал возможность плонуть на все и стать деревенским жителем, но это больше походило на нелепую фантазию, не имеющую под собой основания. Он привык работать и чувствовал себя неуютно, если ему вдруг оказывалось не нужно ходить по утрам в офис и осуществлять какие-то привычные манипуляции.

Он уже разместил резюме на специальных сайтах, и даже начали поступать звонки с приглашениями пройти собеседование. Самым важным было то, что Михаил со своей подругой Катей договорились через три недели ехать в загс, подавать заявление. Невеста была девушкой с амбициями, ей нужно было завершить пару проектов на работе, и только потом она смогла бы определиться с датами медового месяца. Молодой же человек не был обременен какими-либо серьезными обязательствами.

В свои неполные двадцать девять лет Михаил имел маленький животик, лысеющую голову, небольшой кредит в банке и уверенность в светлом будущем. Вообще-то, полученный в наследство дом он планировал продать, закрыть кредит, а остатки денег пустить на обустройство семейной жизни, которая приближалась с каждым летним днем, как долгожданная золотая осень.

Часть своих вещей из городской квартиры, которую он делил со старшей сестрой, Михаил уже перевез к Кате. Счастью сестры не было предела, она радовалась тому, что брат скоро съедет, и тешила себя надеждой, что в свободной квартире ее шансы наладить-таки личную жизнь значительно увеличатся. Хотя прежде дома ее не бывало неделями: то она к кому-то переезжала жить, то уезжала на курорт – но свое пространство в квартире она оберегала ревностно. Сейчас, имея в своем распоряжении полностью свободную жилплощадь, она была уверена, что уж теперь точно захомутает себе какого-нибудь женишка.

Михаил тем временем, убедив Катю, что ему перед поиском новой работы и предстоящими семейными обязанностями просто необходима смена обстановки, сбежал в деревню. Он надеялся, что ближайшие пару недель его никто не побеспокоит, и ему наконец удастся сделать маленький перерывчик в городском ритме жизни. Он планировал хотя бы дней пять

проводить на свежем воздухе, расслабиться, отвлечься от бесконечной суеты, к тому же стояла солнечная теплая погода. Август близился к концу.

Первый день

Внутри дома пахло плесенью, толстый слой пыли лежал на мебели и подоконниках.

– Да, – подумал Михаил, – прежде чем выставлять имение на продажу, надо будет завести сюда Катерину, чтобы прибралась немного.

Он достал из рюкзака бутылку водки, консервы и хлеб.

– А сейчас мы справим новоселье! – радостно обратился он к себе.

Михаил постелил заранее прихваченную из города скатерть на грязный стол. Отыскав рюмку и нож в пыльном шкафу, он углом скатерти протер посуду, отрезал хлеб, открыл баночку консервов и, сосредоточенно пыхтя, наполнил рюмку водкой. Оглянувшись вокруг, он присел на самодельный топчан, стоящий возле стола, поднял стопку, вздохнул и выпил.

Пока он закусывал, ему показалось, что в окне рядом с дверью промелькнула тень, но не стал заострять на этом внимание. Потом вдруг услышал, что кто-то потоптался на крыльце, кашлянул и чем-то скрипнул. Михаил решил, что пора знакомиться с соседями. Он широко распахнул входную дверь и хотел было громко сказать: «Видать, хороший человек, раз к столу пожаловал!» – но осекся: на пороге никого не было. Он огляделся – тишина, только где-то за домом раздавалась птичья перекличка.

Будучи в полной уверенности, что за дверью только что кто-то был, молодой человек решил обойти дом.

Вплотную к стенам росли крапива и какие-то кусты. Идти было не очень удобно, поэтому Михаил смотрел больше под ноги, а не по сторонам. Повернув за угол дома, он увидел пристроенный к стене ветхий сарай, покосившаяся дверь которого была приоткрыта. Перешагивая кусты, он пробрался до двери и заглянул внутрь. Благодаря лучикам, струящимся через дырявую крышу чуланчика, виднелись старые инструменты, допотопный садовый инвентарь, самодельная лестница, коробки с ржавыми кривыми гвоздями, какие-то кулечки и свертки. Вдруг он услышал, как хлопнула входная дверь в дом.

Бросив осматривать хлам, Михаил развернулся и уже почти бегом припустился обратно. То ли от волнения, то ли от быстрой ходьбы у него слегка перехватило дыхание. Дома он обнаружил, что, вроде как, уменьшилось количество водки в бутылке, а закуску, кажется, кто-то пощипал. Все остальные вещи были не тронуты.

Михаил отдохнул. Он почувствовал прилив возмущения, плавно сменяющийся расстерянностью. На кухне и в двух комнатенках, как следовало ожидать, никого не было. С нарастающим беспокойством молодой человек достал из рюкзака ключи, сунул перочинный нож в задний карман штанов и, тщательно заперев входную дверь снаружи, пошел искать непрошшеного гостя по горячим следам.

За порогом на гравийной дорожке, ведущей от крыльца до калитки на улицу, виднелась чуть помятая жидккая растительность, еще была протоптанная им же самим тропа до сарая. Никаких других следов не наблюдалось, да и спрятаться тут было негде. Михаил решительно направился к калитке.

На кривой деревенской улице было тихо, где-то очень далеко, за холмом, залаяла собака, больше не было ни души. В глаза ласково светило солнышко, и приходилось щуриться.

В соседнем дворе, где стоял дом с покрашенным крыльцом, скрипнула дверь. Он осторожно двинул на звук, стараясь не нарушать картинную идиллию, которую представляла собой тихая деревенская улочка. Было даже странно, что здесь, в таком романтическом захолустье, могут быть жулики.

Вдруг открылась калитка в заборе на противоположной стороне дороги, и прямо на Михаила бросился худой с длинными слипшимися волосами мужчина. Не добежав двух метров до остолбеневшего молодого человека, незнакомец оступился, упал навзничь и замер.

– Вы в порядке? – испуганно поинтересовался Михаил.

Тут он вновь услышал звук хлопнувшей двери на том участке, к которому направлялся. Подумав, что если его увидят спокойно стоящим над распростертым на земле человеком, то обвинят в избиении или, по крайней мере, в неоказании помощи, он присел на корточки и похлопал лежащего по плечу.

– Я могу вам помочь? – осторожно спросил Михаил.

– Никогда не ходи там, это в твоих же интересах, – корчась на земле, ответил мужчина.

– Хорошо, не буду. Вам помочь?

– Да, помоги мне сесть. Меня зовут Слава.

Поддерживая за локоть и приподнимая этого странного человека, Михаил ощутил запах спиртного, но так и не понял, пахло от мужчины или от него самого.

Слава продолжал:

– Видишь? Провода низко висят. Столб наклонился, в любой момент может упасть. Как только провод дотягнется до земли, то все живое вокруг выжжет! И тебя может убить электричеством. Все нормальные люди ходят по другую сторону улицы. Понял?! Ты вообще кто?

– Я Михаил, внук Александра Шишкина, он в конце прошлого года умер. Вот приехал проведать хозяйство, – сказал молодой человек, махнув рукой в сторону своего дома.

– А, наследничек приехал. И сразу под провода полез! Так ведь твой дед от этого и помер, что его током постоянно было, он сам рассказывал. Ложку берет – его током шарахает, в огороде копается – его опять электричеством херачит. А когда его мертвого в доме нашли, то он крепко в руках сжимал ведро, а руки-то все черные, и шерстью паленой вокруг воняло.

– Так вы меня спасать бросились?! Тогда могу вас отблагодарить, – Михаил показал Славе сжатую ладонь с оттопыренными большим пальцем и мизинцем. – Рюмочку? За знакомство, не желаете?

– Нет, спасибо, я уже, так сказать, того. Хотя… Одну можно, если за знакомство.

Пока шли обратно в дом, Михаил заметил, что Слава слегка прихрамывал. На вид ему было лет сорок пять, выглядел он как обычный забулдыга. Молодой человек думал про себя:

– Знакомиться с местными все-таки надо, вдруг что-то попросить придется, крыльцо отремонтировать, например, или крышу.

Повозившись со старым замком, новый хозяин дома открыл дверь и пропустил гостя вперед. Видно было, что Слава бывал здесь не раз и чувствовал себя как дома. Он по-свойски уселся на топчан возле стола и принялся изучать этикетку на бутылке водки. Михаил тем временем резал хлеб и открывал еще одну банку с консервами.

– Ты сильно не суетись, я одну рюмку выпью и пойду, – сказал гость.

– А вот, кстати, то самое ведро стоит, с которым твой дед умер, – он показал пальцем на замызганную жестянку, стоящую рядом с дверью под выключателем, – ты уж будь поосторожнее с ведрами и проводами, пожалуйста!

Слава не собирался уходить, пока бутылка не опустела, зато рассказал много чего интересного и полезного, что могло помочь при продаже дома, да и просто в общении с местными жителями.

Как оказалось, в деревне всего двенадцать хозяйств. Единственный новый дом построил два года назад некий Толя, который не живет здесь постоянно, но приезжает в отпуск и иногда по выходным. Слава почему-то не любил Толю. Из местных живут здесь

постоянно только четыре человека: Борис, Марат, Виктор и сам Слава. В остальных домах или никто не живет совсем, или бывает редко. Три дома выставлены на продажу, но хозяева слишком много просят, и потому покупатели не особо торопятся расставаться с деньгами.

Из пьяных речей Славы можно было понять, что все – полные придурки, кроме него одного. Зато он и мастер на все руки, и местный герой-любовник, и чудо-рассказчик, да и вообще весьма приятный человек. Михаилу сказочно повезло, что он встретил в первый же день такого молодца.

Гость продолжал болтать, гостеприимный хозяин слушал и делал свои выводы. Он понял, что Слава, скорее всего, не мог быть тем жуликом, который навестил его с утра. Во-первых, Слава хромой, и потому вряд ли он сумел бы так быстро испариться с крыльца. Во-вторых, он рассказал, что, прежде чем встретить Михаила на улице, трапезничал и при этом потреблял самогон. А вот выбежал он на улицу, потому что хотел то ли прогнать, то ли поймать какую-то птичку, но этому помешал Михаил.

Повод для внезапного появления на улице был какой-то надуманный, но что возьмешь с деревенского пьяницы, у его поступков могут быть самые неожиданные мотивы.

Уходил гость домой, когда уже начало темнеть. Хромая к выходу, он споткнулся о ведро, стоявшее возле двери, обматерился и сказал на прощанье:

– Будь осторожней с проводами, особенно избегай электросварки.

После чего алкоголик растворился в деревенском сумраке.

В доме стало совсем темно и тихо, пора было готовиться ко сну. Мысли о таинственном дневном посетителе, который хлопал дверью, уже оставили Михаила. Он щелкнул электрическим выключателем, деревенскую кухню озарил тусклый желтый свет. Запахло паленой шерстью.

Первая ночь

Дом Шишкина изнутри представлял собой три отдельных помещения. Кухня-столовая, совмещенная с прихожей, где только что выпивали за знакомство Михаил со Славой, была самым большим пространством. Две маленьких комнаты, по задумке неизвестного строителя, были индивидуальной территорией. В каждой стояли по две старые кровати и по паре тумбочек. Михаил выбрал себе для ночлега комнату попросторней, менее заставленную и, как ему показалось, более светлую. Застелил привезенное с собой постельное белье, выключил свет и улегся спать. По-детски свернувшись калачиком, он сразу уснул. Сказались долгая дорога и алкоголь.

Снилась ему Катя. На ней была маечка, плотно облегающая грудь, и очень тугие шортики. Катя шла в ярком солнечном свете за водой с двумя ведрами в руках и мило улыбалась. Рядом с ней шел Слава в костюме с галстуком-бабочкой, не хромой, аккуратно подстриженный, этакий галантный джентльмен. Он взял у девушки из рук пустое ведро, подбросил его вверх и начал пинать ногами в воздухе, не давая ему упасть. Тем временем у Кати стала чернеть рука, в которой было второе ведро. Приглядевшись, Михаил обнаружил, что чернотой оказались плотно примыкающие друг к другу, быстро растущие черные птичьи перья. Они внезапно воспламенились. Огонь перекинулся на одежду, и женская фигура превратилась в пылающий силуэт. Свет этого нестерпимо яркого пламени слепил Михаила, заставлял его плотнее сжимать веки и закрывать глаза рукой.

Он проснулся от того, что в глаза ему бил яркий свет. Луч от мощного фонарика светил в лицо со стороны окна. Кто-то стоял снаружи дома и, прислонив фонарь к стеклу, изучал помещение. Лучик света бегал по стенам, периодически останавливаясь на лице молодого человека. Михаил резко поднялся и сел на кровати, фонарик сразу выключился, стало темно.

Включив свет, молодой человек прошел на кухню, где проверил, закрыт ли замок на входной двери. Выходить в ночь и выяснять, кто светил фонарем, желания не было. Он налил в стакан питьевой воды из привезенной с собой бутылки и выпил ее. Натянул штаны, нашел свой перочинный нож, сунул его в карман. Возвращаться в комнату не хотелось, он понимал, что при включенном свете без занавесок его можно рассматривать как на витрине. Он расположился на топчане, который стоял за кухонным столом так, чтобы из окна с улицы его было не видно. Спать уже не хотелось, было не страшно, но как-то неуютно и беспокойно. Тишина на улице и в доме была настолько мертвой и гнетущей, что Михаилу казалось, будто он находится в каком-то тугом коконе из звукопоглощающей материи, причем его только начали заматывать, и виток за витком вырастает стена, отделяющая молодого человека от мира со светом и звуками.

Задремать удалось только тогда, когда за окном стало немного светать, зашелестели листья на слабом ветерке, и мрачная тьма на улице сменилась сереньким прохладным рассветом.

Второй день

– Итак, – подумал Михаил, – загородная жизнь полна сюрпризов, и не очень приятных. Задерживаться здесь надолго не стоит. Нужно притащить этого Славу, уговорить его за бутылку починить крышу, а там, где прогнили доски на крыльце, поменять их. Надо валить отсюда в город и как можно скорее.

Он нашел в рюкзаке сваренные Катей вкрутую яйца, съел их, запивая минералкой, и отметил, что к дому не подведена вода. Мало того, что мыть посуду или пол было нечем, не было возможности даже умыться или сполоснуть руки. Питьевая вода, привезенная из города в полуторалитровых бутылках, заканчивалась.

– Видимо, придется идти за водой к местному колодцу. Но где он находится? Так и сяк придется идти к Славе. И про воду узнаем, и про ремонт поговорим! – строил планы на день молодой человек.

Утренняя свежесть постепенно отступала. Теплый ветерок шевелил первые желтеющие листочки, а там, куда попадали солнечные лучи, становилось тепло и уютно. Выйдя на улицу, Михаил почувствовал, что остатки ночной тревоги и тоски покинули его. Снова на душе стало спокойно. Шагая по дороге к дому Славы, он вновь ощутил умиротворение и притягательную прелест загородной деревенской жизни.

– А все-таки, красота какая и спокойствие!

На заборах и темных стенах домов играли солнечные блики, и деревенка казалась раритетным памятником, сохранившим очарование и уют прежнего неторопливого быта. Почти физически ощущалось, как замирало время. Ветерок стихал в изгибах кривой улицы, и даже крошечный паучок, хотевший куда-то улететь на обрывке паутины, неподвижно парил на одном месте. Никто никуда не спешил, и время тоже решило замедлить свой ход. Михаилу казалось, что он неестественно медленно переставляет ноги, почти попадая в ритм местных неторопливых колебаний.

Тихонько, опасаясь скрипнуть петлями, Михаил открыл калитку и прошел внутрь Славиного двора. Стоящая во дворе хибара была очередной копией дома Михаила, разве что отличалась большим количеством небрежно смонтированных заплат. Где-то виднелись куски вставленных досок, а вся рубероидная крыша была латана-перелатана, причем материал для ремонта использовался самый разный, потому кровля выглядела пестрой и разноцветной.

Судя по тому, что из дома был слышен звук работающего телевизора, хозяин уже не спал. Михаил постучал в дверь. Через какое-то время открыл Слава, он был в одних тру-

сах. Выглядел он для своего возраста подтянутым, на животе не было лишнего жира, можно сказать, что мужичок был довольно жилистым. Только лицо его было какое-то сморщенное, побитое жизнью, казалось, что оно не соответствует возрасту тела своего обладателя.

– Слушай, у тебя еще водка есть? – спросил Слава, вместо «здравствуйте».

– Нет, я только одну бутылку привез, тащить на себе от автобусной остановки ящик не хотелось, – усмехнулся Михаил, – кто же знал, что здесь будут страждущие.

– Ладно, значит, наверное, у тебя есть деньги. В двух километрах отсюда другая деревня, там больше жилых домов, есть газ, бабы и магазинчик. Продавщица Валя (для тебя – тетя Валя) гонит самогон. Лучше твоей водки, да и стоит он в два раза дешевле. Сходи, а. Купи, я-то хромой, и после твоего пойла башка трещит.

– Да мне вроде не надо ни водки, ни самогона. Ты лучше скажи, где тут воды набрать.

– Питьевая вода есть только у Бориса и Толика, остальные собирают ту воду, которая стекает с крыш, потом фильтруют, а для полива есть заросший пруд в конце улицы. Хочешь, дам насос и шланг, только сначала надо похмелиться.

Михаил не был готов к экспедиции в другую деревню, но настойчивость Славы и его согласие сотрудничать убедили молодого человека в том, что за выпивку он сможет быстро договориться с этим соседом о чем угодно.

– Хорошо, я схожу за водкой, но поливать мне ничего не надо. Ты лучше добудь мне литров пять питьевой воды и посмотри, что можно сделать с моими крыльцом и крышей. Потом вместе прикинем фронт работ. Идет?

Слава поморщился и сказал:

– Иди уже, и так понятно, что там делать… Ладно, посмотрю.

Погода была великолепная. Михаил взял телефон и рюкзак, предварительно все из него вытряхнув, одел бейсболку, спортивное трико и, не застегивая летнюю рубашку, выдвинулся в соседнюю деревню.

Он обошел заросший пруд и, миновав последний дом, поднялся на небольшой холм. С его вершины открылись заросшие кустарником брошенные поля и примыкающая к сосновому лесу еще одна деревенька. Она состояла из более приличных домишек и по числу их была явно больше. Слышались задорные посвистывания рассекающих небо стрижей и стрекот кузнецов. Спускаясь с холма, Михаил заприметил надвигающуюся с востока мрачную тучу. Ветер сменился, он стал сильнее и холоднее, чем утренние теплые сквознячки. Туча была далеко, и непонятно еще, в какую сторону она будет двигаться. Настроение Михаилу легкая смена погоды не испортила.

Всего путь до соседней деревни занял около получаса прогулочным шагом. Магазин нашелся сразу. На одном из не выделяющихся ничем домов, прямо на фронтоне, были прибиты огромные вырезанные из фанеры цифры «2» и «4». Видимо, это означало, что заведение открыто 24 часа в сутки. Рядом с этим домом стоял встроенный в забор сарай с дверьми на улицу. На двери краской было написано «Стучите». Михаил стучал минут пять, пока не услышал, как кто-то открывает дверь в помещение со стороны двора.

Наконец щелкнула задвижка, и Михаила пустили в магазин, где на самодельных полках стояли консервы, спиртное, сигареты, а также небольшой ассортимент круп и макаронных изделий.

Михаил сразу перешел к делу.

– Мне Слава сказал, что тут у тети Вали можно купить самогон, я бы взял пару поллитровок.

– А кто вам сказал, что я – тетя Валя и торгую самогоном? Вот водка есть. Берите ее, – отвечала приятной внешности женщина средних лет с грустными глазами и волнующим тембром голоса.

Михаил сразу покорился ее скромному обаянию. Он даже пожалел, что так небрежно начал разговор. Просить самогон он больше не стал. Взял две бутылки водки, пару банок консервов, три бутылки с водой, на тот случай, если Слава не выполнит задание и не сможет добыть чистой воды. Загрузив покупки в рюкзак, он собрался взвалить все это на плечи, как в кармане заверещал телефон, звонила Катя.

Мелодия телефона показалась голосом из другого мира. Почти за сутки, насыщенные непривычными событиями, Михаил настолько погрузился в новую жизнь, что даже вздрогнул. Катя слегка наехала. По правде сказать, было из-за чего, она стала обвинять будущего супруга в том, что он ни разу не позвонил с того момента, как уехал. Также девушка рассказала, что обновила его резюме на всех сайтах. При этом она выговарила Михаилу, что нельзя так наплевательски относиться к поиску работы, все-таки пора взрослеть и думать уже о семейной жизни. Еще звонили из банка и сказали, что у него есть просроченные платежи. Катя переживала, что раз уж они дозвонились до нее, значит, дело серьезное.

Дыхание семейного очага становилось все более отчетливым. Михаил понимал, что ему уготована роль ведомого в этом брачном тандеме. С одной стороны, его мужская гордость немного восставала против такого хода событий, а с другой стороны, если ей хочется заниматься всякой рутиной и держать каждую мелочь в своей голове, то это даже лучше для него, он не будет тратить время на эти пустяки. Михаил не сопротивлялся обвинениям Кати, только сказал, что прежде, чем устраиваться на работу, ему все равно сначала надо уладить деревенские вопросы. Договорились созвониться вечером.

Михаил, глядя на продавщицу, сказал в трубку: «Целую, дорогая!» – и отключил связь. Продавщица, слегка смущившись, отвела глаза в сторону.

– А вы увидите Славу? – спросила она.

– Надеюсь.

– Тогда передайте ему привет от Валентины и скажите, пусть заходит.

– Что-то он не захотел к вам идти, меня за водкой послал.

– Ой, он же не любит водку, у него голова болит от нее, сейчас я вам кое-что другое дам.

Женщина нагнулась под прилавок и стала чем-то там греметь. Застиранный халатик плотно обтянул ее внушительные, но упругие ягодицы. Михаил попытался определить, есть ли под халатом трусики, однако ему это не удалось. Продавщица достала литровую бутыль с прозрачной жидкостью, в которой плавали какие-то листики. Она заботливо обернула сосуд бумагой и протянула его застывшему в раздумьях Михаилу. Он очнулся и засунул бутыль в рюкзак, отчего тот стал заметно тяжелее.

Тетя Валя даже вышла из-за прилавка, чтобы помочь ему взвалить ношу на плечи. Пока они корячились с рюкзаком, Михаил почувствовал, как она погладила его легонько по бедру. Он подумал, что это случайно.

Вдогонку с крыльца магазина, демонстрируя возможности своего голоса, Валентина крикнула: «Если Слава сам здесь не появится, то я больше ему давать не буду». И другим смущившимся голосом: «Бесплатно... самогон, блин». Михаил улыбнулся: «Похоже, с этими двумя все ясно».

Пока Михаил поднимался на холм, разделяющий две деревни, солнце спряталось за тучу, и подул уже совсем холодный ветер. Пришлось застегнуть рубашку. Начали покрывать небольшие, но холодные капли дождя, молодой человек ускорил шаг. Через минуту пошел не просто дождь, а ливень. Очень быстро стало темно. Бежать с полным рюкзаком за спиной по размокающей скользкой проселочной дороге было невозможно. Михаил то ускорялся, то шел медленно, тяжело дыша. Ручи холодной воды текли с его мокрой головы по шее за шиворот, рюкзак впитал в себя дожевую влагу и стал еще тяжелее. Когда он подходил к дому, тучки начали освобождать небо, появилось солнце, но свежесть осталась, при-

чем стало даже холодней, чем прошлой ночью. Наконец, полностью мокрый, запыхавшийся и трясущийся от холода Михаил подошел к дому.

На крыльце под крышей сидел Слава с пятилитровым баллоном воды.

– Слушай, быстро ты, я только успел одеться, взять у Бориса воду и дойти до твоего дома, а ты уже тут как тут. Давай помогу.

Михаил хотел спрятать самогон и одну бутылку водки, чтобы потом ими расплачиваться со Славой за ремонт, но тот сам снял с мокрого ходока тяжелую ношу. Пока юноша пытался дрожащими руками стянуть с себя сырую одежду, гость начал рыться у него в рюкзаке, что-то бормоча себе под нос.

– Чтобы не простудиться, тебе непременно надо выпить, причем именно самогона. У Вали он особенный, мобилизует внутренние ресурсы, так сказать. Даже не мобилизует, а мобивылизывает.

Михаил был не в состоянии оценить юмор. Он даже возразить что-либо не мог. Зуб на зуб не попадал, надо было согреться любым способом.

Пока новые друзья пили, как оказалось, очень недурственный самогон, в основном вещал Слава. Он почти слово в слово повторял вчерашние истории, видимо, других у него просто не было. Когда внутреннее тепло от алкоголя немного позволило Михаилу расслабиться, он смог сформулировать вопросы, ответы на которые его сейчас больше всего интересовали. Из сбивчивых Славиных речей, а он имел привычку перепрыгивать с темы на тему, кое-что ему все же удалось выяснить.

Естественно, осмотра дома и оценки ремонтных работ этот болтун не делал. Питьевую воду Борис безвоздмездно раздает желающим, и для этого он вывел на улицу со своего участка кран, к которому подходит вода из его личной скважины. У Славы с продавщицей Валентиной роман. Кроме того, по мнению Славы, в самогон тетя Валя добавляет афродизиак.

– Не понял, так зачем мы его сейчас пьем? – удивился Михаил.

– Да это лучший самогон, который я когда-либо пробовал, я не могу без него! Когда я просто воды хочу выпить или поесть чего-нибудь, то у меня откуда-то из глубины души рождается вкус этого божественного напитка во рту, и ничего другого уже не хочется.

– Ну, это просто алкоголизм.

– Нет, это любовь!

– К Валентине?

– Нет, для этого она в самогон траву добавляет. Люблю я самогон, а когда его выпью, то люблю Валентину. Она этим и пользуется. Я не могу без самогона, а Валентина не может без меня.

Михаил вспомнил, как продавщица погладила его по ягодице. Он подумал, что, пожалуй, она-то без Славы не пропадет. С такой-то внешностью, с таким голосом. Он почти заново ощутил ее прикосновение. Вновь почувствовал ее горячее дыхание на затылке. Ему захотелось, чтобы Валентина прикоснулась к нему снова, а он бы с удовольствием погладил ее. Ну, или хотя бы провел пальцем по ее щеке, потом нежно дотронуться языком до шеи, потом... Он понял, что это подействовал афродизиак. Он тупо посмотрел на Славу, который что-то объяснял, извиваясь и жестикулируя, при этом выделявал языком какие-то неприличные движения, как собака.

Остро захотелось выпить, даже напиться, потому что вкус самогона приятно горел во рту, а фантазии, связанные с внезапно нахлынувшим сексуальным возбуждением, занимали все мысли. Даже не очень приятный Слава, сидящий напротив, не вызывал более отвращения. Хотя было бы гораздо лучше, если это оказалась Валентина. Наверное, чтобы избавиться от этого наваждения, кроме того, как напиться – другого средства не было.

Неожиданно для себя Михаил сказал:

– Стой, у вас бабы в деревне есть?

– Нет, но устроить можем! – Слава хитро прищурился. – Телефон свой давай. Сейчас позвоним!

Молодой человек полез в карман, телефона не было, проверил мокрый рюкзак, там тоже было пусто. Видимо, уронил по дороге, когда бежал под дождем, или в доме, пока переодевался.

Они принялись со Славой ползать по дому в поисках телефона, но нашли только лужу в углу, которая натекла из-под развалившейся кровли.

– Обойдемся без телефона, – сказал Слава, разливая очередную порцию. – Пошли к Марату, бери водку, самогон оставь нам на утро.

Михаил даже не спросил, зачем надо куда-то идти, так как, кроме похоти, проснулся еще и авантюризм. Он нашел сухие дедовские калоши. Чертыхаясь и промахиваясь мимо рукавов куртки, он оделся. Весело пошатываясь, они со Славой вышли в вечерний сумрак искать себе приключений.

Дом Марата находился в противоположной от Славиного дома стороне, на той же единственной улице. Смачно чавкая по грязи, друзья прошли мимо пустых домов. С крыши одного из них бесшумно вспорхнула и набрала высоту большая птица. Расправив крылья в свободном парении, она сделала круг над деревней и улетела прочь.

Обходя свежие лужи, пьяные товарищи подошли к дому на окраине деревни. Калитка, ведущая во двор, была открыта. Дом стоял темный и, по ощущениям, пустой. Слава стал стучать в дверь и звать Марата дурным пьяным голосом. Никакой реакции не было. Через какое-то время Слава дернул рукав Михаила и потащил молодого человека с собой за угол дома. Там под окном стояла лавка, на которую хромоногий проводник взобрался и уверенным движением толкнул створки окна. Со скрежетом и звоном разбивающегося стекла они открылись внутрь.

Слава, матерясь, полез в образовавшийся проем. Он упал, перелезая через окно, и загремел чем-то в комнате, после чего мат затих. Наступила тишина.

Михаил стоял под окном, лезть внутрь не хотелось, всякие желания пропали, кроме одного – забраться под теплое одеяло и заснуть. Он вспомнил, что почти не спал прошлую ночь. Сумерки стремительно превращались в холодную пасмурную августовскую темень. Михаил огляделся. Силуэты брошенных домов, казалось, стали больше. Они неслись с темнотой, а стали пятнами тьмы, черными дырами в небольшом пространстве деревни. Он подумал, что, наверное, если посмотреть сверху, то эти отдельные темные пятна сливаются в одну большую черную кляксу, и это неправильное образование на фоне полей и лесов, этот дефект, искривляя пространство, затягивает в себя окружающий ландшафт. Даже тусклые блики угасающих звезд уже никогда не отразятся от его матовой поверхности, навсегда сгинут, притянутые неведомой темной силой.

Он развернулся и побрел домой. Дожидаться Славу не хотелось, было непонятно, чем он там занят. Действие алкоголя улетучилось, и апатия полностью овладела сознанием Михаила. Войдя в дом, он с отвращением посмотрел на загаженный стол. На столе лежала утренняя скорлупа яиц, валялись пустая бутылка водки с прошлого вечера и банки консервов с чем-то засохшим в них. Над всем этим, как колокольня над сожженным кремлем, возвышалась початая литровка самогона. Михаил, не раздеваясь, лег на топчан на кухне и закрыл глаза.

Вторая ночь

Только сон попытался овладеть телом Михаила, как в дверь громко постучали, и испуганный голос Славы сказал: «Открывай быстрее, Марат повесился».

Хотя Михаил и не видел никогда этого Марата, стало как-то тоскливо и одновременно тревожно. Он впустил Славу. Тот моментально наполнил рюмки самогоном, заставил сонного молодого человека выпить и опрокинул стопку сам.

– Пошли к Борису, он хоть и странный мужик, но точно знает, что надо делать, – произнес Слава.

– Я спать хочу.

– По-твоему, я, хромой, один буду тут ночью ходить, народ собирать и проблемы решать. Нет у тебя ни стыда, ни совести!

Деваться было некуда, пришлось опять выходить из дома. На дворе было совсем темно. Слава показал короткую дорогу к Борису. Оказывается, что между домами Михаила и Бориса не было забора. Это у него было свежевыкрашенное крыльцо, которое вчера бросилось в глаза Михаилу.

Молодой человек про себя отметил, что окно спальни, в которую светили фонариком прошлой ночью, выходило как раз на этот дом. В темноте было не разглядеть, есть там тропа между домами или нет. Слава хромал впереди и освещал дорогу зажигалкой. Что там было у него под ногами – видел только он сам. Михаил послушно шел сзади, пытаясь попадать в Славины следы. Окна в доме у Бориса не светились. Собутыльники поднялись на темное крыльцо.

Слава стал барабанить в дверь и таким же голосом, которым он час назад звал Марата, начал вызывать Бориса. Аналогия была полная: темный дом, стучящий в дверь пьяный Слава. Тишина в промежутках между ударами и криками ощущалась физически. Она смертвой улыбкой стояла за спиной, не позволяя втянуть даже эху. У Михаила что-то сжалось и заледенело в груди, холод стал заполнять его тело и парализовал сознание, а с ним и любые попытки двинуться.

– Может, перестанешь стучать, а то всех распугаешь, – прошептал молодой человек.

– Кого всех? – Слава перестал долбить по двери.

От этого вопроса стало совсем жутко.

– Ну, есть же кто-то еще... Здесь... В деревне, – еле шевеля замерзшими губами произнес Михаил.

– И то верно.

Молодому человеку показалось, что Слава перекрестился.

Тишина буквально звенела в ушах. Вдобавок к этому звону у Михаила добавилась боль в виске и левом боку.

Слава сел на ступеньки под дверью и закурил. Михаилу стало не просто жутко, а так, что задрожали колени и даже навернулись слезы. Он вспомнил, что в деревне, кроме него, живут еще четыре человека, один из которых висит в петле в своем доме. А еще вокруг стоят восемь пустых домов, что или кто там висит, никому не известно. И непонятно, что с Борисом. Михаил начал стремительно трезветь. Страх расползлся и начал заполнять окружающее пространство, он встал рядом с Тишиной, та перестала улыбаться. Молодой человек не мог пошевелиться. О том, чтобы бежать домой, речи не было. Ему казалось, что кто-то двигается в темных окнах дома напротив и в кустах, и за забором на дороге. Он оглянулся на свою избу и вздрогнул. Казалось, что сердце остановилось. В его доме, находящемся в пятидесяти шагах, кто-то светил фонариком на кухне.

Он схватил за плечо Славу: «Смотри, кто это может быть?» Свет от фонарика оказался уже на улице и начал движение в их сторону. Причем он двигался тем же путем, по которому только что шли Михаил со Славой. Постепенно вырисовывался движущийся силуэт. Идущий был высокого роста, но не широкоплечий. Он светил себе фонарем под ноги, и отраженное от мокрой травы зеленое сияние освещало его фигуру. Дойдя до крыльца, этот кто-

то мельком осветил застывших с искаженными лицами собутыльников и неожиданно веселым и звонким голосом сказал:

– Что, алкоголики, водка кончилась? Слава, ты же знаешь, что просто так я не наливаю, нужен либо серьезный повод, либо выполненное поручение.

Мужчина зазвенел ключами, подвинул сидящего на крыльце Славу, открыл дверь, включил свет и запустил внутрь дрожащих друзей.

– Ну, заходите, что у вас стряслось?

Когда Борис снял остро торчащий вверх капюшон плаща, то оказался не таким высоким, каким виделся в темноте. Худощавое обветренное лицо выдавало в нем трудолюбивого и принципиального человека. Слава сбивчиво рассказал про то, как они пошли к Марату. Тот не открыл. Слава залез в окно и в спальню при свете зажигалки обнаружил висячего на веревке под потолком Марата. Обратно он выскочил через дверь, открыв щеколду, и поспешил к Михаилу, а потом, уже вдвоем, они прибежали к Борису.

Борис задумался и, глядя на Михаила, спросил:

– А ты почему ушел? Дождался бы друга. А то как на подвиги – так вместе, а как беда – так в кусты.

– У меня сил не было, я всю ночь накануне не спал, потому и ушел. Можно я пойду к себе? Вы уж сами как-нибудь справитесь, – жалобно возразил молодой человек.

– Нет, нельзя, вдруг это убийство, и преступник притаился где-то на улице, пойдем все вместе к Виктору, потом вызовем полицию. А до приезда следователей будем держаться вместе.

Пришлось подчиниться. Борис выдал каждому по маленькому фонарику, взял огромный нож-мачете и засунул его себе куда-то под плащ. Слава уговорил Бориса зайти в дом Михаила и взять с собой самогон с закуской, а то он не сможет всю ночь не спать, а у Виктора как обычно нет ни еды, ни выпивки.

Все вместе они зашли в дом Шишкина. Слава по-хозяйски покидал в подобранный на полу пакет все, что из съедобного было выставлено на стол. Не забыл он и початую литровку самогона. Борис, наблюдая за тем, как Слава ищет еду в куче мусора на столе, удостоил Михаила таким презрительным взглядом, что тот втянул голову в плечи и в таком сжатом и подавленном состоянии поплелся в конце процессии к Виктору.

Виктор жил через два дома от Славы, рядом с прудиком в конце деревни. Все вместе за пять минут дошли до его участка. Виктор быстро открыл дверь. Выслушав рассказ Бориса, он включил свет во всем доме и даже во дворе – там у него были смонтированы два фонаря.

Виктор был небольшого роста и в очках. Возраст трудно было определить, похоже, что ближе к семидесяти. В городе его можно было бы назвать престарелым интеллигентом, однако деревенский быт и обстановка накладывали свой отпечаток. Большой нос картошкой, на котором сидели старые очки, был покрыт редкими седыми волосками. Михаилу показалось, что Виктор чем-то напоминает доброго гнома из детского мультфильма.

Тем временем Борис позвонил в полицию и о чем-то долго разговаривал по телефону. Михаил находился в прострации, голова не соображала. Шла его вторая бессонная ночь. Количество выпитого за два дня алкоголя практически без закуски было выше любой нормы. Если учесть то, что за последние часы он пережил столько противоположных эмоций и состояний, начиная с того, что замерз, потом возбудился, испытал страх, а потом стыд, то неудивительно, что все происходящее казалось ему сном.

Пока Слава с Виктором накрывали на стол, Борис объявил всем план действий. Он был простой и логичный.

Во-первых, так как никто, кроме Славы, не видел Марата повешенным, то делать выводы о произошедшей трагедии еще рано. Во-вторых, идти ночью и проверять, что там на самом деле случилось, никто не хочет и не будет. В-третьих, даже если все то, что говорит

Слава – правда, то срочная помощь повесившемуся жителю вряд ли понадобится. Кроме того, присутствующим, пока они вместе, ничто не угрожает. К девяти утра подъедет патрульная полицейская машина, а там и станет понятно, что делать.

Раз уж Борис решил, что до приезда патруля все жители деревни будут находиться вместе и охранять друг друга, то скротать время решили за столом. Слава разлил самогон по вместительным рюмкам и сказал:

– Жуть какая, давно у нас в деревне такого не было. Мне показалось, что когда я убегал из дома Марата, то кто-то смотрел мне вслед из его комнаты и тихонько хихикал.

– Пить надо меньше, – сказал Борис.

– Еще мне показалось, что у него штаны были спущены, – проигнорировал слова Бориса Слава.

– А смех какой был, низкий грудной или высокий птичий? – поинтересовался Виктор.

– Конечно, грудной женский, зазывающий. Какой еще у Марата в комнате может быть? – засмеялся Борис.

– Больше похож на птичий с переливами и причмокиванием, – Слава изобразил губами какие-то звуки.

Виктор многозначительно посмотрел на Бориса, тот примолк и сразу стал серьезен.

– А, Виктор, опять ты со своей «скверной» птицей. Нет тут у нас, кроме ворон, синиц и воробьев, птиц никаких. Те, что остались, конечно, тоже дурные, но «скверной» нету. И без твоих фантазий жути хватает, – твердо заявил Слава.

У Михаила почему-то руки свело в локтях. Они разогнулись и застыли под столом, как сухие палки, зажатые между коленками.

Слава, немного выпив, стал опять разговорчив.

– Вот, например, я в баню свою боюсь один ходить, особенно с похмелья. У меня там черная рука живет...

Михаил внутренне напрягся, вспомнился сон про черную руку Кати.

– Сам я руку не видел, меня отец ею в детстве пугал. Помните ту историю, которая в деревне с Натальей приключилась? Тогда еще ферма работала, люди нормальные в деревне жили.

– Эта та Наталья, которая во время пожара погибла? – спросил Виктор.

– Несчастный случай? – с надеждой полюбопытствовал Михаил.

– Темная история. Поговаривают, что ее местные жители сожгли, – нахмутившись, сказал Борис.

– Да, да! – сказал Слава. – Отец рассказывал, что он как-то в бане с похмелья спать лег, так его там черная рука душить стала, кое-как отбился, на улицу вылез, еле отышался. Потом мать через неделю белье стирала, вдруг, как ошпаренная, на улицу выскакивает. Там, говорит, под лавкой что-то черное шевелится. Отец взял топор и давай под лавкой им шуро-вать. Вытаскивает топор, а он весь в крови, а под лавкой пусто. На следующее утро смотрит, соседка Наташка, ну, типа красавица местная, по улице с забинтованной рукой идет. Ну, думает – совпадение. Потом мать одна в баню стала бояться ходить. Где-то месяц прошел, и однажды, когда родители меня маленького еще мыли в бане, вдруг свет отключили. Так отца за яйца эта черная рука так хватанула, что у него аж искры из глаз посыпались. Он успел руку эту схватить, да с размаху об лавку шмякнуть.

Михаил натуженно улыбнулся, все остальные были серьезны.

Слава продолжал:

– Так ты что думаешь? Наутро у Натальи другая рука забинтована, перелом, блин.

– И что с ней потом стало? – спросил Михаил.

– Ну, люди-то разговаривают друг с другом, выводы делают. То у кого-то ребенок заболел, то у кого-то скотина подохла. Ясно дело, кто виноват. В итоге кончилось все даже

печальней, чем началось. Случился пожар, сгорела ремонтная пристройка на ферме, а когда потушили, то там труп Натальи нашли, обгоревший уже.

– Ну, это же несчастный случай, – сказал Михаил.

– Конечно, написали в отчетах, что да. А так вообще-то тело к столбу примотано проволокой было.

Все замолчали.

– А потом, – кашлянул Виктор, – скверная птица в лесу вашем появилась. Такие события просто так не проходят.

– Да ты ее тут который год уже ишьешь? Все найти не можешь. Даже премию объявили жителям: кто поймает, тому ящик водки.

– Я не ее ищу, – сказал Виктор и посмотрел на Бориса.

– Все, хватит страсти рассказывать, у нас тут через три дома покойник висит, а вы все паясничаете, – подытожил Борис.

Все вспомнили повесившегося Марата, и разговор плавно перешел в пьяную беседу о былых достоинствах самоубийцы.

Выпив две полных рюмки самогона без закуски, Михаил повалился на диван, уткнулся лбом в чью-то задницу и вырубился. За окном светало.

Третий день

Проснулся Михаил от того, что его трясли и тянули за руку. Голова нестерпимо болела, каждое движение причиняло страдание, очень хотелось пить. В то же время сопротивляться чьим-то давлению и воле никакой возможности не было.

Слава тащил Михаила за собой. Впереди шли Борис и Виктор. Двигались все они на другой конец деревни к дому Марата. Там уже стоял полицейский уазик и бортовая газель. Водитель газели громко матерился и кричал, что у него не труповозка, а частный автомобиль.

Оказалось, что участковый позвал местных жителей для того, чтобы они помогли снять Марата и загрузить тело в газель. Полицейские поймали водителя этой машины в соседней деревне за какое-то нарушение и обещали отпустить, если он им поможет отвезти тело в морг.

Дойдя до места происшествия, все зашли в дом. Нужно сказать, что Михаил слабо воспринимал происходящее, даже поворачивать голову было очень тяжело. Для этого необходимо было напрягать все тело и собирать волю в кулак. С огромным трудом молодой человек приходил в себя. Потихоньку он начал осматриваться.

Тем временем в доме один полицейский уже что-то писал под диктовку Славы, другой передвигал стулья и ходил с ножом. Марат висел посреди комнаты, под самым потолком. Все стены большой комнаты были завешаны плакатами с обнаженными женщинами из журналов 70-х и 80-х годов прошлого века. Борис с Виктором вместе поддерживали тело, пока служитель закона, стоя на стуле, срезал веревку. Полицейские и Борис понесли тело на улицу. Маленький Виктор стоял в дверях в сером сюртуичке, молитвенно сложив руки. Он молча шевелил губами. За толстыми стеклами очков были видны слезы.

У Михаила хватило сил пробраться на кухню, где он нашел чайник и прямо из носика, обливаясь, выпил всю воду, которая в нем была. Потом он вышел на свежий воздух и сел на ступеньки дома. Облокотившись о стойку крыльца, Михаил стал наблюдать, как тело загружали в газель.

Водитель подложил картонку под тело Марата, но не знал, как лучше его закрепить. С жутким матом газелист с Борисом перекладывали труп то вдоль, то поперек борта машины. После того как газель тронулась и затряслась на кочках, голова Марата, покрытая редкими волосами, стала мелко дрожать и, несмотря на подложенную картонку, достаточно

звонко постукивать о дно кузова. Каждый такой звук отзывался в мозгу Михаила так, как будто это его голова. Вынести этого он уже не мог, и его вырвало.

Пошел мелкий дождь. К дому, где продолжались следственные мероприятия, подъехала легковая машина, из которой вышли мужчина и женщина приблизительно такого же возраста, как Михаил. Они о чем-то стали говорить с полицейским. Слава подошел к женщине, та достала небольшой пакет с заднего сиденья своей машины и отдала ему.

Тот подошел к Михаилу: «Пошли, налью стакан пива. Да и шел бы ты спать, а то смотреть на тебя страшно». Оказалось, приехали дети Марата. Они хотят убраться в доме и похоронить отца как положено. Им позвонил Борис, а Слава попросил, чтобы они взяли баллон пива из города, когда поедут в деревню.

Несмотря на хромоту, Слава тащил на себе Михаила. У того после слова «пиво» во рту появился стойкий вкус этого напитка, и ни о чем другом, кроме того, как выпить хоть капельку пивка, думать он больше не мог. Не обходя луж, под мелким дождиком они добрались до дома молодого человека.

К запаху плесени в хибаре примешались вонь перегара и протухающих обедков, которые лежали на столе. Слава открыл баллон и налил два стакана пива. Пили маленькими глотками. Михаил молчал. Слава говорил.

– Ты бы поменьше пил, что ли? Я-то, если ты заметил, выпиваю по полрюмки. С утра не потребляю. Могу за обедом пригубить, а ты закидываешь по полной. Не останавливаешься уже двое суток.

Михаил, поняв, что пиво назад проситься не будет, сказал:

– Может, это я с непривычки. Я вообще-то не пью, в городе постоянно за рулем, вечно какие-то дела. А тут ты мне постоянно наливаешь. И творится тут у вас чертовщина всякая.

Слава покачал головой.

– Ладно, иди спать.

– Ну, еще пивка по стаканчику, и на боковую, – жалобно попросил Миша.

Второй стакан пива вернул молодого человека к жизни.

– Слушай, я хотел спросить Бориса, какого черта он у меня по участку ходит и фонарем по ночам светит.

– Ну иди и спроси! Он вообще иногда странные вещи делает. Сам считает, что он у нас типа опекуна. Всех нас организует, помогает, вроде авторитет такой. Правильный весь из себя. И даже не пьет.

– Что, и вчера у Виктора он тоже не пил?

– Ну может, пригубил чуток за компанию. Мы с Виктором по полрюмки, да и ты остатки самогона допил.

– Мне показалось, что они с Виктором чего-то темнят, не договаривают.

– Да, что-то такое есть. Виктор-то не из местных будет, пришлый. Это Борис – наш человек, хоть и зазнался.

– И откуда он взялся, этот «неместный»?

– Точно сказать не могу, даже не знаю, сколько ему лет, может быть, даже больше ста! И Слава поведал очередную местную легенду.

Виктор, по слухам, сотрудничал еще с КГБ, при этом был простым инженером в обычном институте. В какой-то момент он начал лечить людей, просто руками и беседой. Его стали привлекать для всяких исследований и опытов. Он помогал раскрывать преступления, находить пропавших. Даже, говорят, пока он положительного заключения не даст на основе своего дара, то ракеты в космос не отправляли. И, вроде как, все у него получалось. Точно известно, что он несколько раз встречался с Вангой, а также с другими известными провидцами и целителями. Кого-то из них он на чистую воду выводил, с кем-то делился профессиональными секретами. Потом – история темная. Может, несчастье какое-то произошло,

может, он узнал чего лишнего. В итоге ему пришлось от людей уехать. Нет, его не искали и не преследовали, просто потихоньку о нем забыли. Слава не мог дать более точную информацию. Он говорил со слов Валентины. Мол, она рассказывала, что Виктор недавно помог ее матери на ноги встать.

– Мне не особо интересно. Но думаю, что он задание какое-то получил и птицу тут ловит, – подытожил Слава.

– Какую птицу?

– Скверную.

Михаил вспомнил ночные разговоры.

– Задание? В сто лет? Получил от кого? Что за бред? – возмутился Михаил.

– Точно бред. Но они постоянно с Борисом за домом у Виктора копают, а когда мимо кто-то проходит, перестают в земле ковыряться и делают вид, как будто ничего не происходит.

Михаил потянулся еще за пивом.

– Все, Миша, хватит тебе пить, иди помойся и проспись. От тебя уже псиной какой-то разит, противно.

– И где я, интересно, буду мыться, тут нет обычной воды, про теплую я уже не говорю.

– Да, ты прав, пошли. У меня в бане еще с выходных теплая вода должна быть. Если остыла, то не беда – затопим печку, помоемся, а потом спать ляжешь.

– Вот правильно, раз пиво есть, то и баню можно затопить, – оживился Михаил.

Подвыпившие друзья пошли опять к Славе. Тот нес открытый баллон пива, а Михаил прихватил с собой одну из бутылок водки, купленных вчера днем.

Когда они вышли на дорогу, мимо проехал китайский внедорожник. На пассажирском сиденье была Валентина. Она махала рукой и зачем-то прикладывала кулак к уху, периодически тыкая пальцем в Михаила.

– Что это она показывала? – спросил тот у Славы.

– Не знаю, может быть, просила тебя позвонить. Вот потаскуха, опять к Толику убираться поехала.

Слава поведал, что это машина Толи, видимо, самого состоятельного местного жителя, единственного, кто перестроил дом. Он приезжает на выходные обычно с женой. Когда же появляется без супруги, то заруливает за Валентиной в соседнюю деревню и привозит ее к себе на выходные.

– А кто в магазине торгует? – забеспокоился подвыпивший Михаил.

– Ну, она с матерью живет, детей нет. Вот мать и торгует, наверное. Не знаю. Я туда обычно, когда там Вали нет, не хожу.

– Так они с Толей любовники, что ли?

– Официально, Анатолий говорит, что раз в месяц он нанимает Валентину убираться в доме и в огороде. Хотя они на улицу все выходные не выходят. А вечером в воскресенье он отвозит Валентину обратно и уезжает. Делайте выводы, молодой человек!

Вода в бане оказалась холодной. Пока Михаил допивал пиво, Слава растопил печку.

Молодой человек пытался как-то разложить по полочкам все услышанное за последние сутки. Все смешивалось и не выстраивалось в цепочку, клубок только запутывался, туда вплетались черные руки, сгоревшие красавицы, загадочный Виктор, скверные и не очень птицы. Сидя в таком ступоре и потягивая пивко, Михаил провел около часа.

Слава принес порезанный колечками лук, огурец, две рюмки и хлеб. Раздевшись, собутыльники стали париться. Они заходили на пятнадцать минут в парилку, а потом по полчаса выпивали, закусывая огурцами и хлебом. На водку пришлось перейти, потому что пиво Михаил допил до того, как они приступили к банным процедурам. Сознание постепенно угасало, но во время редких его проблесков Михаил все-таки отмечал, что Слава на самом

деле только пригубливает, а порой даже и не поднимает рюмку. Так и не помывшись нормально, распаренный и пьяный Михаил уснул в куче грязной одежды на лавке в предбаннике у Славы.

Третья ночь

Проснулся молодой человек, когда уже темнело. Баня была остывшей. Он не смог определить, трезвый он или пьяный. Мыться не стал. Подобрав свои пожитки, он с трудом оделся и вышел на улицу. Славы, похоже, дома не было. Медленно Михаил побрел к своему дому. Спать не хотелось. Зайдя в свое пристанище через оставленную вчера открытой дверь и включив свет, он понял, что сидеть в этой вонючей помойке нет никакой возможности. В окно он увидел свет в доме Бориса. Оттуда слышались знакомые голоса деревенских жителей. Достав из рюкзака последнюю бутылку водки, он пошел в гости.

– А вот и сосед, – произнес без особой радости хозяин дома.

У Бориса был идеальный порядок. На стенах весели разные топоры, ножи, мачете и даже пара шпаг и сабля.

– Ну, садись, чаю хоть попьем. Расскажешь что-нибудь, а то ты у нас всегда не в состоянии, – произнес Борис.

Михаил снова стал оправдываться, что до того, как приехать в деревню, он вообще выпивал крайне редко, даже на похоронах деда не пил, потому что был за рулем. Что у него есть девушка, на которой он собирается жениться. Что он ищет в настоящий момент работу, так как попал под сокращение. Принесенная им бутылка, на столе среди чашек с чаем, вазочек с печеньем и конфетами, выглядела неуместно.

– Ну ладно, раз ты не алкоголик, – сказал Борис и задержал взгляд на Викторе (тот еле заметно кивнул), – даже сам бутылку принес, то давай по одной рюмке за знакомство.

Михаил не возражал.

На столе появилась закуска: нарезанная колбаса, хлеб, куски копченой курицы.

– Надолго ты к нам? – спросил Борис.

– Я хотел только подлатать дом перед продажей. Думаю, что за неделю справлюсь.

– Может, тебе помочь советом или гвоздями, а то ты уже третий сутки дом чинишь, только результата никакого.

– Так я не высыпаюсь: то фонариком в окно кто-то светит, то соседи вешаются!

– Фонариком я светил, потому что непонятно было, кто в пустом доме вдруг шуметь начал. Надо было выяснить, кто там поселился. Теперь разобрались. Вроде как не чужие.

Все выпили и потянулись за закуской. Не до конца прожевав хлеб, Михаил, глядя на Бориса, заявил:

– А можно больше не заходить на мой участок и не светить в окна по ночам, это вроде бы частная территория. Вот копаетесь вы с Виктором где-то и копайтесь, никто же к вам не лезет, хоть вы и скрываете, зачем вам это надо.

Слава пнул Михаила под столом. Тут вклинился в разговор Виктор.

– Ну, скажем, секретов у нас нет. Борис мне водяную скважину делает за домом, надеюсь, что она вам не помешает. И давайте не будем ссориться. Мы тут все убогие обыватели, существуем, так сказать, на взаимовыручке и кормимся с земли. Поэтому помочь и взаимоуважение должны быть у нас в почете.

– Я не убогий и не обыватель, – возмутился Михаил. – Если кто себя и записал в никчесные людшки, то это их проблема.

– Не буду спорить, но, по большому счету, наличие городской прописки делает вас всего лишь городским обывателем, вместо деревенского. И непонятно еще, что лучше, а что хуже, – спокойно возразил Виктор.

– Если уж и обыватель, то городской точно лучше. В городе жизнь кипит, он полон страстей и искушений. Люди живут интереснее и сами создают эту атмосферу, они наполняют ее своим смыслом и создают что-то новое, – выпалил, закончив жевать, молодой человек.

– Что они создают? Атмосферу? Это мышиная возня, а не страсти. Атмосфера в банке с пауками. Настоящие страсти, *passion*, создаются другими людьми – пассионариями. Они в результате своей деятельности создают государства и религии, они делают открытия и творят историю, – Виктор говорил веско и спокойно, чувствовалась внутренняя сила в этом маленьком человеке.

Борис заерзal на стуле, было видно, что его терзает какой-то вопрос. Похоже, что у односельчан до прихода Михаила шло обсуждение перспектив их обывательской жизни.

– Вот смотри, Виктор, – сказал Борис, – ты утверждаешь, что все мы никчемные людишки, которые прозябают в полупустой деревне без стремления к какому-то идеалу. Не берем в расчет Михаила, он за последние дни поменял привычный образ жизни, сменил место проживания. Но при этом у него остался неизменным ряд целей: жениться, найти работу, починить дом. Пусть хотя бы он будет человеком с большими, чем у нас, перспективами. Мы-то вообще ничего менять не стремимся.

Виктор усмехнулся.

– Это не цель, и Михаил никого за собой к этой цели не зовет и не ведет. Он даже себя в руки взять не может. Если он чего-то и совершил, то, скорее всего, это будет поступок не благородного рыцаря, а человека из той «интересной городской атмосферы», которую он так восхваляет. Вот и выходит, что он еще ниже по содержанию энергии, чем мы, ведь он сознательно опускается по социальной лестнице.

– Я думал, что это я опускаюсь, – скромно потупив глаза, сказал Слава.

– Нет, ты уже достиг своего уровня. Ниже ты не идешь, но попытки приподняться есть, – Виктор внимательно посмотрел на Славу сквозь толстые стекла очков. – Поверь мне, скоро у тебя будет шанс изменить свою жизнь. Как ты им воспользуешься – зависит только от тебя.

Продолжали выпивать. Михаилу не хотелось больше спорить. Ему стало тепло и комфортно. Было все равно, как о нем судят, хорошо или плохо. Только запомнилось, что он ниже в иерархии, это его немного задело. Что же касается того, что он не может совершить выдающегося поступка, то почему-то Михаил был уверен, что он его совершил и ждать осталось недолго. Только вот говорить о предстоящем подвиге не хотелось.

– Так где же они, настоящие пассионарии, в наше-то время? – продолжал свои вопросы Борис.

Виктор встал, взял книжку с полки. На обложке была фотография пожилого человека с одутловатым лицом, челкой и папиросой во рту. Михаилу почему-то представилось, что этот человек только что выпил вместе с ними и закуривает свою папиросу после очередной рюмки.

Под фотографией большими буквами было надписано «КОНЕЦ» и что-то ниже было приписано более мелким шрифтом. Михаилу стало смешно. «Вот кто настоящий алкоголик! Написал книжку про чай-то „конец“... Во дает!» – подумал он про себя и хмыкнул. Неожиданно человек на фотографии выпустил дым в лицо Михаилу и улыбнулся в ответ.

– Вот автор еще в прошлом веке, – громко произнес Виктор, – проанализировал ситуацию и написал.

Виктор поправил очки, после чего, полистав книгу, зачитал отрывок: «Процесс вторичной кристаллизации этногенеза идет в наши дни. Народы-этносы обновлялись на основе очень сложного генезиса, преодолели инерцию распада, и в настоящее время можно ждать появления обновленной культуры Передней Азии, Ирана и Северной Африки».

– Вот там и ищите пассионариев, судя по новостям, они там уже есть! – подытожил Виктор.

Михаил перестал улавливать суть разговора, ему было хорошо и уютно сидеть в тепле с мужичками, которые ведут умные беседы. Он почувствовал себя маленьким мальчиком в обществе взрослых сильных мужчин.

Так как пили все вчетвером, то бутылка быстро кончилась. Перешли на чай и постепенно начали собираться по домам. Небо на востоке начинало светлеть. Борис наставлял всех быть осторожными по дороге, а если что случится, то сразу же звать на помощь.

Еле переставляя ноги, Михаил дошел до своего дома. Не включая свет и не снимая одежду, он плюхнулся на кровать и уснул.

Четвертый день

Проснулся Михаил от шума на улице. Было уже светло. Похоже, что время шло к обеду. Это была первая ночь или день – разницы он уже не ощущал – когда ему удалось нормально выспаться. Самым странным было то, что он чувствовал себя достаточно бодро. Оказывается, это очень удобно просыпаться уже одетым. Так как в доме не было зеркала, то свое облачение Михаил осматривал на себе. Он отметил несколько пятен от еды, прилипшую уличную грязь и изрядную помятость своего гардероба.

Оглядевшись в доме, он понял, в каком свинарнике находится. В доме не было воды. Куда делись пять литров, принесенные Славой – то была большая загадка. Он нашел банку консервов, сделал в ней два отверстия ножом и выпил ту жидкость, которая оттуда вытекла. Есть не хотелось.

На улице было непривычно шумно, Михаил вышел на воздух и направился в сторону раздающихся звуков. В конце улицы стояли автобус и пара легковых машин. Хоронили Марата. Народу было немного: несколько родственников покойного и уже знакомые Михаилу местные жители.

Слава шепотом переругивался с Валентиной. Та, увидев Михаила, недовольно и как-то по-матерински сказала ему: «Ты три назад у меня свой телефон забыл, тебя Екатерина ищет, хорошо, что я ответила ей. Сегодня к вечеру я вернусь домой, приходи и забери телефон, поговори со своей Катей».

Тут к ней подошел широкоплечий мужчина, наверное, это был Толя. Он взял ее за руку и увел от Славы с Михаилом.

Молодому человеку показалось, что он был в магазине не три дня, а, по крайней мере, три месяца назад. Он вспомнил, что на свете есть Катя, и существует какая-то другая жизнь. Стало грустно. Но почему-то казалось, что бытие тут интереснее и даже более приспособлено для существования Михаила.

После того, как автобус с ближайшими родственниками и телом покойного уехал, какой-то лысый мужчина с усами позвал всех толпившихся на улице в дом помянуть усопшего.

– Пошли, – сказал Слава, – поешь хоть.

Посередине комнаты, оклеенной плакатами с голыми тетками, стоял накрытый стол. На комоде между развратными картинками стояла фотография Марата в траурной рамке. На вид он был почти ровесником Михаила, хотя понятно было, что это старая фотография. Видимо, в последний раз удачно сфотографировать Марата удалось лет двадцать назад.

Никто не произносил поминальных речей, только как по команде разливали водку, выпивали и стучали ложками по тарелкам. Михаилу похорошело, он начал разглядывать постеры на стенах, и воображение стало достраивать интимные сцены с красавицами, улыбающимися Михаилу со всех четырех стен. Обед длился минут сорок.

– Все, пошли, – Слава дернул Михаила за плечо, – пора. Это они так уж, для местных устроили поминки с выпивкой, у мусульман вообще-то не пьют. А тебя, я смотрю, опять развезло.

– Да нет, просто поел нормально. Давненько я этого не делал, – сказал Михаил.

На самом деле его не развезло, он настолько погрузился в свои сексуальные фантазии, что не мог встать, опасаясь показать свое возбуждение через грязные трико.

На улице снова моросил дождь, все разошлись. Слава с Михаилом уходили последними. Видимо, хромоногий сосед как-то помогал с организацией похорон, потому что усатый мужчина выдал ему пакет со словами благодарности. В пакете что-то позвякивало. Вдвоем они дошли до калитки Михаила. Тот понимал, что у Славы в пакете спиртное. Ему очень хотелось продолжить начатое на поминках возлияние.

Раньше Михаил никогда не испытывал такого чувства. Сейчас он отчетливо представлял, как играет на гранях рюмки и переливается всеми цветами радуги водка. Явственно ощутил аромат и запах пшеничного спирта. Не имея привычки выпрашивать выпивку, он стушевался и не знал, как себя правильно вести в таких случаях. Это были какие-то новые ощущения, довольно неприятные. Михаил, несколько смущаясь, слглотнул слюну и произнес:

– Может быть, зайдешь?

– Слушай, приберись ты в своем свинарнике. Даже на улицу запах тухлятины какой-то выходит из твоего дома. Завтра зайду, если дел других не будет.

Михаил не хотел отпускать Славу.

– Давай тогда покурим.

– Ты же некурящий?

– Ну вот захотелось.

Слава достал две сигареты. Когда Михаил прикурил, он понял, что сделал это зря, голова закружилась, ноги стали ватными. Он облокотился на свой забор и медленно сполз на землю рядом с калиткой. Слава усмехнулся и сказал:

– На тебе еще парочку сигарет на всякий случай. А я пойду, мне пора.

После того как сосед скрылся из виду, Михаил посидел еще какое-то время на корточках у забора. Мимо проехал Толя. Сидящая рядом на пассажирском сидении Валентина даже не удостоила Михаила взглядом. Брызги грязи из-под колес прилетели молодому человеку в лицо. Он догадался, что Анатолий увозит женщину в ее деревню, а сам уезжает в город.

Размазав рукавом грязь по лицу, Михаил пошел домой. Он сел за грязный стол, отыскал на нем пустой стакан и начал сцеживать в него остатки из тех бутылок, которые удалось найти на столе. Много водки сливать не получилось. Он опрокинул в себя непонятную жидкость, которой хватило только на то, чтобы обжечь горло. Непонятно было: дошла хоть капля до желудка или нет.

Молодой человек сидел за столом и тупо смотрел на пустую стену перед собой. Мысли медленно ворочались. «Вот у Марата какие красивые стены, мне бы такие картинки. Интересно, может, наследникам Марата не нужны эти постеры? Надо будет обязательно спросить. Я бы себе ими весь дом оклеил».

В его голове стали, как вспышки, возникать фотографии, которые он разглядывал сегодня на поминках. Вернулось дневное возбуждение. Валентина! Она же звала к себе! Так и сказала: «Вечером приходи». Сцены страсти заполнили мозг Михаила. Он представлял себе жаркие объятия, горячие поцелуи и откровенные ласки. Пламя желания разгоралось все сильнее. Он представил себе сладостные стоны Валентины, ее трепещущую грудь и влажные губы.

От волнения он достал сигарету, оставленную ему Славой. Нашел рядом с плитой за газовым баллоном спички и жадно закурил.

– Надо идти к Валентине! Срочно, пока она звала. Значит, там есть перспективы...

Он подобрал бумажник, который валялся на полу. Пересчитал деньги: на презервативы и шампанское хватало. Михаил пришел пятерней взлохмаченные волосы, поправил на себе грязный и вонючий спортивный костюм, после чего решительно выдвинулся в сторону магазина.

Четвертая ночь

Несмотря на сумерки и грязь под ногами, дорога показалась очень короткой. Энтузиазм переливал через край. Весь путь Михаил размышлял, как это будет выглядеть, если он купит у Валентины презервативы с шампанским и сразу ей предложит и то, и другое. «Может быть, лучше сначала купить шампанское и преподнести его Валентине, а потом купить у нее же презервативы?» – получалась какая-то белиберда. Он махнул рукой и успокоил себя тем, что, судя по всему, Валентина – женщина опытная и сама сообразит, что и когда ему продать.

Через какое-то время он стучал в дверь сарайчика. Сначала в магазине зажегся свет, потом послышался голос хозяйки:

– Кто там?

– Это Михаил. Я за телефоном, ну и прикупить кое-что нужно.

Валентина открыла дверь.

– Послушайте, молодой человек, так нельзя! Телефон просто разрывался! И всегда один и тот же номер звонил, я не выдержала и ответила. Сказала, что телефон у меня, а вы в соседней деревне отдыхаете с друзьями. Вроде хоть как-то успокоила вашу Катю. Она уже в полицию собиралась заявлять.

– Очень хорошо, спасибо.

– Вы бы хоть умылись, у вас грязь в волосах и на лице. Как Вы собираетесь свою подругу в таком виде встречать?

– Я бы с удовольствием привел себя в порядок, но у меня в доме нет ни воды, ни зеркала. Может, у вас есть возможность помыться?

– Ну помыться, наверное, все-таки возможности нет. А умыться я вам помогу.

Она взяла с собой полуполлитровую бутылку воды и вывела Михаила из магазина на темную улицу. Чуть приоткрыв крышку, так чтобы жидкость тонкой струйкой вытекала из бутылки, она нагнула голову молодого человека и стала лить на него холодную воду.

Михаил тер лицо руками, фыркал и громко сморкался. В какой-то момент он неудачно вдохнул, и вода попала в дыхательные пути, он закашлялся. Валентина отошла на один шаг, не поняв, что с ним, и, случайно оступившись, упала. Задравшиеся полы халата обнажили гладкие стройные ноги. Михаил закашлял еще сильней. Стоять согнувшись и кашлять было тяжело, побаливала голова. Он согнул ноги в коленях и сел на землю, выпрямив спину. Кашель сразу прошел.

Валентина сидела на траве, уперев руки в жиidenъкий газончик. Михаил, застыв на сложенных ногах в позе богомола, смотрел на Валентину. Сцена эта была подсвечена светом из открытой двери магазина. Одинокий сверчок легким посыпыванием нарушил тишину. Вдруг Михаил представил, как он выглядит со стороны: мятый испачканный спортивный костюм, мокрые волосы, размазанная по лицу грязь. Ему стало нескончаемо жалко себя, он заплакал, медленно нагибаясь, он уткнулся лбом в землю и закрыл глаза ладонями. Валентина пододвинулась поближе, приподняла голову Михаила и положила ее себе на колени, а тот продолжал тихонько хныкать. Она стала гладить его по голове и по спине, тихо приговаривая: «Ну что же вы, вроде такой большой мальчик, и такая истерика». Михаил перевернулся лицом кверху и лежал, всхлипывая, в позе младенца на коленях у Валентины.

Ее грудь, обтянутая халатом, оказалась напротив его лица. Он вытянул губы и поцеловал потерпость на халате, Валентина не возражала. Михаил повторил движение. Валентина прижала его голову к груди. Михаил приподнялся и перенес поцелуй на лицо и губы, от женщины пахло молоком и вареньем. Через минуту Валентина стояла коленями на земле, упервшись одной рукой в крыльце магазина, а другой помогала стоящему сзади взволнованному Михаилу попасть членом в ее вагину.

Михаил кончил быстро, но настолько страстно, что даже взвигнулся. Он сел голой задницей на траву рядом с магазином. Валентина запахнула халат и на несколько секунд зашла в помещение, после чего вынесла пачку сигарет и зажигалку. Закурила сама и отдала сигареты Михаилу.

— Да, некоторые говорят про меня, что я слаба на передок, — сказала немного грубою хозяйка, усаживаясь в проем открытой двери. — Может, я и дура, ну а как было тебя не пожалеть, — она вздохнула. — Ты, наверное, за водкой пришел?

Михаил курил и ничего не говорил, ему было противно, он был разочарован. Не о таком он мечтал и страстно желал! Он хотел романтики, нежной страсти, но все произошло быстро и суетливо. Это было какое-то животное сношение без красочных сцен любви, которые он себе представлял. Нет, он не хотел этим заниматься рядом с лужей у сельского магазина. Сейчас ему не хотелось больше ничего, он был опустошен.

Валентина еще раз зашла в магазин и вынесла литровку самогона. Она протянула бутыль Михаилу со словами: «На, возьми. Иди домой. Денег не надо». После чего ушла, закрыв за собой дверь. Через минуту свет в магазине погас.

Михаил докурил сигарету. Несмотря на глубокую ночь, четко просматривались дорога и заборы. Луны не было видно, только яркие звезды освещали небо. Михаил почувствовал холод, мокрая голова мерзла. Он открыл самогон, сделал пару глотков, после чего достал еще одну сигарету и опять закурил.

На холме, с той стороны откуда он пришел, показался тусклый фонарик, который достаточно быстро продвигался в сторону магазина, где на траве сидел Михаил.

— Однако, какая насыщенная жизнь здесь ночью. Опять кто-то с фонариком шарахается. Не спится этим аборигенам спокойно в кровати, куда-то они вечно ходят, — размышлял молодой человек, всматриваясь в приближающуюся фигуру.

Послышались шаги, шумно вспорхнула большая птица, которая все это время сидела на дереве рядом с магазином. Михаил успел сделать еще пару глотков самогона до того, как фонарик осветил его лицо.

— Что, праздник продолжается? — весело спросил Слава.

— А ты какими судьбами? — ответил вопросом на вопрос Михаил.

— Ну, я-то, допустим, по личным вопросам спешу на прием, а ты, я вижу, по гастроэнтерологическим. Луч фонарика скользнул по бутылке.

— Я тоже, может, по личным, — сказал вызывающе Михаил и начал вставать с земли.

Он забыл, что не натянул трусы. Слава посветил фонариком на пах Михаила. Тот, держа между большим и указательным пальцем горящий окурок, опустил обе руки вниз, чтобы прикрыть выхватываемое из темноты лучом фонаря лохматое хозяйство.

— Ай да Валентина, ай да молодец! Каждого готова ублажить. Вот что значит настоящая русская женская доброта. Душа нараспашку и не только душа! — произнес Слава.

— А я думаю, что она обычна блядь, — злоно окрысился Михаил.

За что сразу получил резкий удар кулаком в глаз.

Михаил рефлекторно хотел поднять руки к лицу, чтобы закрыться, но инстинкт подсказал, что половые органы дороже. Передергивая руки в районе паха, то разжимая, то сжимая пальцы от неожиданной боли, он умудрился прижечь себе сигаретой головку полового

члена, выглядывающую после акта из крайней плоти. Горящий пепел прилип к отверстию уретры и продолжал тлеть. Молодой человек взвыл от новой порции острых страданий, запутался в спущенных штанах и упал лицом то ли в грязь, то ли в дермо.

Слава осветил фонариком корчащегося Михаила, зрелище было редкое: слипшиеся мокрые волосы, какая-то грязь на лице, белая с прилипшей травой и комьями земли голая задница. Слава подумал, что судорога Михаила вызвана его ударом, который был на самом деле не очень сильным. Исполненный гордости от своей победы он плонул, не целясь, в сторону Михаила и пошел к воротам Валентининого дома.

Молодой человек остался лежать один, корчиться он перестал. Его охватила злость. Из-за какой-то еще недавно не известной ему потаскушки, он поругался с хорошим соседом, получил в глаз и чуть не лишился мужского достоинства.

Он собрался и лежа натянул на себя трико, попутно захватив в трусы комки мокрой земли с рваной травой. Болело все тело. Он, похоже, неудачно упал, не успев сконцентрироваться, так как держался за пах. Сильно болело плечо, но боль обожженного члена превосходила все другие ощущения. С этим надо было что-то делать. Он нашел в траве бутыль. Хорошо, что он ее закрыл – самогон не пролился. Одной рукой он оттягивал трусы, чтобы они не задевали ожог, другой – поднес горлышко бутылки ко рту. На этот раз он делал не глотки, а просто пил самогон, как воду. Он хотел залить боль физическую, но подливал топливо в костер своих надуманных душевных страданий.

Через какое-то время на дороге между двумя деревнями можно было наблюдать странную фигуру. Не понятно, что это было: то ли инопланетянин, то ли раненый боец неизвестной армии. Держа в зубах фонарик, выданный ему на днях Борисом, оттягивая одной рукой штаны в области паха, балансируя почти пустой бутылкой, зажатой в другой руке, сильно шатаясь, Михаил шел домой. Иногда он делал мелкие шаги назад и в стороны, казалось, что он сопротивляется тому, чтобы идти прямо, но, вытягивая себя за ширинку, задавал нужное направление.

С трудом взобравшись на холм, он преодолел вершину и ускорился на спуске к своей деревне. Увеличение скорости в данном случае было ошибкой. Не совладав с почему-то усилившейся гравитацией, он поскользнулся в грязи и упал на спину. Мозг не работал.

Над ним было ясное звездное августовское небо. Постепенно звезды начали кружиться и, завинчиваясь в спираль, создавать новые галактики. Вращение сверкающих искорок в темном небе ускорялось. От этого пляшущего в глазах бешеного хоровода Михаила стошнило, он чуть не захлебнулся, но все же заставил себя перевернуться и выплюнуть все, что отдал желудок. Стало немного легче и даже свежее в голове. Он устроился в грязи поудобнее, подложил руку с бутылкой под голову и уснул.

Пятый день

Проснулся Михаил от жуткой тряски. Открыв глаза, он увидел, что лежит на листе картона, рядом на корточках сидели Борис и Слава. Все они находились в кузове газели, на которой не так давно увозили Марата. Молодой человек подумал, что это тот же картон, который водитель подкладывал под труп. Наверное, Михаил тоже умер, но тогда почему же все так трясется и болит, а еще тошнит. Он закрыл глаза и попробовал отключиться, но газель подпрыгивала на кочках, и голова через картон стучала по доскам кузова. Чтобы окончательно не расшибить башку, приходилось напрягать шею, что мешало ему опять уйти в пристрацию. Слава и Борис держались руками за борта трясущейся газели, они, перекрикивая шум дребезжащего автомобиля, громко разговаривали:

– Я от Валюши с утра шел, смотрю, этот в грязи лежит. Я подумал, что все, каюк. Поднять я его не смог, но зато понял, что он дышит. Я сразу к тебе побежал. Хорошо, что

ты телефон водителя знаешь, потому что нести его мы бы не смогли. Да и дотрагиваться до него противно.

– Да уж, опустившийся тип, куда его повезем, мне домой этого дерьяма не надобно.

– Пусть у себя отлежится. Валя его невесте позвонила, та обещала сегодня к вечеру подъехать. Пускай забирает обратно в город этого «трезвенника».

Доехали до дома Шишкиных. Оказалось, что забор рядом с калиткой представлял собой ворота, которые распахивались наружу, но так как доски сгнили, то петли в них не держались. Борис со Славой просто оторвали ворота от забора и выкинули створки в бурьян на участке. Теперь газель смогла подъехать задом к самому крыльцу. Мужики сгрузили Михаила и, подхватив за руки, занесли в дом. Его дотащили до комнаты и бросили на кровать.

Михаил долго находился в забытьи, ныло все тело, толком заснуть не получалось, похоже, росла температура. Перевернуться он не мог, беспокоило ушибленное плечо, но больше всего болел вчерашний ожог. Страшно хотелось пить, он встал и с трудом дошел до кухни. На кухетке рядом со столом валялась не открытая еще бутылка минералки, он жадно начал пить воду. Посидел на топчане, отдохнул. Решил помочиться. Дошел до входной двери. Встал над ведром, достал член и усилием воли сжал мочевой пузырь. Резкая боль при прохождении струи через распухший конец парализовала Михаила. Он хотел закричать, но не смог. Теряя сознание, он схватился рукой за выключатель, находящийся рядом, и вырвал его с корнем из стены. Замигала лампочка на потолке. Михаил рухнул на пол. В доме пахло помоями, но все перекрывал запах горелой шерсти.

Пятая ночь

Очередное возвращение Михаила в сознание произошло в бане у Славы. Его отмывали Катя и Валентина. Обе они были в домашних халатах и как-то по-свойски щебетали о превратностях женской судьбы. Казалось, они знают друг друга очень давно.

«Интересно, меня мертвого моют или живого?» – подумал молодой человек. Он лежал голый на лавке, его терли мочалкой и поливали теплой водой из ковшика. Женщины шутили и подтрунивали над Михаилом. Похоже, что об интимной связи Валентины и своего жениха Катя не знала. Насколько он понял, за то время пока его телефон был у Валентины, женщины далеко не один раз пообщались друг с другом, и у них уже были общие темы для разговора.

Катю интересовали цены на недвижимость и качество дорог в деревне. Большим вопросом для нее было то, с кем Михаил общался, что дошел до такого скотского состояния. Валентине просто было жуть как скучно, она была рада новому общению и с радостью выкладывала Кате все, что знала. Оказывается, продавщица магазина думала, что запой Михаила – это нормальное явление, и не заостряла на этом внимание. Однако, после того как Мишу нашел в грязи Слава, она позвонила Кате и сказала, что происходящее уже выходит за рамки привычного в деревне алкоголизма. Нужно срочно приезжать и спасать жениха.

Катя приехала на Мишиной машине, причем сначала она заехала к Валентине, они наконец-то познакомились очно, и уже вдвоем женщины поехали откачивать пострадавшего. Валентина стала готовить баню у Славы, а Катя хотела тем временем убраться у Михаила в доме. Однако, найдя его лежащего у дверей с голым опухшим членом и без сознания, побежала искать помощи у соседей. Валентина со Славой помогли ей привести его в чувство и дотащить до бани.

Михаил не помнил, как его откачивали и тащили, себя он начал осознавать только здесь, в теплой парилке. Женщины, вытерев помытого Михаила, помогли ему подняться и сопроводили на мягкую кровать в предбанник. Там висело зеркало, Михаил не узнал себя.

Лицо стало худым и желтым, под глазом был синяк, губы потрескались и кровоточили. Его уложили и накрыли одеялом.

На столе в предбаннике стояло пиво. Женщины налили себе по стакану и выпили за знакомство. Совершенно не обращая внимания на Михаила, они сняли халаты, затем трусики и бюстгальтеры и вернулись в парную. Михаил никак не реагировал. Слышно было, как женщины беседовали на какие-то свои темы и иногда смеялись. Несколько раз они выходили в предбанник глотнуть пива и уходили обратно в парную.

Михаил просто лежал с открытыми глазами без тени какой-либо мысли в них. Глаза следили за передвигающимися объектами, но это были единственные движения на этом застывшем без выражения, как будто окаменелом, лице.

Появился Слава, он подошел к Михаилу, внимательно посмотрел на него и покачал головой. Затем Слава снял с себя всю верхнюю одежду. Оставшись в одних семейных трусах, он заглянул в парную, после чего стянул с себя трусы и исчез за дверью парилки. Теперь к женским голосам добавился Славин голос, они продолжали обсуждать какую-то чепуху и смеяться. Михаил постепенно стал забыватьться, перед глазами появился туман, контуры предметов причудливо расплывались и превращались в дрожащий узор.

В предбанник к нему пришел пожилой одутловатый мужчина с обложки книги, которую он видел у Виктора. На щеке возле рта у него была большая бородавка. Он сел рядом с кроватью и по-стариковски еле разборчиво произнес что-то вроде: «Мемориальная ступень, реликтовый персонаж, это не деградация, гармоничная личность, это конец», – после чего глаза его сделались хитрыми. Он разделся догола. На животе справа под ребрами у него был свежий шрам. Мужчина глотнул пива из стоявшего на столе стакана и тоже скрылся за дверью в парной. На его спине Михаил успел разглядеть тюремную татуировку.

Часть вторая

Моя заурядная неделя

Машину я поставил на ремонт. В то время пока делали жестянку и меняли фары, должны были привезти заказанный новый бампер, но я и пешком чувствовал себя вполне уютно. Только один инцидент несколько озадачил меня.

Я вышел из подъезда и пошел на остановку. Вдруг на моем пути оказался тот мелкий парнишка – водитель тонированного автомобиля, из-за которого я постоянно попадал в аварии. Он стоял поперек пешеходной дорожки, накинув на голову капюшон своей распахнутой куртеники. При моем приближении он достал из кармана большой старый советский рубль – еще один – и протянул мне.

– Зачем? Мне не надо, – я отступил на шаг.

– Я понимаю, что пешком бегать за мной будет тяжелее, поэтому мы решили увеличить жалование. Бери! Ну! – он сделал шаг навстречу и положил мне монету в нагрудный карман рубашки.

Холодная, тяжелая субстанция стукнулась о грудь под левым соском. Парень развернулся и пошел к своей машине. Я, постояв минуту, ничего не понимая, пошел за ним следом. Он сел в автомобиль и поехал. Я прибавил шаг, бежать не стал, но двигался за уезжающей машиной, пока она не скрылась из виду. После чего, немного очухавшись, я развернулся и пошел медленно на остановку, чтобы ехать на работу.

– Зачем я не вернул ему первую монету? – думал я. – Так ведь еще одну получил.

– Но мне же приятно иметь два красивых тяжелых куска металла? – возразил я сам себе.

– Да, приятно! Но может быть, не надо брать что-то просто так, а то расплачиваться придется?

– Так я уже расплачиваюсь! Машину себе почти убил. Да и ничего, пока ноша подъемная.

– Хотя ерунда какая-то получается. Не стоит и думать об этом.

Ориентировочно в четверг я понял, что в квартире стало подозрительно тихо. Я провел сову – та была на месте. Похоже, что мой питомец стал вылетать на улицу через отверстие внизу балкона: в гнезде у совы появились какие-то новые нитки и кусочки шерсти. Я все еще лелеял надежду, что она покинет нас с миром, то есть улетит, не дожидаясь пока ей что-то отрежут. Лена возилась с Пушинкой, все бинты с нее сняли. До меня дошло, что не хватало ее жалобного мяуканья. Я прошел в Ленину комнату, чтобы посмотреть, что там творится. Меховой комочек с маленькой головой лежал в коробочке и чуть слышно шипел.

– Лена, что ты сделала с животным? Что это за звуки?

– Не волнуйся, скоро их не будет. Там просто пока отек маленький, я брызгаю Пушинке горлышко, гематома скоро исчезнет, и у нас будет беззвучная кошка.

– Какой отек? Какая гематома?

– Мы Пушинке удалили речевой аппарат, какие-то там связки и язычок подрезали. Теперь у меня есть самая идеальная кошка в мире. Знаешь, сколько у меня поклонников в сети? Многие теперь хотят своих кошечек и собачек оптимизировать. Сейчас важная дискуссия идет о том, как лучше: писю с попой совсем зашить или вживить съемные трубочки, чтобы из них на ночь котеночка выжимать и ложиться спать с чистеньким комочком?

– Ты с кем там общаешься? Что это за дебилы такие?!

Супруга обиделась, приняла важную позу и менторским тоном произнесла:

– Это новый тренд! Выводят же породы собак, у которых надо сразу хвосты и уши купировать, или растения выращивают неестественных цветов. Зачем это делают? Они тоже, по-твоему, дебилы? У меня сейчас есть предложение об открытии экспериментальной фермы по оптимизации домашних животных. Будем подбирать бездомных кошек и отрезать все лишнее, а потом продавать удачные экземпляры, спрос есть. В случае если все пойдет по плану, то я смогу очень много зарабатывать.

Я настолько был шокирован таким развитием событий, что не нашелся чего сказать. Посидев минут десять без мыслей в старом кресле в своей мастерской, я осознал твердое желание покинуть эту квартиру с изуродованной кошкой. Я собрался и вышел на улицу, поймал такси и поехал ночевать на чердак.

Пивная пятница

– Мы так не договаривались, – сказал Денис. – Это место не для того чтобы ночевать, так бы здесь бомжи давно поселились. Всякое тут бывало, но спать все уходили домой. Это мы к тебе в гости приходить будем, получается?

– Не кипятись, пусть расскажет, что стряслось, может, у человека серьезная проблема, – Валера открыл пиво, которое я заранее притащил на чердак в двойном объеме.

Я долго и обстоятельно рассказывал события прошедшего месяца, связанные с собой и котенком. Меня никто не перебивал, все-таки настоящие друзья умеют слушать!

– Знаешь, я не знаком с твоей женой, но есть же люди, которые работают ветеринарами, хирургами. Есть и патологоанатомы, в конце концов. Они живут в семьях и, наверное, счастливы в браке, – сказал недовольный до сих пор Денис.

– Но они же не тащат трупы в дом, – возразил я.

– Тебе же сказали – будет ферма! На твоем месте я бы устроился коммерческим директором, а Валерку взял главным по маркетингу. Вдруг деньжищи попрут, – проговорил, закусывая чипсами пиво, Денис.

– Да, видеокамеру я тебе бесплатно дам, только снимай сам, пожалуйста. Я все-таки дистанционный оператор. Но с продвижением в интернете помогу, – осторожно вставил Валера.

– Ладно, поеду сегодня домой, попытаюсь адаптироваться, – неохотно сказал я. – Что у тебя, Валер, история с девицами имела продолжение?

– Да, вот смотри, – Валера вытащил из кармана флешку.

Денис включил компьютер. Мы дождались, пока старая техника, скрипя жестким диском, подготовится к работе, и загрузили видео.

Камера была установлена не очень удачно, ракурс оставлял желать лучшего, но, видимо, Валера стремился к тому, чтобы записывающее устройство не заметили. Звук был хороший, картинка – так себе.

Две стройные девицы с аккуратными стрижками и с красивыми, даже без макияжа, какими-то целеустремленными лицами, вели беседу с Валеркиным отцом. Тот в основном мычал и выдавал несвязанные фразы, которые вылетали откуда-то из его грязной нечесаной бороды.

– Мы с подругами обсудили ваши слова, адресованные нам прошлый раз. В контексте ваших комментариев, а также из названий видео мы понимаем, что вы совершенно необычный человек. Ваша иносказательность подтверждает это. Мы поняли, что недостойны общаться с вами, так как питаемся ртом и кормим червя внутри нас.

– Сын, н-на, яйца оторву!

– Да, именно таким способом мы его сами возвращаем. А если внимательно прочитать ваши комментарии, то следует, что нелинейная динамика самоподобия природы за счет наших действий порождает кишечно-червячные образы в окружающем нас мире, и эти механизмы начинают, в свою очередь, переваривать нас.

– Иди на хуй!

– Нам понятно ваше негодование. Чтобы прервать детерминированный алгоритм самоподобия, необходимо самим перестать генерировать сокращения мышц кишечника и остановить поглощение питательных веществ по всей длине червяка.

– Засунь себе в жопу!

– Точно, так мы вас и расшифровали! Неделю назад совершенно обосновано вы написали, что бластопор, первичный рот, зарождающийся у любого живого организма на начальной стадии в процессе инвагинации, является единственной истинной полостью, которая

должна обеспечивать обмен веществ и пищеварение по принципу «куда вошел – оттуда вышел».

– Вышла отсюда, шмара! Я шланг сейчас принесу, но цветы я им поливать не буду! Знаешь, куда я тебе его засуну?!

Вторая девушка вступила в разговор:

– Он в прошлый раз тоже про шланг говорил, я его боюсь. Неужели мы все верно истолковали, а он и есть предвестник истины?

Первая, более смелая и разговорчивая, отвечала ей:

– Все святые немного сумасшедшие, их слова надо уметь толковать. Он хочет сказать, что в мире будет гармония только тогда, когда все живые организмы и конструкции будут представлять собой замкнутые полости с одним входом-выходом, в которых будет преобразовываться энергия. А системы типа кишечника, коридор, конвейер должны сгинуть. Начинать надо с себя. И все эти диеты, даже если пьешь только воду и пропускаешь ее через кишечник, приносят исключительно вред. Выход только один – это анальное питание.

– Заткни свой рот! – рычал Валеркин отец, чувствовалось, что он ничего не понимает, но дико взбешен.

– Да, верно, больше не будем есть и пить тем отверстием, которым мы разговариваем, мы станем принимать пищу только через первичный рот. А сейчас, Великий Отец, напои меня водой из шланга, про который ты говорил, ороси им мою начальную полость. Насыть меня и вставь мне в... в... Ну в эту...

– В жопу! – прорычал Отец.

– Да, в жопу! – сказали хором девушки.

Люди на экране монитора засуетились и, несколько раз мелькнув перед камерой, ушли.

– Каково, а? – Валера был доволен и явно гордился тем, что его видео произвело на нас эффект.

Мы с Денисом не знали: плакать или смеяться?

– Я не совсем уловил суть того, что эти дамы говорили, – сказал я, прихлебывая из бутылки, – может быть, расшифруешь нам, что это за «гармония первичной полости».

– Я сам несколько раз пересмотрел этот ролик, пока понял, что к чему. В комментариях к разным видео я писал, что весь мир – это чередование коридора и кабинета, рукава и кармана, колбасы и ореха, кишечника и желудка. Я не отдавал предпочтения какой-либо конструкции, просто описывал свои наблюдения.

– То есть, насколько я тебя понял, – сказал Денис, – ты все поделил на проходные и замкнутые полости, не выделяя преимущества какой-либо из них.

– Не совсем. Пару раз я написал, как Максим говорил, что сначала зарождается ж... ж... анус. Я имел в виду, что замкнутая форма первична, но я не думал, что она лучше, – Валера развел руками в стороны.

– А девушки вот решили с вашей подачи, уважаемый, – подковырнул я Валерку, – что раз она первична, то пользоваться они теперь будут задницей, причем не только по назначению. Есть и пить они, судя по всему, тоже ей собираются. Так что, пока твой отец всех девок не попортил, начинай кампанию, развенчивающую анальное мракобесие.

– Подожди, Макс, а куда они пошли после этого видео? – спросил Денис.

– Ну, в гараж, наверное. Отец там шланги хранит, – Валера сделал невинное лицо.

– Слушай, поставь там камеру, посмотрим, чем они занимаются, интересней будет, чем грязных бомжей на помойках снимать, – посоветовал я.

Вечером, вернувшись домой, разговаривать с женой я не стал. Пошел, естественно, сразу к сове на балкон. Когда я открыл коробку и увидел, что совы нет на месте, сердце мое ёкнуло: «Неужели Лена отомстила мне за то, что я ушел вчера из дома, и замочила бедную птицу?» Не успел я закрыть коробку и как следует начать переживать за питомца, как

на улице послышался шум крыльев. Сова влезла через отверстие в свое гнездо, видимо, она погуляла и вернулась домой. Я взял птицу в руки, открыл окно на балконе и посадил на перила подросшую и окрепшую ночную хищницу.

– Ну, давай, лети, там лес. Что ты забыла в этом дурном городе? – я немного подтолкнул птицу.

Сова расправила крылья, оттолкнулась от перил, беззвучно сделала круг между домами и вернулась обратно. Я посадил ее в коробку и подумал, что, наверное, пора дать имя пернатой подруге, а то вон она какая верная оказалась, улетать от хозяина никуда не хочет.

Серая неделя

Я ходил на работу пешком и почти каждое утро видел выезжающий из двора тонированный автомобиль. Мне хватало воли, чтобы не броситься за ним, хотя очень не терпелось узнать, что это за тип, и зачем он дает мне эти вышедшие из обращения рубли? Я навел справки и выяснил, что ценность их была не очень высокая, эти монетки можно выбросить без особого ущерба для себя. Наверное, так размышлял и мелкий парнишка, может, у него их было много, и он решил не выбрасывать монеты, а дарить людям. Кто знает? Я чувствовал, что мне необходимо разобраться, почему он их мне дал. Навязчивое ощущение того, что я ему что-то должен, нарастало во мне с каждым днем.

Монеты лежали у меня в столе, я доставал их вечером, подкидывал на ладонях, они приятно холодили и отягощали руку. Казалось, что двум монетам скучно, гораздо лучше, если их, к примеру, стало бы штук пять. В таком случае это уже можно было бы считать целой коллекцией, которую интересно разложить на столе и разглядывать. Приятно позывая, перекладывать...

А вообще, это мысль – начать собирать коллекцию! Я достал бумажник, высыпал свои монетки на стол рядом с советскими рублями. Современные денежки казались мелкими и несерьезными. Я выбрал самые новые блестящие экземпляры и отложил их в ящик стола вместе с подаренными мне незнакомцем монетами.

Вечерами мне стало нравиться выгуливать сову, я приносил на балкон куриные головы, доставал птицу и выпускал ее из открытого окна. Она красиво, как пузатый беспилотник, летала между многоэтажками, изредка взмахивая крыльями. Когда она возвращалась на балкон, я кормил ее уже оттаявшей курятиной.

Хотелось все-таки дать птице имя, но вызывала вопрос ее половая принадлежность. Недолго думая, я решил: «Раз беспилотник – значит самец!»

Назвал я его Соварог, потому что до этого постоянно, лаская птичку, называл его Соварушкой или Совурчиком. А теперь повзрослевший питомец должен был называться солидно, без уменьшительных суффиксов, ноозвучно привычной кличке. Чтобы не мучиться с подбором имени, я остановился на первом, что пришло в голову, хотя птице, наверное, было все равно, как ее будут звать.

Лена активно занималась продвижением тушек живых котят, мне было противно говорить с ней на эту тему и уж подавно не до того, чтобы узнавать об успехах. К концу недели она принесла домой еще два шевелящихся клубочка, замотанных в бинты, а нам, мне и Соварогу, достались восемь лапок и два кошачьих хвостика. Может быть, ее мрачное увлечение не настолько уж и абсурдное, по крайней мере, и совы сыты, и муж деньги экономит на прогорке питомца.

В пятницу утром я вновь заметил вдали тонированный автомобиль и бросился наперевес через весь двор, чтобы не дать ему выехать на автодорогу. Водитель увидел меня, бегущего по двору, и остановился. Он вышел из машины и, скрестив руки на груди, дождался в надменной позе, когда я подбегу. Я сбавил темп, чтобы не потерять достоинство, но, так толком и не отышавшись, спросил:

- Другие монеты есть?
- Найдутся, – спокойно ответил мелкий парнишка.

Мой рост всегда считался чуть ниже среднего или около того, а незнакомец действительно был на голову ниже меня, и вся его анатомия была пропорционально уменьшена на ту же величину, что и рост.

- Такие же большие и тяжелые? – продолжал я, уже восстановив дыхание.

– Да любые, какие хочешь.

– Принеси посмотреть, я, может, купил бы у тебя парочку.

– А заплатить-то тебе есть чем?

– Сколько стоит?

– Выберешь монеты, потом будем торговаться. Идет?

– Хорошо, на следующей неделе, во вторник здесь во дворе встретимся.

Мы пожали руки, он уехал, а я пошел на остановку автобуса. Какое-то смутное предчувствие, что зря мы затеяли этот торг, не оставляло меня.

Вечером сразу после работы, не заезжая домой, я отправился на очередную встречу с друзьями.

Пятничное заседание

– Ну как, уладили свои кошачьи дела? – живо поинтересовался Денис.

– Я решил не принимать все близко к сердцу, к тому же теперь, похоже, есть чем кормить Соварога.

– Ты осуществляешь жертвоприношения древнему славянскому богу? – спросил изумленный Ден.

– Я думал, что это просто старинное имя, которое от совы произошло, – мне не виделось подвоха в кличке совы.

– Ну-ну...

– Пацаны, мне Мишка наконец перезвонил, – сообщил Валерий. – Он в какой-то дыре за городом, адрес не сказал, но, по-моему, он бредил. Я почему вспомнил-то про него – он тоже про сову что-то лепетал. Похоже, что пьяный был, говорил, что его птицы окружают, а вместо людей с ним за столом сидят совы и филины.

– Неужели еще одного нашего друга белочка накрыла? Печально. Михаил ведь не пьющий был, – покачал головой Денис.

– Ладно, смотрите, что я принес, – Валера вытащил из кармана знакомую нам флешику.

Денис начал подключать и загружать видео. Пока старый комп грузился, Валера развили свою теорию:

– Мы в прошлый раз говорили про то, что полости бывают проходные и замкнутые. Так вот я подумал, что, действительно, более совершенной будет полость замкнутая. Ты же не станешь в ресторане сидеть за столиком в проходе, где мимо тебя все шатаются, тебе захочется занять столик в нише или в углу. В больницах все лежат в палатах, и только в случае ненормального переполнения койки ставят в коридор. Отчего так происходит?

– Не знаю. Это твоя теория, – я пожал плечами.

– Потому что все структуры с двумя отверстиями, сквозные, призваны высасывать соки и отбирать энергию, а замкнутые ниши могут только преобразовать, изменять посетителя, в том числе и снабжать его чем-то новым, обогащать. То есть в них происходит своего рода обмен.

– Ну, ты загнул! – не особо вникая в суть, сказал я.

Валерий продолжал:

– Если ты перекусываешь на ходу, то ты не наешься; если ты стоишь у конвейера, то ты не создаешь ничего нового. Ты – винтик, который израсходуют и выкинут. Только в непроходных кабинетах, кавернах и пещерах можно получить убежище или сотворить изобретение.

– Валера, я не узнаю тебя, откуда такие сведения? – спросил Денис, вставляя флешику где-то под столом.

– Я перестал посещать тунNELи и переходы, может от этого и в голове больше порядка стало. Если человек попадет в кишку, то она все высосет, опустошит посетителя. Например, метро: ты заходишь в рот и попадаешь на эскалатор, он тебя предварительно обработает, размягчит, чтобы уже в вагонах из тебя все соки выжать. Да ты представь себе любой длинный коридор – это же страшное пищеварительное сооружение! Идешь ты по нему, а тебя переваривают. Ближе к выходу ноги уже начинают подкашиваться, в глазах темнеет, – задвинул Валерка.

– Жуть какая, ты никому только не рассказывай это, а то тебе неотложку вызовут, – съехидничал Денис.

Наконец видео запустилось, оно было хорошего качества, камера висела напротив двери в гараж с хозяйственным инвентарем дворника.

Я давно не видел Валеркиного отца. За прошедшие годы он мало изменился, только седины в волосах стало больше, а борода увеличилась в размерах. Он был высокого роста, за прической никогда не ухаживал, его спутанные волосы развивались на ветру. Издалека он имел сходство с портретом того Распутина, который весьма успешно растлевал в свое время семью правителя России. Но лицо дворника было крупнее, посередине висел опухший пористый красный нос, голова держалась на морщинистой тощай шее. За косматой шевелюрой скрывались его волосатые уши, причем седой мох торчал густым комком из ушного отверстия. Про глаза его тяжело было что-то сказать, так – два черненьких бегающих слизняка в глубоких опухших складках. Он по-прежнему носил какую-то потрепанную одежду, от которой наверняка пованивало помойкой – ароматы свалки были его профессиональным запахом, как мне помнится.

Кроме наведения порядка на контейнерной площадке, в его обязанности входило мести улицу, поливать цветы на клумбах и подстригать разрастающиеся кусты. Зимой – убирать снег и посыпать дорожки песком.

Во дворе стояли в три ряда старые кирпичные гаражи. Один бокс был выделен дворнику для хранения инструментов: лопат, метел, каких-то тележечек и шлангов, которые, действительно, надо было где-то содержать. Валеркин отец тащил в этот гараж некоторые вещи с помойки, не все подряд, а только те, которые можно было еще использовать или продать через Валерку в интернете: древние кресла, почти антикварную мебель или старые велосипеды.

На этот раз видео оказалось качественное, все детали можно было хорошо разглядеть.

Отец стоял в грязном коричневом фартуке около двери в гараж и выбирал ключ из связки. Он открыл дверь и махнул рукой, приглашая кого-то внутрь. Через десять секунд в гараж прошмыгнули с улицы пять девиц, двух из них я уже видел в ролике, который нам показал Валера на прошлой неделе. Кто-то из них был в джинсах, кто-то в мини-юбках. Все они, как на подбор, были стройные, ногастые, с модельными фигурами, отличались только одеждой, прическами и цветом волос. Когда они скрылись за дверью, то отец осмотрелся по сторонам, погрозил в видеокамеру кулаком, потом сам зашел внутрь и закрыл за собой тяжелую дверь, слышно было, как громыхнул засов.

– И все? Ты издеваешься? Мы же договаривались, что ты камеру в гараж повесишь, – начал возмущаться Денис.

– Нет, не все. Есть еще видео, как они выходят, – невозмутимо парировал Валера.

– А чем они там занимаются? Как мы сможем узнать? – настаивал на своем Денис.

– А это уже зависит от твоего воображения. Есть еще третий ролик, где те же девки на неделе завозили в гараж какие-то кресла, банки, шланги. Правда, я его забыл на флешку скопировать.

– Валер, тебе задание: установить камеру внутри бокса! Возьми ключи у отца, скажи ему, что тебе лопата нужна или тачка. Тебе надо попасть туда на пять минут, – выдал поручение могучий Денис.

– Ладно, попробую, – нехотя согласился Валерка.

Шишкина осень: обратный отсчет

Второе начало

Катя была слегка удивлена простотой Славы. В общем-то, немолодой уже мужчина, видимо, совершенно без комплексов, голый, уселся рядом с ней на банный полок. Она слегка смущилась, но Валентина без какой-либо смены интонации продолжала свой незамысловатый рассказ. Катя решила сделать вид, будто ничего необычного не происходит. Может, в деревнях так принято, это же, наверное, общественная баня.

Ее разморило, весь день она возилась с Михаилом, сначала его пришлось приводить в чувство нашатырем и отпаивать водой, потом тащить на себе, затем отмывать. Без Валентины она точно бы не справилась. Хорошо, что та помогает.

Когда девушка нервничала и не могла дозвониться до своего жениха, она рисовала себе самые ужасные картины того, что могло случиться с Михаилом. Вдруг женский голос ответил ей – какая-то дама сообщала, что Михаил забыл свой телефон у нее. Катя психанула и прервала соединение.

Через какое-то время Валентина сама со своего номера набрала Екатерину и объяснила, что она продавщица в местном магазине и ничего плохого думать не надо, Михаил только взял спиртное для себя и друга, которого она хорошо знает и может за него ручаться. Все в порядке, ситуация под контролем – гуляют мужички.

Они созванивались еще три-четыре раза, Катя звонила узнать, что слышно про Михаила, а Валентина звонила Кате, когда видела его в соседней деревне и отчитывалась. Мол, ничего страшного, выпивает немного, отдыхает скромненько, порядок не нарушает.

Катя всегда считала Михаила сильным человеком, он всего добивался сам, был порой упрям и настойчив. Хотя мог иногда проваливаться в апатию и две недели ничего не делать, но потом все равно собирался с мыслями и приводил все дела в порядок. Просто ему немного не повезло с последним местом работы: не успел он оформиться, как планы начальства сменились, и произошло сокращение штата сотрудников. Михаила как самого свежеустроившегося было проще всего уволить, и он, не став дожидаться этого момента, ушел сам. Впрочем, он всегда с легкостью устраивался на работу и с такой же легкостью увольнялся, потому никаких переживаний по этому поводу Катя с Михаилом не испытывали. Но чтобы уйти в запой... Это было нечто новое. В последнее время он вообще не выпивал. До этого они раньше часто выезжали на пикники, а когда был жив дед, навещали его пару раз в деревне. Михаил мог выпить рюмку – другую, но всегда знал меру. Или не знал? Или она что-то не так себе представляла...

Намаявшись за день, Катя, как сомнамбула, помылась со Славой и Валентиной и быстро заснула. Их с Михаилом оставили ночевать в предбаннике. Первая половина ночи прошла спокойно. Однако после полуночи у Михаила поднялась температура, и он, страдая, то стонал от жара, то тихонечко подывал от боли. Второй раз заснуть у Кати больше не получилось. Она села рядом с кроватью на стул. В бане было душно и жарко, ей хотелось пить, но, кроме пива, ничего на столе не было. Потихоньку за ночь она допила весь оставшийся на столе после банных процедур пенный напиток.

Шесть

С утра Катя, Слава и Валентина осмотрели больного. На консилиуме было решено везти Михаила в больницу. Переночевавшая у Славы Валя ушла в свой магазин. За руль Кате

после пива было нельзя, а у Славы не было водительских прав. Пришлось просить Бориса, у него хоть и не было машины, но были права. Посадив Михаила рядом с Катей на заднем сидении, Слава устроился впереди рядом с рулившим Борисом. Районный центр находился в пяти километрах, но, так как прямой асфальтированной дороги не было, пришлось ехать кругами. Путь до больницы занял около получаса.

Сначала Михаила осмотрели в травматологии, но никаких переломов и опасных ушибов не обнаружили. Самой серьезной травмой оказалась обожженная писька. Ему поставили катетер, чтобы он мог безболезненно ходить в туалет, намазали член вонючей мазью и забинтовали. Более неприятным оказалось обнаруженное воспаление легких, и молодого человека оставили в стационаре. Несмотря на жар, он был в состоянии себя полностью обслуживать. Сидеть в больнице у Кати не было резона, кроме того, надо было навести порядок в доме, так художественно загаженном стараниями Михаила. Она поехала с мужиками обратно, за руль уже села сама, благо ехать приходилось по грунтовке, не рискуя быть задержанной за езду в нетрезвом виде.

По дороге обратно Борис отчитал Катю за то, что она оставила Михаила одного в деревне на столь долгое время. Он говорил, что таких людей, как Михаил, он видит насквозь, и оставлять такого наедине с алкоголем – все равно как самоубийце дать пистолет. Он долго читал нравоучения, это надоело Кате, и она сделала вывод, что Борис – редкий зануда. А вот веселый Слава ей, напротив, понравился. Хотя он не был красавцем и был староват, но зато он постоянно шутил и не заморачивался по пустякам. Катя вспомнила вчерашнюю баню со Славой и то, как бинтовали член Михаила. Она улыбнулась, мысленно сравнивая двух самцов. Перевес был на стороне Славы.

По возвращении из больницы ей предстояла генеральная уборка в доме. Девушка стояла на пороге и не знала, за что браться. Кухня-прихожая была вся в грязи, мусор уже свешивался со стола на стоящий рядом топчан. Так как обувь Михаил, похоже, вообще ни разу не снимал, уличная слякоть размазанными сгустками щедро покрывала весь пол. А запах! Смесь протухших объедков, мочи и перегара.

Неожиданно помочь Кате вызвался Слава. Он, несомненно, был оптимистом, ему удалось зарядить девушку своей энергией, и они вместе начали уборку. Забыв про хромоту, он приносил ведра с водой. Даже починил выключатель на кухне. Пообедать они тоже сходили к Славе, он сам накрошил вкусный салат и быстренько сварил простой, но аппетитный суп.

В отличие от Бориса Слава не был брюзгой, он не ругал ни Михаила, ни Екатерину. Наоборот, он говорил, что ребята – молодцы, коль решились приехать в деревню, а произошедшие события были просто стечением обстоятельств. Катина симпатия к Славе увеличивалась, она даже прониклась к нему определенным уважением за его трудолюбие и обаяние. Она не видела самого обычного подхалимажа в его словах и действиях, а может быть, и не хотела видеть. После обеда они, чуть ли не взявшись за руки, шли заканчивать уборку.

К вечеру старый дедовский дом сверкал чистотой, даже на верхних полках убрали пыль и вывесили на улицу проветриваться постельное белье. Но в самом доме еще оставался неприятный запах. Слава предложил открыть все окна и оставить помещение проветриваться на ночь, а Катю пригласил остановиться пока у него. Ну как отказать такому галантному аборигену, да еще и славному помощнику. Катя согласилась.

Пока она перегоняла машину во двор к Славе, тот приготовил сюрприз. На кухонном столе стояла бутылка дешевого вина, и горели две свечи. Убогая обстановка жилища растворялась во мраке, только скромная трапеза на свежей скатерке была тускло освещена подрагивающими языками маленьких огоньков. Катя была польщена таким приемом. Михаил никогда не отличался романтизмом, а тут запах ароматизированного воска, тепло от свечей

и блики в бокалах – все это показалось картинкой из книг про рыцарей и принцесс, которыми она зачитывалась в детстве.

Свежий воздух и романтический настрой сделали свое дело. За ужином Катя поинтересовалась, не обидится ли Валентина, если узнает, что у них был ужин при свечах. На что Слава сказал, что они с ней дальние родственники и помогают друг другу чисто по-родственному, а вообще у нее есть ухажер – Толя. Сам же Слава – одинокий романтик, живущий в глухи. Неужели она думает, что если бы у них с Валентиной был роман, то она, находясь в двадцати минутах ходьбы, не ночевала бы у него.

Катя быстро захмелела, сказались утреннее пиво из бани и усталость после грандиозной уборки. Она немигающими блестящими глазами смотрела на пламя свечи и, почувствовав, как тепло такого же огонька разгорается у нее внизу живота, посмотрела на Славу. В его глазах прыгали отблески алых язычков пламени. Она протянула руку к лицу мужчины и провела по выбритой морщинистой щеке. Слава поцеловал кончики пальцев Кати. Он галантно взял ее за руки, вывел из-за стола и уложил в постель. Также плавно и деликатно раздел, сопровождая свои движения поглаживаниями и поцелуями.

Екатерина полностью отдалась во власть Славы. Тот знал дело четко. Никакой торопливости и суэты, каждое его прикосновение приносило ей массу удовольствия. Через полтора часа они, растрепанные, вышли к столу, где уже догорали свечи, от них оставались только красные точки в расплавленном розовом воске. Слава включил ночник и при его освещении разлил остатки вина по бокалам. Они молча выпили и вернулись в кровать. Теперь инициативу перехватила Екатерина. Она вкладывала в свои ласки и в каждое движение столько огня и страсти, словно сдавала экзамен на профессиональную пригодность строгому профессору кафедры мастерства любви...

Пять

С утра ее ждал кофе в постель. Это было за гранью понимания в ее привычной жизни. Она почувствовала, что за такую ночь и утренний кофе в кровати она готова ходить пешком в эту деревню из города.

Они провалялись в постели до обеда. Потом Катя приготовила поесть, и вдвоем со Славой они сходили в дедов дом. Посторонние запахи уже почти не ощущались, но атмосфера в этом доме была мрачная, не радостная, здесь было пусто и холодно. Любовники решили, что будет лучше, если они оставят дом проветриваться еще на одну ночь, а может быть, и не одну.

Катя сходила в магазинчик к Валентине, прикупила продуктов и наконец-то забрала телефон Михаила, который давно разрядился. Когда вернулась к Славе, то поняла, что сюрпризы продолжаются. Он вымыл ее машину и даже украсил крыльца бумажными гирляндами. Вечер прошел так же романтично и трогательно, нисколько не хуже предыдущего.

На следующее утро они решили навестить Михаила. Необходимо было оставить ему телефон, чтобы он мог позвонить, если ему что-то потребуется. Забирать его из больницы никто не торопился. А зачем? И так хорошо!

Михаил изменился. Лицо стало худым и злым, синяк под глазом пожелтел, также стали заметно дрожать пальцы на руках, а голос стал дребезжащим. Он заметил, что Катя стала по-другому к нему относиться, поэтому он пытался ей угодить и выглядел заискивающим, суетливым, от чего делался противен как себе, так и окружающим.

Воспаление легких грозило перейти в затяжное, потому Михаила собирались выписывать не раньше чем через две с лишним недели. Кто-то должен был носить ему продукты и покупать медикаменты, которые прописывали врачи. Кроме того, у него копились дела и назревали проблемы в городе, кому-то надо было заниматься и этими вопросами.

На помощь со стороны его сестры тут не приходилось рассчитывать. Катя же категорично заявила, что раз уж он набедокурил, то пусть сам и разбирается с кредитами и работодателями, она устала делать это за него. Пусть хоть раз в жизни сам выкрутится без ее помощи. Она и так для него много сделала, вдобавок ко всему, ей придется ездить в эту больницу с продуктами. Решили долечивать Михаила здесь, в районном отделении, так как местные врачи уже вникли в суть проблемы, да и многие процедуры в глубинке стоили дешевле. Хотя, возможно, что это был лишь повод.

В первую неделю Катя съездила в город и взяла внеочередной отпуск под предлогом ухода за будущим мужем. Сама же она весело проводила время со Славой. Они вместе мылись в бане, смотрели на звезды, носили друг другу кофе в постель. Оказалось, что Слава пишет стихи, паршивенькие, но, чтобы поразить влюбленную женщину, вполне сносные.

Слава менялся на глазах. Видимо, молодая кровь под боком оказывала на него омолаживающее действие, ведь разница в возрасте Славы и Екатерины была более двадцати лет. Катя постригла его, щечки округлились и стали менее морщинистыми. Казалось, что даже глаза у него стали более выразительными и засияли изнутри скрытой энергией. Он стал выглядеть как холеный деревенский мачо. Если раньше Слава подчеркивал свою хромоту, то теперь он как-то умудрялся ее скрывать. Нужно было долго присматриваться к его походке, чтобы заметить, что он чуть припадает на левую ногу.

Катя постоянно отгоняла от себя мысли о возвращении Михаила. Она навещала его в больнице, привозила продукты и с презрительностью рассматривала этого человека. Как она могла столько времени с ним общаться, заниматься любовью, строить планы на совместную жизнь? К ветреному Славе она испытывала смешанные чувства. Вряд ли это была настоящая любовь. Скорее всего, это была смесь вспыхнувшей страсти с жалостью к неухоженному мужичку. Ей нравилось приводить Славу в порядок и наблюдать за этими изменениями. Она опекала его и в то же время пыталась быть властительницей. Попытки направить энергию свободолюбивого человека в нужное ей русло проявлялись все более отчетливо. Слава ощущал это и до поры до времени не противился, видимо, ему тоже была интересна эта игра.

Он был неподражаем в постели, изобретательность и сладострастие Славы вызывали у Кати поистине трепетные восхищение и дрожь. Видимо, ему удалось набраться за свою жизнь такого сказочного опыта и отточить природное чутье так, что каждое желание женщины в постели он знал или угадывал заранее.

Он выстраивал тактику ласк таким образом, что Кате казалось, будто это не она захотела определенного прикосновения или ощущения, а Слава где-то скачал инструкцию к ее телу и разуму и теперь умело управляет рычажками этих машинок. Ей порой казалось, что она теряла сознание, это были не просто множественные оргазмы, это было колдовство. Так, откуда-то из глубины, из сверхплотного ядра чувственного наслаждения начинали разбегаться по всему телу мелко выбиравшие крошечные создания. Они были похожи на мельчайшие упругие шарики, медленно и настойчиво вырывавшиеся из оков ее плоти к поверхности кожи. Синхронно, словно слаженный оркестр, они с легким щелчком прокалывали верхний слой, и через открывшиеся поры Катю заливало теплыми лучами ни на что не похожего счастья. Вырвавшись на свободу, ласковые шарики меняли форму, они вытягивались и, продолжая выбирать в мягком крещендо, всасывали в себя чуть заметные пушинки, покрывающие все тело девушки. Когда же звучание этого оркестра сладострастия и пульсация каждой клетки всего естества Екатерины сливалось в единой гармонии, тело ее начинало сверкать и, казалось, взлетало над ложем сонтия. Крошечные вибраторы продолжали исполнять свою чарующую симфонию. От этой музыки пушинки, с натянутыми на них виртуозами, становились тверже и, поднимаясь в поисках ласкового теплого дыхания, приобретали необычайную чувствительность, как только что удовлетворенные, но еще не растерявшие возбуждения полчища микроскопических фаллосов. В тот момент уже невозможно было

коснуться любого участка горящего тела, чтобы не вызвать эйфорическую дрожь во всем организме.

Внизу живота на этой звенящей ноте, пульсируя в блаженном танце, маленький дирижер этого сказочного оркестра вдруг резко выпрямлялся на своем подиуме и поднимал вспотевшую и раскрасневшуюся головку, покрытую очаровательными складочками. Он на секунду замирал, оглядывая всех своих музыкантов, вытягивался вверх, из-за чего складочки на его шее начинали разглаживаться. От жара пламени, полыхающего где-то в глубине, под основанием дирижерского пульта, он вынужден был приподняться на носочках и, разбрызгивая во все стороны с рукавов взмокшего фрака капли пота, резко взмахивал руками. Оркестр взрывался, рассыпаясь холоднымиискрами бенгальского огня, которые обжигали кожу мелким ледяным пощипыванием, которое, в свою очередь, превращалось в захватывающие волны блаженства, прокатывающиеся от макушки до пяток. Постепенно искры скатывались в глубокие карманы фрака дирижера, и тот, придерживая оттянутые и потяжелевшие фалды, не переставая кланялся и кланялся благодарной публике. Зрители без устали аплодировали. Овации не смолкали ни на секунду. Крики «бис» и «браво» слышались даже на улице...

Четыре

Катя прекрасно отдавала себе отчет в том, что это временное увлечение, но зато какое сладостное! Как бы подтверждая ее предчувствия, Слава к концу второй недели стал куда-то надолго уходить, не предупреждая ее. Он начал понемногу хамить и пытался иногда лишнего выпить. Похоже, Катя стала ему надоедать. Или, может быть, он чувствовал, что романтические денечки кончаются, и пытался не сильно привыкать к такой почти семейной жизни. А может, просто натура такая – непостоянная, ветреная, быстро устающая от однообразия.

Движение Славы и Михаила в жизненной плоскости стало разнороденным. Михаил теперь постоянно курил, стал худеть. Он полюбил смотреть телевизор в больничном коридоре, стал избегать людей и боялся принять самостоятельно какое-либо решение. Слава же, напротив, стал меньше курить, подобрел. Он стал склонен к рассуждениям и с удовольствием раздавал советы и наставления. Телевизору он стал предпочитать прогулки на свежем воздухе, а если была плохая погода, то мог и почитать что-нибудь из своей не очень богатой библиотеки.

Кто же знал, что такие изменения под воздействием женщин, алкоголя и свежего воздуха могут произойти с людьми всего лишь в течение двух-трех недель?

Однако пришло время забирать Михаила из больницы. Катя приготовила выздоровевшему чистую одежду и в одиночестве поехала в районный центр. Михаил чувствовал себя хорошо, только катетер пришлось оставить, так как ожог немногого воспалился и заживал медленно. Они приехали в дедов дом. На столе лежала постиранная скатерть, а на кровати – свежее белье. Посторонние запахи присутствовали, но едва уловимо. Михаил с Катей, обменявшись дежурными фразами, поужинали, разделись и легли спать. Катя отвернулась к стене и попыталась заснуть, Михаил стал гладить ее рукой по спине, поцеловал в шею и залез рукой ей в трусики. От Михаила пахло больницей и дешевыми сигаретами. Катя почувствовала, как холодный катетер тыкается ей в ногу и перекатывается по внутренней стороне бедра. Она резко повернулась к Михаилу и сказала:

– Я ухожу от тебя, я беременна от Славы. А ты живи, как хочешь. Можешь опять в грязи с алкашами начать валяться.

Молодой человек откинулся на подушку и молча смотрел в потолок, по которому пробегали бесформенные тени загадочных существ. Он понимал и до этих слов, что жизнь поменяется, но что так – не ожидал.

– И что? Ты пойдешь жить к Славе? – смог с трудом выговорить опешивший Михаил.

– Нет, сюда в вашу деревню я не вернусь. Я хочу родить ребенка. Сама рожу, сама выращу! Без помощи вашего брата.

Она встала с кровати, включила свет, оделась и вышла на улицу. Слышно было, как завелась машина и с пробуксом тронулась с места.

Михаил не мог заснуть.

– Что же это происходит? Меня за последнее время избили, опустили, облили и заморозили, потом долго лечили. Сейчас выясняется, что моя невеста беременна от старого алкаша, живущего в непонятной дыре, без каких-либо перспектив.

Он сел на кровати.

– Надо что-то делать. Итак, я приехал сюда, чтобы подлатать дом, потом продать его, поправить финансы и сыграть свадьбу. И каков финал? Вот зараза!

Он погрозил в окно кулаком. На дереве в саду молча покрутила головой ночная птица.

Молодой человек прошел на кухню, автоматически начал искать сигареты в висевшей около двери одежде. Когда же он вытащил из кармана то, что искал, его словно осенило. Он смотрел на зажатую в руке пачку.

– Вот! Я же некурящий и не пьющий. Все эти пороки пристали ко мне здесь, в этой деревне. Это не птицы тут дурные, а люди. Сволочи, скверные людишки!

Он злобно смял двумя руками пачку, потом бросил ее на пол и стал топтать ногами, отплясывая странный танец все быстрее и быстрее, злоба внутри него начинала закипать.

В дверь постучали. Это был Борис.

– Ты что тут посреди ночи хороводы водишь?

– А тебе какое дело! Хочу и пляшу!

– Давай я музыку хоть включу или подпою для ритма, – сыронизировал Борис.

– У меня свой внутренний ритм, громкий и отчетливый. Я не нуждаюсь в подпевалах.

Тем более что ваши песни чужды моему разуму, – злобно сказал Михаил.

– Ладно, что ты завелся? Пляши сколько хочешь, только послушай меня сначала. Уехал бы ты отсюда, пока опять что-нибудь не приключилось с тобой.

– Все что могло произойти, уже произошло. Мне даже интересно, какие сюрпризы еще меня поджидают.

– Ты зря так легкомысленно рассуждаешь. Уезжай! Виктор опасается, что скоро будет что-то нехорошее.

– Виктор? Он что, пасьянс тут на мою судьбу раскладывает?!

– Слушай, у тебя, наверное, дела есть в городе? Может, пора ими заняться?

– Все, нет у меня там никаких дел. Катя блядует со Славой. Работы нет. Имущество за долги арестовано. Ничего приятного в городе меня не ждет! – сквозь зубы процедил молодой человек.

– Работу всегда можно найти. Дом этот ты хотел продать. Так продавай, закрывай долги, ищи новую жену.

– Нет, я буду с Валентиной жить, картошку вон посажу. У нее же магазин есть. Излишки будем приезжим продавать.

– Нужен ты Валентине. Или ты на ее самогоне жениться надумал. Давай ложись спать, завтра с утра подходи ко мне, позавтракаем. Затем посмотрим, где какие доски в твоей хибаре поменять надо. Дел у тебя здесь на два часа, а ты уже месяц непонятно чем занимался. Потом езжай в город, ищи риелтора.

– Зачем риелтора? Месяц? Я здесь уже месяц? – Михаил как-то сдулся и перестал сопротивляться воле Бориса.

– Как зачем? Птицы уже в стаи собираются. Скоро лететь на юг, – мужчина устало вздохнул. – Осень уже на дворе. Того гляди дорог не станет, продать дом будет тяжелее.

Борис ушел. На Михаила накатила отступившая было злость.

– Еще чего, соседи деревенские будут меня жизни учить! Уж сам как-нибудь разберусь, с кем мне спать и что пить!

Он поднял смятую пачку, вытащил из нее обломок сигареты и закурил.

Три

Когда Борис, не дождавшись Михаила с утра, пришел к нему сам, никого дома не было. Он дошел до Славы, тот тоже отсутствовал. Борис достал телефон и набрал пару номеров. Ему не отвечали, он пошел к Виктору.

– Вот такие дела у нас творятся, – Борис рассказал все Виктору. – Что думаешь, где эти олухи?

– Я думаю, что они сами объявятся, что ты их все пасешь, как будто они дети тебе?

– Не дети, но все же люди, соседи. Если они все сопьются или перевешаются, то в деревне вообще никого не останется. Так я себя нужным ощущаю, есть хоть какие-то заботы. Да и поговорить есть с кем. А то проснулся, отжался, позавтракал, книгу прочитал, никакого разнообразия, социум увядает.

– Ну езжай в город, там будет тебе разнообразие, и социум бурлит.

– Сидеть в квартире и ругаться с соседями по лестничной площадке, чтобы не шумели? Нет, тут тишина и полная грусти романтика. События происходят, пусть неторопливо, но последовательно. В моем ритме. Во всем прослеживается какая-то логика, и конец уже близко. Если в деревне останешься только ты, Виктор, то я уеду. Не могу я совсем отшельником жить, – сказал Борис.

– В этой деревне всегда есть кто-то помимо людей, и если мы все покинем это место, то оно не будет пустым. Жизнь здесь никогда не останавливается. Раз и ты стал чувствовать, что дело идет к развязке, то значит пернатые с тобой контакт уже наладили… И куда ты потом? На юг? – Виктор внимательно посмотрел из-под очков на собеседника. – Не советую я тебе туда уезжать. Заведи себе лучше женщину. Будет куда лишнюю силу девать.

– У меня после недавнего развода аллергия на женщин.

– Хочешь мужчину?

– Что-то пока желания не возникало. Может, просто окружение не сексуальное, – Борис засмеялся. – Ладно, пока что я планирую быть здесь до снега. Нам с тобой надо кое-что успеть за оставшееся время. Что сначала? Водопровод тебе на участке доделаем или дальше птичье кладбище раскапывать продолжим.

– Скажешь тоже. – Виктор улыбнулся. – Естественно, водопровод! Если что, то мы обустраиваем скважину.

С улицы доносился шум. По центру дороги со стороны магазина шли, шатаясь и обнявшись, Михаил со Славой. Пройдя через Славину калитку, они скрылись в доме.

– Ладно, без обид?

– Без обид!

– Мы с тобой в расчете. Только ты пойми, Миша, я Валентину люблю по-настоящему, мы с ней со школы знакомы. Она даже один раз мне жизнь спасла, когда мы еще подростками были, – вещал Слава.

– Ну а что же вы не живете друг с другом?

Слава рассказал историю взаимоотношений со своей пассией. Повзрослев, все разъехались кто куда. Валентина вышла замуж в городе. Слава отправился на заработки, трудился

везде, где платили, в основном на стройках. Там же и ногу повредил, пришлось возвращаться обратно, оформлять инвалидность. Ладно мать еще была жива, не дала совсем опуститься. Кое-как устроился на местной ферме. Потом и она закрылась. Валентина два года назад вернулась после развода. Деньги у нее были, на них она и открыла магазинчик. Ну, конечно, встретились, молодость вспомнили. Слава все уговаривал ее выйти за него замуж. Но она после неудавшегося брака признавала только свободные отношения. Дескать, она свою свободу ценит превыше всего. Ревновать Славе к другим мужикам не позволяет, но и жить с ним категорически не соглашается. Иногда они вместе могут провести какое-то время, организовать пикничок. Так и живут вроде вместе, а вроде и врозь.

– От тоски бывает выпью, все равно ведь жизнь не устроена, – взгрустнул Слава. – А ей удобно, только свистнет, мужичок тут как тут.

– Да, мужиков она всех подбирает, не брезгует, – не в тему ляпнул Михаил.

– Да и права она, ведь еще за время молодости изучила меня. Знает, что я человек не семейный, не удержусь, буду флиртовать на стороне. А не ровен час и голову потерять могу, поплещусь за какой-нибудь юбкой. А бабы меня почему-то любят.

Михаил что-то невнятно пробурчал.

– Вот Катька твоя, что ты думаешь? Я ее долго уговаривал? Нет. Сама прям набросилась. Правда, может быть, по тебе истосковалась. Ведь если девка по парню сильно тоскует, то ей как-то же надо разрядиться, выплеснуть, так сказать, свои чувства. Вот она из-за того, что тебя сильно любит, и отдалась мне. А у тебя к тому же пиписька обгорела и трубка торчит, так что ее понять можно. Давай я ей позвоню, скажу что-нибудь, придумаю, пусть приедет. Я вас вдвоем оставлю. Ты и объяснись, вот увидишь, она девка отходчивая.

Михаил слушал и кивал головой, но внутри все бурлило и кипело. Он доверял этой женщине, хотел жениться. «Кстати, эта сука сейчас ездит на его машине. Интересно, машину тоже приставы арестовали? Пусть только приедет, тварь!» – переливаясь через край, злость захватила его сознание полностью. Они допили самогон, вышли на крыльце. Покурили. И пошатываясь Михаил побрел домой.

Два

Дома он разделся, аккуратно вытащил катетер, попробовал помочиться, обошлось без боли. Он помял половые органы, неприятных ощущений уже не было. Может быть, просто алкоголь действовал как анальгетик.

Сама мысль, что он теперь полноценный мужчина вызвала прилив сил и легкое возбуждение. Хотя, возможно, он просто слишком увлеченно разминал рукой гениталии в трусах. Спать не хотелось, он подумал о Валентине. Но после такого задушевного разговора со Славой ему показалось, что идти к ней было бы не по-товарищески. Он прикрыл глаза. Перед ним поплыли мысленные образы, которые превратились в плакаты из дома Марата. Он вновь захотел их увидеть. Михаил выключил освещение и вышел из дома. При свете луны темная тень какой-то птицы проплыла над деревенской дорогой. Послышался неприятный звук, похожий на грубый смех.

Достаточно быстро он дошел до Маратовского дома и посветил фонарем на входную дверь, она была закрыта на два замка, один навесной был явно новый, видимо, его повесили родственники. Почему-то слово «повесили» зазвенело в мозгу Михаила и как-то напугало его. Но влечение к изображениям на плакатах было сильнее. Он вспомнил, как Слава забирался в дом через окно, и очень быстро повторил этот трюк. Стол из комнаты, где они справляли тризну по Марату, уже убрали. Как-то одиноко посередине пустой комнаты стоял стул. Главное, что плакаты были на месте. Михаил прошел вдоль стен и внимательно осмотрел каждую модель при свете фонарика.

Он приспустил штаны, сел на стул, стоявший посреди комнаты, подергал одной рукой письку, второй рукой направил луч фонарика на стену. На него грустно смотрел Марат из трапурной рамки, стоящей на высоком комоде.

И опять слово «повесили» зазвенело в ушах Михаила. Ему стало жутко, он посветил вверх над собой и увидел, как была прицеплена веревка, на которой когда-то висел Марат. Она была продета через доски потолка и уходила выше на чердак, похоже, крепилась там. Молодой человек вдруг четко представил, фактически увидел, как Марат на чердаке наматывал веревку на обрубок черенка лопаты. Чувствовалось, что он делает это не в первый раз. Потом Марат фиксировал черенок с намотанной веревкой в щели между досками пола чердака. Он проверял, чтобы черенок мог выско치ть из расщелины, а веревка имела возможность размотаться, но только при большом усилии, видимо, соизмеримым с весом самого Марата. Из свободного конца веревки он делал петлю и просовывал ее в специально про-деланное отверстие в полу чердака. Петля высовывалась между досок потолка в комнате на первом этаже. Затем Марат спускался вниз, вставал на стул, надевал петлю на шею и она-нировал, пригибая колени, задыхаясь и глядя на своих женщин. В один момент стул упал, а черенок что-то удержало в щели между досками так, что веревка не смогла размотаться... Какой-то черный силуэт медленно шел по чердаку от отверстия с веревкой к лестнице вниз.

Михаил застыл на месте, он светил на фотографию Марата и смотрел неотрывно в глаза покойнику. Совершенно не двигаясь, одной рукой он все сильнее сжимал свой член, капля крови выступила из почти зажившего ожога. На чердаке скрипнула доска. Ужас сковал Михаила, он прилип к стулу, на котором когда-то стоял Марат. С огромным трудом, боясь издать малейший звук, ему удалось приподняться. Дрожащими онемевшими руками он натянул штаны. Наконец-то ему получилось оторвать свой взгляд от фотографии, медленно переставляя негнущиеся ноги, он двинулся к окну. Марат продолжал безучастно наблюдать за незваным гостем. Спиной молодой человек чувствовал взгляд, упершийся ему в спину.

Что-то большое и черное тихо спустилось с чердака, дошло до стула и беззвучно усе-лось на него. Оно тоже стало смотреть на Михаила. Перелезая через окно, молодому чело-веку случайно пришлось оглянуться, и он отчетливо различил при свете луны две пары глаз, пристально наблюдающие за ним.

К своему дому он примчался пулей. Голова работала сумбурно, хотя хмель полностью прошел. Страх не пустил его в дедов дом, так как он в темноте был очень похож на тот, где Михаил только что испытал дикий ужас. Дергающиеся тени стали окружать молодого чело-века, он побежал к сараю. Ему виделся только один способ избавиться от преследующего страха.

Он хотел одного. Свести счеты с жизнью. Михаил быстро нашел в сарае веревку и балку под потолком. Дрожащими руками связал скользящий узел. Он подвинул стремянку к балке, привязал веревку, просунул голову в петлю и стремительно спрыгнул с лестницы вниз. Вокруг основания головы резанула острыя боль, потом что-то хрустнуло в шее и стало темно.

Один

Он глубоко вдохнул затхлый воздух сарая, открыл глаза и увидел сверкающее мачете Бориса.

Михаил лежал на земляном полу пристройки, над ним склонился Борис. В одной руке он держал мачете, другой ощупывал шею Михаила, видимо, искал пульс. Молодой человек подумал, что Борис хочет его задушить. Двигаться не получалось, а пульс стучал в ушах страшнее огромного колокола. Он опять потерял сознание. Пришел в себя он уже в больнице. На шее у него был одет пластиковый корсет. Снова в палате были Катя и Слава. Михаил

ощутил абсурдность повторяющихся событий. Говорить ни с кем не хотелось. Катя фальшиво улыбалась, Слава шутил, в общем-то, тоже фальшиво.

Одну неделю, пока за Михаилом приглядывали врачи, Катя опять жила у Славы. За все это время она один раз навестила Михаила. Она сообщила, что его сестра знает, в каком состоянии находится ее брат, и скоро должна будет приехать нянчиться с ним. Сестру он так и не дождался и понял, что никому не нужен, а все его только обманывают.

Михаил свободно передвигался по больнице, только корсет немного стеснял движения. За окном наступила золотая осень. Желтые вперемежку с красными листья со стоявших рядом деревьев залетали в больничные окна, была ясная сухая погода. Он много времени смотрел на улицу. В течение дня Михаил перемещался за солнцем, с утра он располагался у восточных окон, потом переходил на южную сторону, в конец больничного коридора. После обеда он вставал у окна, которое смотрело на запад, и не отходил от него, пока солнце не скрывалось за горизонтом. У Михаила болела душа. О чем бы он не начинал думать, все мысли возвращались к отсутствию будущего. А какая обида была на Катю, ведь фактически она униила его! Внутреннее стенание не находило выхода, было горько и тошно, а бессилие и невозможность отмотать жизнь на пару месяцев назад приводили в отчаяние. Он стал плохо спать, его пугали темнота и тишина.

Катя пришла за день перед выпиской и принесла Михаилу кучу повесток в суд, а также уведомления от судебных приставов. Она сказала, что это вместо яблок с апельсинами передала ей сестра Михаила. Дескать, теперь она за него пытается отбивать атаки коллекторов. Похоже, что взыскатели долгов добрались до самого ценного имущества молодого человека. То есть до квартиры и автомобиля.

Катя предложила оставить пока машину у Славы, потому что ездить из-за ареста на ней сейчас нельзя. Вместе с сестрой они решили продать дедов дом, чтобы закрыть все долги с набежавшими процентами. Для этого необходимо было, чтобы Михаил написал доверенность либо на Екатерину, либо на свою сестру. Так как сестра не приедет, то доверенность надо оформлять на Катю. Если все получится, то за решение всех вопросов Катя оставит автомобиль себе, после чего Михаил может спокойно уезжать в город, где у него с сестрой будет в совместном владении квартира.

Все было продумано. На завтра Катя уже записалась в очередь к местному нотариусу, контора которого находилась здесь же, в пяти минутах ходьбы от больницы. После того как доверенность будет подписана, Катя отвезет Михаила в дедов дом, где он должен будет встречать посылаемых ему из города риелторов и покупателей. На машине можно ездить только по проселочным дорогам между районным центром и деревней, не выезжая на асфальт, где могут быть полицейские. Поэтому они в последний раз завтра прокатятся в деревню и запаркуют автомобиль у Славы. Ключи от машины Екатерина заберет с собой.

Михаилу было все равно. Он заметил, что Катя как будто поправилась.

– Ты это со Славой... Серьезно? Ты рожать от него будешь?

– Что? Да я пошутила неудачно, просто с тобой оставаться уже не хотелось. Ты неинтересный человек. Да, и, наверное, чувств у нас никаких не было. Ну, ты согласен с планом?

Михаил, смотря в пол, молча кивал головой.

– Тогда после выписки поедем оформлять доверенность. Это здесь рядом, далеко ехать не надо. Да, кстати, за твой корсет я заплатила, так что ты еще и мне должен.

Лицо Кати сделалось злым, глаза сощурились.

– А он тебе идет. Ты теперь почти испанский идальго, только шпаги не хватает.

Катя ушла. Михаил обратил внимание, что у него стали трястись пальцы на руках, особенно сильно дрожали мизинцы. Они оттопырились и мелко подрагивали, как у паралимиков и стариков.

В голове у молодого человека возникала картина городского апокалипсиса. Он представлял квартиру с пустыми стенами, злую сестру и китайскую лапшу на обед, завтрак и ужин.

После обеда он подошел к врачу.

– Можно меня сейчас отпустить, а не завтра, а то уже сил нет смотреть на эти стены.

– Легко! Карточку я тебе подпишу, просто больничный тебе сегодня уже некому будет выписать, – сказал молодой розовощекий врач.

– Мне не нужен больничный.

– Тогда можешь вещи собирать. Правильно, нечего бока пролеживать, красотища-то какая на улице – бабье лето!

На удивление быстро ему оформили выписку и дали какую-то справку с рекомендациями по выздоровлению.

Денег не было, и он пошел в деревню пешком. Возможно, что свежий воздух и прекрасный осенний вечер вдохнули в Михаила новые силы. На время дурные мысли оставили его, он даже стал мурлыкать какую-то песенку. Не сильно торопясь, прогулочным шагом уже в сумерках молодой человек дошел до деревни.

Пуск

Проходя мимо дома Славы, Михаил увидел в его дворе свой автомобиль и понял, что Катя находится там. Вот тут-то тоска и обида накрыли его окончательно, перерастая вдикую злобу.

– Это надо же, у Славы теперь есть все, что раньше было у меня. А чем он лучше? Да ничем, обманщик и забулдыга! Хромой козел, который меня спаивал, потом бабу увел, а теперь я еще и дедова наследства лишусь, – внутри у молодого человека все кипело.

Он вошел в свой двор, проследовал мимо входной двери и направился сразу в сарай, где он так неудачно пытался повеситься. Отрезанная Борисом веревка все так и свисала с балки, лестница валялась в стороне. Открыв шире дверь, чтобы тусклый сумрак хоть как-то осветил внутренности сарая, он стал шарить по полкам.

– Нет, это не конец для меня. Я начну новую жизнЬ, но другую, без обязательств и ограничений. Я буду жить весело, как Слава, но сначала я заберу его жизнь. Или ее. Да чью угодно! Надо остановить вакханалию этих извергов. Кошмар должен закончиться!

Он взял стоявшие в углу вилы, и представил, как они будут входить в женское тело. Почему-то он представил Валентину, ему даже показалось, что этоексуально. Штыри, входящие между ребер под женской грудью и выходящие с комками окровавленной плоти со стороны спины. Нет, это какое-то средневековье, нужно оружие, которое не будет возбуждать, а которое будет карать. Он осмотрелся в темном сарае. На полке в упаковочной бумаге лежало лезвие косы без деревянного черенка, режущий край был закрыт разрезанной вдоль пластиковой трубкой. Он убрал защиту. Острийшая коса в заводской смазке была у него в руках. Гнездо для черенка удобно ложилось в ладонь. Изгибающийся треугольник металла заканчивался страшной острой вершиной, одна из примыкающих сторон которой была великолепно заточена. Осторожно, чтобы не пораниться, он надел защитную трубку обратно и решительным шагом направился к Славе.

Он прошел мимо своей машины и поднялся на крыльцо. Дверь не была закрыта на замок. Михаилу показалось, что напротив в доме Бориса мигнул свет, но корсет мешал свободно вращать шеей. «Сейчас опять этот придурок вмешается. Вечно он под ногами путается, блин!» – Михаил засуетился. Он тихонько приоткрыл входную дверь, в доме было темно. Только свет от ночника из неплотно прикрытой двери в комнату немного освещал прихожую. Михаил стремительно пересек кухню и пихнул ногой дверь в спальню.

На кровати спиной к нему Слава в упоении совершал фрикционные движения. Из-за его плеча виднелось казавшееся особенно прекрасным в этот момент лицо Кати в обрамлении чуть растрепанных и слегка взмокших волос.

Кровь ударила в голову Михаилу, кожа покраснела, рот перекосился. Он левой рукой сдернул защиту лезвия, правую руку с косой поднял над своей головой и нанес удар острием в спину Славе. Он почувствовал, что коса не пробила ребра, и стал с ожесточением вонзать лезвие ниже, в область поясницы, прикладывая с каждым ударом все больше усилий. Его вдохновили эти движения. Каждый раз Михаилу казалось, что орудие входит глубже и глубже в тело Славы. Испытывая лишь небольшое сопротивление, коса почти полностью погружалась в плоть. Михаила охватил экстаз, он двумя руками взял косу и бил, как игла швейной машинки, уже обмякшее тело Славы до тех пор, пока лезвие не лопнуло.

Он услышал стон. Одной рукой, отодвинув за волосы голову Славы в сторону, он увидел в сумерках какое-то удивленное, как будто еще полное восторга, лицо Екатерины. Она была жива.

Кто-то включил свет. Михаил резко обернулся. В дверях комнаты стоял Борис, сбоку из-за косяка выглядывал Виктор. Лица их были испуганными. Михаил уронил обломок косы. Екатерина громко застонала. Не оглядываясь на нее, Михаил сказал: «Ей нужна помощь, помогите мне подвинуть Славу». Борис молчал, лицо его постепенно становилось все более спокойным.

Тем временем Екатерина сама смогла частично выбраться из-под тела. Она сидела, опершись спиной о стену, на ее ногах лежал Слава. Она держалась руками за живот, ее обнаженная грудь была в крови. Похоже, она задыхалась, из уголка рта показалась красная струйка. С огромным трудом она произнесла:

– Прекратите же это.

Михаил обернулся и суетливо пробормотал:

– Не переживай, дорогая, сейчас я тебе помогу.

– Пошел вон, убийца, – тихо и без интонации сказала Катя.

– Ах ты, сучка, алкашай тебе деревенских подавай, или вон эти тебе больше нравятся?

Виктор, засади-ка ей сзади, глядишь, и от тебя забеременеет.

Катя перестала стонать, лишь с ненавистью смотрела на Михаила. Тот посмотрел на Бориса и стал шарить рукой по кровати в поисках обломка косы. Борис расстегнул куртку и достал мачете.

Михаил как-то сразу обмяк. Он молча встал на колени и попытался положить голову на стоящий рядом с кроватью табурет лицом вниз. Корсет мешал согнуть шею, и он положил на стул всю верхнюю часть грудной клетки. Корсет полностью закрывал его затылок и часть головы, руки упирались в пол. Борис подошел к Михаилу. Катя испуганно смотрела на мачете, сжимаемое в правой руке Бориса. Он вопросительно посмотрел на Виктора, тот молча и очень плавно кивнул.

Борис нагнулся. Левой ладонью он приподнял за лоб голову Михаила, мачете просунул в образовавшийся зазор между корсетом и подбородком. После чего сделал сильное и резкое движение правой рукой вверх. Катя потеряла сознание. Окровавленное мачете сверкнуло при тусклом свете лампы. Послышался короткий хрип Михаила, голова отделилась от тела и тяжело стукнула о деревянный пол.

– Ну, что теперь? – спросил Виктор.

– Ничего, звони в полицию, – хладнокровно ответил Борис.

Он снял бездыханное тело Славы с Кати. Из ее живота торчали кишечки. Он попытался нашупать пульс на шее девушки и не нашел его.

– Ну ладно, я же очевидец. Я скажу, что ты защищался, и смогу подтвердить, что это была необходимая самооборона, – сказал Виктор.

Они вышли на улицу и сели на крыльцо. Помолчали. С забора вспорхнули три синицы. Виктор закурил.

– Может быть, тебе лучше куда-нибудь уехать? – спросил он.

– Да, есть мыслишки на этот счет. Давно надо было валить из этого гадюшника.

– Ты имеешь в виду нашу деревню?

Борис не ответил. Он молча смотрел вдаль.

В черном осеннем небе чуть подернутый дымкой висел белый диск ночного светила. Подул теплый ветер. По светлому фону луны пробегали редкие обрывки первьевых облаков, иногда становясь похожими на арабскую вязь.

Часть третья

Сделка

На улице стало холодать, по утрам на лужах появлялась ледяная корочка. Хотелось прикрыть уши от осенних ветров и замотать шею теплым шарфом. Мы встретились с владельцем монет, как и договаривались, утром вторника во дворе. Он разложил на капоте своего автомобиля альбом с кармашками, в которых разместились монеты, имеющие когда-то свободное хождение.

– Может, в машину сядем? – спросил я, поеживаясь.

– Не-а, мне тут лучше, – ответил, переворачивая страницы, паренек.

– Ну что мы стоим в проходе? Тут машины мимо катаются, неудобно же.

– Мне здесь комфортнее, чем в машине, – настаивал мелкий нумизмат, – выбирай монеты, я принес только старые советские, как ты и просил. Говори, каких и сколько тебе надо, за неделю я их соберу и смогу тебе передать. А у тебя как раз будет время, чтобы придумать, чем рассчитываться будешь.

– Я думал, что ты просто цену назовешь.

– Ты же видишь, деньги у меня есть, причем любые, какие хочешь, и старые, и новые. Выбирай, что тебе нравится, потом о цене будем разговаривать.

Я полистал альбом, мне приглянулись монеты номиналом в один рубль, которые были такого же размера, как и с головой Ленина: денежки с Гагариным и олимпийские монеты восьмидесятых годов двадцатого века. Зачем-то я заказал каждого по две штуки. Всего вышло восемь монеток.

– Договорились! Через неделю заказ будет выполнен. Теперь что ты мне можешь предложить? – нагловатый паренек тоже начинал ежиться от холода, как и я.

– Ну, не знаю… Что бы ты хотел?

– Холодно, блин! Шапка мне нужна, обычная вязаная. Принесешь одну – получишь монетку.

– Но мне же надо восемь рубликов?

– Хорошо, я принесу тебе восемь кружочков, а ты мне одну шапку. Но учти, за тобой будет должок, и тебе придется попотеть, чтобы вернуть его.

– Ладно, потом я тебе могу носки купить.

– Носки у меня уже есть, а шапки пока нет. Все, мне ехать надо. Встречаемся через неделю.

Паренек закрыл альбом, сел в машину и уехал.

Вечером я пришел с работы, Лена кормила из соски оптимизированных котят, ей было не до меня. Поужинав в одиночестве, я достал одну кошачью лапку и пошел к Соварогу. С наступлением холодов сова распушилась и стала грозной и красивой птицей с мощной головой. Она уже с трудом протискивалась в сливное отверстие на балконе. Я вытащил ее из коробки и выпустил полетать. На улице было темно. Соварог предпочитал парить выше уровня городского освещения, и я его видел, только когда он пролетал близко или снижался в светлую зону под фонарями, дабы рассмотреть что-то на земле. Иногда он достаточно резко и бесшумно пикировал вниз, но, не долетая до земли метра три, опять поднимался в темноту. На какое-то время он надолго пропал из зоны видимости, я уже забеспокоился, но птица вернулась, держа в клюве что-то синее и пушистое. Сначала я подумал, что он поймал какого-то зверька, может быть, котенка, но синих животных в нашем городе не встречалось. Соварог бросил добычу на пол балкона, я нагнулся: на полу лежала синяя вязаная

шапочка с помпоном. Усадив птицу в коробку, я угостил ее кошачьей лапкой. Вот и оплата за монетки появилась. Утренний собеседник не уточнял фасон и цвет головного убора, пусть тогда ходит в этой девчачьей шапочонке.

– Молодец, Соварог – кормилец! – я потрепал птицу по макушке.

Пришлось принести еще одну лапку и выдать питомцу в качестве благодарности, Соварог довольно ворчал.

Разговоры

С нетерпением я и Денис ожидали Валеру, уж больно интересно было узнать, как про-двигаются его наблюдения за прекрасными незнакомками, которые шарахаются по гаражам с дворником. Я начал разговор:

– Бред какой-то! Валера никогда не отличался умом, а тут вдруг туннели и полости какие-то. Что ты об этом думаешь?

– Ты недооцениваешь его способности, он всегда говорит вещи, которые окружающие считают глупостями, потому что живут в определенных рамках. А у него свое видение, он и сам привык к тому, что все его считают не совсем умным, и не особо противится этому, – пояснил свою позицию Денис.

– То есть все время, сколько мы его знаем, он смотрел на мир другими глазами и сообщал нам свои наблюдения? – я с удивлением глянул на Дениса и открыл бутылку пива.

– Не заморачивайся. Нормальный, веселый пацан. Есть какая-то оригинальность, но все люди разные. Это я просто предполагал на счет «своего видения». По-моему, он отморозил очередную глупость, а каких-то сумасшедших девок зацепило, да и не шуточно, – наслаждаясь вкусом пива, произнес Денис.

Дверь на чердак открылась, и зашел Валера. Он был в темных очках и сразу пошел к холодильнику, взял бутылку, открыл ее и молча начал пить.

– Что стряслось, Валер? – с ухмылкой спросил Денис.

– Вот что, – он снял очки.

Под обоими глазами были синяки, а правый был почти закрыт опухшим веком. Денис присвистнул.

– Похоже, что ты поставил камеру в гараж, и твой отец это обнаружил, – сказал я.

– Нет, до этого не дошло, ключи он теперь вообще никому не дает. Мы немного поспорили об основных вопросах бытия и принципах мироздания, – старательно выговаривая слова и вытирая пивную пену с губ, сказал Валера.

Казалось, что он смахивает рукой непонятные выражения, вылетающие из его вторичного рта.

– Не буду даже спрашивать о сути ваших разногласий, но по внешнему виду понятно, что ты проиграл в этом споре, – хихикнул Денис.

– Нет, почему же? Мы пришли к взаимопониманию, я уступил часть своих позиций, а с некоторыми моими доводами отец был согласен, – возразил Валерий.

– Конечно, вы все-таки родственники, – поддакнул я.

Валерий продолжал:

– Все из-за кишечнополоскающих – это так девушки свою организацию называют. Отец их кличет «мядузами» и «ансиньями», у них есть какое-то внутреннее разделение по убеждениям. Я хотел узнать, что ему еще эти девки наплели интересного. Оказывается, всю мою теорию они извратили на свой лад. Их, кроме собственной фигуры, похоже, ничего не интересует. Это просто диета такая – они через жопу питаются, чтобы лишние калории не усваивались. У них разные коктейли есть, которыми они пользуются для промывки.

– А отец твой им зачем? – спросил Денис.

– Они считают, что это он все придумал, и потому всецело доверяют ему. Он типа советы им дает и на верный путь наставляет. Хотя я понять не могу, какие советы он может давать, – пожал плечами Валера.

– Ладно. Подрались-то из-за чего? – спросил я.

– Я хотел ему объяснить, что все дело не в том, как питаться – раз уж ты родился таким, то потребляй пищу так, как организм приспособлен. Коль уж девки его слушаются,

то пусть скажет им, что главное – это не изменение организма, а возможность различить в окружающем мире трубу и каверну. А потом выбрать правильное поведение в том или ином случае.

– Ну ты шпаришь! – мы переглянулись с Денисом.

– Я почитал немного в интернете, поэтому терминологией стал получше владеть, – уверенно сказал Валерий.

– Ну и на чем вы с отцом порешили? – спросил Денис.

– Он со мной согласился почти по всем пунктам, но сказал, что чушь мою рассказывать девкам не будет. Он должен исполнять их просьбы, они там о чем-то договорились. Я так понял, что ему приплачивают, но за что – он не колется.

– Надо камеру в гараж, срочно! – сжав бутылку двумя руками, громко сказал Денис

– Не получится, он замок дополнительный повесил, а старый сменил. Ключи, как Карабас-Барабас, на шее носит. Есть у меня одна идеяка, но мне нужна будет ваша помощь. Я еще детали продумаю и докуплю кое-чего.

– Все, что пожелаешь! Я думаю, что там такое… Такое происходит. Выдумывай уже, как нам это увидеть, – произнес Денис.

– Только договариваемся сразу: в общий доступ не выкладывать. Мало ли что они там делают. Не забывайте, что он мой отец, – сказал Валера.

– Не дрейфь, все будет чики-пуки! – Денис повернулся ко мне. – Ты-то как? Ферму кошачью открыл?

– Ну нет, я в этом неучаствую. Жена там еще котят нарезала, сейчас ранки заживут, и она отдаст их первым клиентам, те обещали ей информационную поддержку и продвижение ее сумасшедших идей по всему миру.

– Почему сумасшедших, если это будет приносить доход?! Мне кажется, что в Азии товар пойдет на ура, – не унимался Денис.

– Я дам тебе ее контакты, можешь вступить в это ненормальное сообщество и снабжать их своими советами, – ответил я.

– А что, давай! Может, я заодно смогу помирить вас друг с другом. Попробую втереться к ней в доверие, а потом начну излагать о твоих страданиях без ее любви, ласки и понимания.

– Сами разберемся, – проворчал я и скинул Денису на телефон адрес сообщества оптимизированных кошек.

Неделя

Я забрал свою отремонтированную машину из сервиса и ездил на работу как обычно. С наглым пареньком мы увиделись только один раз в условленное время – во вторник. Он, как и обещал, принес мне монеты, но не все. Этот мелкий нумизматишко отдал мне четыре металлических кружочка, я же торжественно вручил ему шапку. К моему удивлению, он очень обрадовался и нацепил ее сразу себе на голову. По-моему, шапка была детская, паренек стал выглядеть в ней еще моложе, чем был. Синий помпон на макушке был чуть меньше его головы и выглядел очень смешно.

– Вот сразу стало тепло, следующие монетки через неделю получишь, раз ты такой молодец, – довольно сказал он.

– Как тебя зовут-то? Столько времени общаемся и все не познакомились, – поинтересовался я.

– Меня зовут Комоква, я не местный, мы недавно с семьей сюда переехали. Если хочешь, то можешь звать меня Комок или Ком, как удобно.

– Очень приятно. Максим, можно тоже сократить – Макс.

– Ну и прекрасно, Макс, – он протянул руку, – сработаемся. С тебя еще одна шапка.

– Зачем тебе еще одна, две будешь носить?

– Надо. Я же не спрашиваю, зачем тебе монетки, – Комоква прищурился. – Если будешь лишние вопросы задавать, то потребую не одну, а две шапки. Я и так тебе в честь знакомства скидку сделал.

Мы попрощались, сели каждый в свою машину и разъехались. По дороге на работу я думал, что теперь, когда мы знаем друг друга, и у нас есть общие дела, я уже не испытываю потребности в преследовании этого паренька. Видимо, меня толкало за ним непонятное чувство долга, какая-то сила, мерой в один старый рубль. Но теперь появилось ощущение нереальности происходящего, мне казалось, что обмен происходит не по-настоящему, какой-то игрушечный. Хотя нарушить наши устные договоренности я не мог и, пожалуй, признавал ведущую роль Комоквы в этих сделках.

У новых котят сняли бинты. Домой к нам стали приходить какие-то люди, они разглядывали несчастных животных и фотографировали их. Я в эти моменты уходил в свою мастерскую или к сове на балкон. Было понятно, что дела у Лены идут в гору, у нее появились деньжата, она прикупила себе новых шмоток и кучу косметики. Похоже, что появились спонсоры, которые начали вкладываться в новую идею. Мне, так как я видел всю подноготную отвратительной оптимизации, эта кухня внушала отвращение. Единственный положительный момент – наличие свежих кошачьих лапок и хвостиков для моего Соварога.

Вечерами я выгуливал питомца, выпуская его в темное небо с нашего балкона. Мы с ним научились перемигиваться. Я подмигивал ему одним глазом, а он мне двумя. Было видно, что птица радуется, когда я подхожу к ней, она ритмично начинала покачивать головой и, казалось, улыбалась.

Мне нравилось смотреть, как Соварог летал, но особенно был приятен момент, когда он возвращался на балкон, вцеплялся в перила и складывал крылья. Он сидел и ждал, когда я сниму его и посажу в коробку. Ее теперь я всегда держал открытой, чтобы птица не чувствовала себя взаперти, а могла пройтись по балкону и размяться. Днем окно, в которое мы гуляли, я на всякий случай держал закрытым, хотя большую часть дня Соварог дремал и активизировался только с заходом солнца.

В четверг во времяочных летаний Соварог принес мне еще одну шапку, на этот раз тоже с помпушкой, но белую. За это он получил двойную порцию кошачьих лапок, которые, как я понял, ему нравились гораздо больше куриных голов.

Наконец-то я доделал биологический справочник. Так как всю классификацию тварей я провел по своему усмотрению, не сильно заморачиваясь, то пришлось постараться и сделать яркую, живую оболочку. Была надежда, что красота спасет меня от разоблачения. Я включил анимацию, которая при сочетании с броскими цветами интерфейса и всплывающими окнами, должна была произвести неизгладимое впечатление на заказчика.

Так и произошло! Во время демонстрации работы приложения представители клиента игрались с мультимедийными возможностями как дети. Они не обращали никакого внимания на смысловое наполнение базы и выдаваемые результаты поиска. Я подумал, что если включить туда единорогов и кентавров, то никто и не подумал бы, что это мифические персонажи. Представляю, как со временем начнут появляться диссертации на темы: «Рацион и сезонные миграции горгулий» или «Роль гельминтов в отдельных популяциях минотавров».

Беседы

В очередную пятницу Валерка припер с собой пакет с проводами и раскрыл нам свой план. Один из нас должен будет стоять на стреме и предупреждать о появлении любых желающих зайти за гаражи людей. Другой должен будет подсаживать Валерку, чтобы он протащил по кривой вентиляционной трубе, торчащей сзади бокса, камеру с микрофоном, закрепленную на специальной протяжке. После того как мероприятие в гараже закончится, он вытащит обратно свое устройство. Оставлять там камеру нельзя, если ее обнаружит отец, то скандал неминуем. Валерий позвонит нам, когда за отцом придут девушки, и он начнет собираться на улицу. Встречаются они по средам, а иногда по четвергам, предугадать точное время было трудно.

Я и Денис были не против такого расклада. Мы, как в давние годы, вновь строили планы: опять какие-то гениальные задумки и дежурство на шухере. Проснулся былой азарт. Главное, чтобы не пришлось удирать или драться, как в детстве. В остальном план нас устраивал, мы же ничего не воруем, просто смотрим.

Все открыли бутылки с пивом, началась привычная пятничная беседа.

– Слушай, Макс, я записался в друзья к твоей супруге, – сказал Денис. – Она очень современная и продвинутая девушка. Все свои эксперименты с кошками она очень хорошо обосновывает и говорит, что это мало чем отличается от того, что делают с собой люди: удаляют ребра, стригут ногти.

– Но стрижка ногтей не влияет на возможность двигаться, и это не больно. Ты стрижеными руками можешь держать и вилку, и молоток. Но с ребрами, пожалуй, соглашусь. Хотя это осознанный выбор, тебя же никто не заставляет этим заниматься, а здесь: хлоп, и проснулся без лап – зашибись.

– В любом случае это что-то новое, оригинальное и продиктовано веянием времени. Она у тебя молодец, – настаивал Денис.

– Эка тебя зацепило, – покачал я головой.

– Переписываясь, ради шутки я поинтересовался у нее, не хочет ли она себе что-нибудь оптимизировать. Так оказалось, что накачанный пресс – ее давняя мечта. Она с завистью смотрит на девушек с кубиками на животе. А как узнала, что я в фитнес-клубе работаю, так сразу сделала меня лучшим другом. В общем, я пригласил ее с супругом – с тобой, блин – в наш клуб. Так что никуда теперь не денешься, будешь с женой в спортзале общаться. Купоны я ей на почту скинул, – обрадовал меня Денис.

– Я пас, мне есть чем заняться вечерами, – никакого желания ходить с Леной в спортзал у меня не было.

– Занятие всегда придумать можно, но такое, чтобы оно тебе пользу приносило – это редко, – вставил Валера.

– Я сову выгуливаю, ту самую, которую спас от жены.

– Водишь ее на поводке по улице? – булькая пивом, спросил Валера.

– У нас совместный поводок, я с ней вожусь весь вечер до сна, она сама ко мне возвращается, как привязанная. Даже шапки приносит.

– Какие шапки?

– Не знаю, вязанные с помпошками.

– Как, говоришь, сову зовут? – прищурился Денис.

– Соварог, – я пожал плечами.

– Это тот же Сварог – бог огня древних славян. Пока ты ему в жертву котят приносишь, он просто шапки собирает, развлекается. Смотри, поосторожней, как бы он тебе вместе с шапкой голову чью-нибудь не притащил, это я тебя как дипломированный историк

предупреждаю, — Дениска сделал большой глоток пива, — доиграетесь, приведет языческий бог тебя на капище в качестве жертвы. Отдай сову в зоопарк и займись лучше своим телом.

— В смысле? Лапки отрезать себе, что ли? — недобро огрызнулся я.

— У тебя есть лапки? Хотя... Кое-что подрезать, наверное, можно, — тон Дениса сделался грубым.

Валере никогда не нравилось, когда люди ссорятся, он не умел останавливать конфликты, просто уходил.

— Пойду я, пожалуй. Не понимаю, о чем вы тут разговариваете. Главное, что мы договорились: как только я вам звоню в четверг или в среду, вы сразу приезжаете, и мы протягиваем камеру в трубу. Хорошо? — Валера поднялся и направился к двери.

— Да, Валер, договорились. Мне тоже пора, — я покидал мусор в пакет и пошел вслед за ним.

Разошлись мы в этот раз на какой-то напряженной ноте и с нехорошим осадком на душе.

Насыщенные будни

Я отдал очередную шапку Комокве. Удивительно было то, что он радовался как ребёнок, подпрыгивал и смеялся. Он опять был с непокрытой головой, несмотря на замерзшие лужи и уже кое-где задержавшийся редкий снежок.

– Вот это да, здорово-то как! Где ты их берешь? Сейчас такие шапки не купишь! Принеси еще что-нибудь такое же. Сможешь?

– Легко, только ты мне монетки еще какие-нибудь подгони, пожалуйста.

Я не понимал, какая ценность может быть в этих вязаных шапках для него. Мне они казались пустыми ненужными вещами, которых к тому же было везде с избытком: и в магазинах, и на людях, бегающих в это время года по улицам города.

– Хочешь, я тебе буду современные деньги давать? – он достал из кармана горсть монет и начал пересыпать их из одной руки в другую. – Сколько? Опять восемь? На, выбирай самые блестящие.

Я присмотрелся, в протянутой мне маленькой ладони лежали вперемешку, как будто только что отчеканенные евро и рубли. Мелькнула мысль выбрать из кучки все монетки по два евро, но по сравнению со старой советской чеканкой они выглядели несолидно.

– Нет, мне нужны те старые, которые вышли из обращения. Подгони!

– Сколько угодно и какие угодно! За такие шапочки мне ничего не жалко, – он хитро улыбнулся, – но, смотри, мне может понравиться...

Он не уточнил, что имел в виду, я перебил его:

– Ловлю на слове! В следующий вторник я принесу тебе шапку и фотографию монеты, которая мне нужна. Идет?

– Идет! Только может статься, что сразу такой монетки у меня не окажется, тогда с тебя будет две шапки.

– Без проблем. Я тебе шапки – ты мне монетки!

На этом мы с ним расстались до следующей недели, теперь у нас были сугубо деловые отношения.

Справочник мой приняли и денежки за работу перечислили. В принципе, я мог бы уволиться и жить полгода без проблем на этот гонорар. Но тем и была хороша моя работа, что вокруг терлись какие-то левые заказчики, и можно было перехватить у них не особо сложную шабашку. А так, на работе всегда был гарантированный, хоть и не большой, заработок. Поэтому я и ходил туда каждый день, да и статус безработного мне не нужен.

За ужином Лена, подкармливая очередных оптимизированных кошек, сообщила, что у нее есть два абонемента в фитнес-клуб, и как порядочная жена она предлагает мне посещать это заведение вместе с ней. Почему-то чувствовалось, что она не совсем искренна. Я отказался от ее предложения, к тому же я знал, откуда она взяла эти абонементы и в какой клуб собирается ходить. Сейчас мне стало неприятно от перспективы встречать Дениса еще и в будние дни. Она с облегчением сказала, что пригласит свою подругу, чтобы билеты не пропадали. Мне было все равно.

Я взял в холодильнике две свежие лапки, выбрал рыженький хвостик и пошел к Сварогу, у нас начиналось время охоты.

Действительно, сова радовалась моему появлению, по крайней мере, звуки она издавала восторженные. Я посадил ее на перила, показал лакомство и тихонечко подтолкнул ее.

– Неси-неси шапку, неси-неси шапку! – бормотал я ей вслед веселое заклинание.

Я приобрел мощный фонарик и пытался следить за летящей фигурой. Когда Сварог вырывался из луча, его практически невозможно было поймать вновь. Только если он пока-

зывался ниже линии фонарей, то его можно было зацепить и пытаться вновь вести в луче света. Мы уже привыкли с птицей, что люди внизу никогда не поднимают головы и не смотрят вверх. Мы могли летать, как хотели, светить фонариком и выписывать фигуры высшего пилотажа. Что говорить о ночном времени, если даже днем люди не утруждают себя взглянуть на небо, а ведь там может быть много интересного!

Сварог возвратился без добычи. Видимо, придется начинать дрессировку, оставаться без шапок мне теперь нельзя. Я показал ему кошатину и многозначительно сказал: «Нет шапки – нет мяса». Посадил его в коробку и ушел с балкона.

Совершив вечерний туалет, я улегся спать в своей крошечной лаборатории, спальня жены превратилась в склад оптимизированных котят в разной стадии готовности. Сон не шел, мне было жаль птицу, все-таки она осталась голодная, надо было дать хотя бы курицу. Я вылез из-под одеяла, сходил на кухню за мясом и вернулся к сове.

– Ну, давай, еще разок попробуем, – я опять продемонстрировал лакомство и столкнул сову с балкона.

Буквально через три минуты прямо напротив окна Сварог красиво снял серую кепку с парня. Я впервые увидел, как он это делает. Крылатый хищник шел в свете уличных фонарей по траектории самолета, заходящего на посадку. Он стремительно несся навстречу пешеходу. Перед головой жертвы птица притормозила, вытянув крылья вперед, из-под опустившегося вниз брюшка появились когтистые лапы, которые вцепились в кепку. И уже с добычей, не стесняясь шумно махать крыльями, сова поднялась за пределы фонарного освещения. Несмотря на то, что хлопанье крыльев и свист рассекаемого воздуха слышен был даже мне, прохожий, после того как лишился головного убора, даже ни разу не посмотрел вверх, видимо, он не смел предположить, что нападение произошло с воздуха. Он схватился рукой за голову, пригнулся и на полусогнутых ногах, судорожно оглядываясь по сторонам, пустился наутек.

Сварог принес кепку в когтях. Шапки с помпонами, он приносил в клюве, наверное, где-то садился и пытался их поклевать. Я похвалил птицу и накормил ее.

Сова была прилежной ученицей, на следующий день мы сняли с кого-то белый вязанный «гондон», он источал аромат женских духов. К внутренней поверхности крупной шерстяной вязки прилипли несколько длинных темных волос – не иначе как нам удалось обнести какую-то модную брюнетку. Наш поставщик монет уже должен быть доволен – товар получен.

В четверг в шестнадцать часов позвонил Валерка. Он сообщил, что пришли девки, они ждут на улице, а отец собирается и гремит ключами на шее. Надо было срочно ехать на дело. Мы договорились встретиться в соседнем дворе, где в школьные годы стояла хоккейная коробка, а сейчас была автостоянка. Там мы забрали из багажника Валеркиной машины мешок с проводами и быстрым шагом направились к боксам. Меня оставили стоять на стреме с торца длинного ряда гаражей. Денис – тот еще здоровяк, как более спортивный товарищ, он должен был держать на своих плечах Валеру, пока тот занимается доставкой камеры к объекту наблюдений. Я, открытый всем ветрам, стоял на пригорке и сообщал Денису по телефону о перемещениях в зоне видимости. Он держал разведчика и одновременно разговаривал со мной, его ответы были однословными, звуки у него получались сдавленными, видимо, от напряжения. Никаких эксцессов не произошло. Через сорок минут мы покинули свои позиции, договорившись все посмотреть и обсудить в пятницу. Валерий обещал за это время обработать видео. Он выглядел озадаченным, а Денис – злым. Хорошенько промерзнув, мы разъехались по домам.

Покровы сорваны

Никому не понравилось лазить в четверг за гаражами, похоже, что мы безвозвратно повзросли. Всего лет двенадцать назад пацаны с восторгом обсуждали бы это бестолковое приключение и делились впечатлениями со всеми, кому не довелось с нами поучаствовать в этой авантюре. Сейчас такой потребности почему-то не было. Денис шмыгал носом, наверное, простудился.

Валера притащил свою волшебную флешку, мы с нетерпением ждали, когда загрузится древний компьютер. Все-таки я недавно вернулся в коллектив и не знал, откуда здесь эта техника. Я спросил у парней о происхождении компа. Денис сказал, что кто-то принес его, чтобы не выбрасывать устаревшую модель, но Валера предложил альтернативный вариант, ему казалось, что именно этот блок пацаны сперли из офиса, который был в соседнем подвале. Ребятишки те уже сгинули, а комп остался. Мы с Денисом не могли оспорить его версию.

Наконец, файл запустился. Картинка была расположена под углом сорок пять градусов к горизонту, и периодически этот угол плавал, причем иногда рывками. Зато звук был отличный, даже когда изображение конкретно смазывалось, все было великолепно слышно.

Валеркин отец снял свою грязную уличную одежду, под которой был не особо свежий свитер, поверх него он надел чистый черный фартук. В гараже работал электрический обогреватель, иначе было бы невозможно провести тот ритуал, который мы смогли заснять на видео. Самое начало процедуры нам не удалось зацепить, на мониторе отображались только стоящие полукругом кресла с высокими стойками по бокам, на них полулежащие девушки помещали икры своих высоко задранных ног. Камера показывала действие с выпуклой стороны полукруга, и ни одного лица девушек мы не видели, все они располагались затылками к нам, был виден лес задранных голых ног в одних только носочках и разгуливавший среди них дворник в фартуке. Девушки не лежали спокойно, они помахивали ногами, крутили ступнями, шевелили пальчиками в носках, некоторые то раздвигали, то сжимали бедра. Поначалу стоял гул от того, что девчонки щебетали между собой, но непонятно было, что они там говорят, так как рот открывали все разом. Вдруг шум резко стих, Валеркин отец, наконец-то, справился с завязками на фартуке и начал тихонько мурлыкать себе под нос какую-то знакомую мелодию. Он фальшивил, понять, что он там выводит, было тяжело. Дворник довольно лыбился и заливал из пластиковых бутылей вязкую жидкость в большую воронку, из дна которой висели, как борода, перепутанные шланги. На каждом из них был вмонтирован краник с биркой. Наверное, каждый отвод был подписан и имел свою хозяйку. Заканчивались трубки узким пластмассовым наконечником с закругленным концом. Сама воронка была прикреплена к высокому штативу на колесиках, который отец вывез в центр полукруга.

— Лежит на почках тяжкий груз, — завывал Валеркин отец. Девушки, пытаясь попасть в такт, врашали ступнями в разноцветных носочках.

Какое-то время он распутывал шланги, не переставая выводить свою песню. Потом достал банку с маслянистой жидкостью. Он макал в нее обычную малярную кисть, после чего мазал ею где-то между задранных ног своих поклонниц. Некоторые из них восторженно повизгивали при этом. На видео не было видно, что конкретно дворник им умаливает. Обойдя всех, напевая шансон и торжественно помахивая кисточкой, с которой в разные стороны разлетались сверкающие капли, он замолчал, надел очки и начал громко зачитывать имена, написанные на бирках. Девушки по одной отзывались, а отец протягивал к ним трубки и приоткрывал кранники. Раз речь шла об анальном питании, то мы догадались, куда подается жидкость. Девчонки начали тихонечко перешептываться, некоторые из них дер-

жали в руках смартфоны и снимали на видео Валеркиного отца, а может быть, просто переписывались в чатах. Он громко завыл очередную песню, что-то про воров и несчастную любовь. Слышино было только его мычание, чувствовалось, что он взволнован и вдохновлен своей ролью. Теперь шланги расходились полукругом от воронки, как спицы колеса, а отец занимался регулированием краников по сигналам своих адептов. Девушки начали поднимать по очереди руки с возгласами: «Ой, я наелась», «Отец, убавь мне порцию». После того как перекрывалась подача раствора, он аккуратно вытягивал шланги из попок и полоскал наконечники в другой баночке, видимо, чтобы очистить и продезинфицировать их для следующего использования. Как только он убрал последнюю трубку и откатил штатив в угол гаража, девушки опять начали свою болтовню.

– Все-таки мы, как актинии, питаемся неподвижно, сейчас полезные вещества всосутся организмом, мы опорожнимся и пойдем заниматься своими делами, а медузы – они же, когда переваривают еду, продолжают двигаться.

– Но ты же можешь не все выпустить прямо сейчас, я, например, кое-что оставляю, так что мне есть до завтрашнего обеда не захочется. Глупо переводить продукт, просто полоща им кишечник.

– А ты видела актинию? Это же анус с лепестками! Я думаю, что нам пора обзаводиться символикой. На моем флаге точно будет такой цветок!

– Отец, сегодня ты мало вина добавил, нет ощущения просветления. Сытость есть, а просветления нет.

– Отец, я выпускаю.

Валеркин отец ходил с большим синим ведром от девушки к девушке и подставлял его под кресло. Слышались звуки, типичные для общественного туалета – наевшиеся поклонницы анального питания освобождали кишечник. Обойдя весь полукруг, отец отставил пластиковую емкость в сторону. Он достал салфетки и молча прошел еще раз вдоль своих клиенток, видимо, подтирая остатки еды, вокруг первичного рта. После этого девчонки начали вставать с кресел и натягивать на себя трусики, колготки и джинсы, которые были свалены на верстаке в углу. Одна из участниц достала бумажник и выдала отцу несколько купюр. Она сказала: «Этот раствор уже можно вылить, мы нашли новые препараты, сами изготовим и принесем в следующий раз. Спасибо за церемонию, Отец! Вы были великолепны, впрочем, как всегда». Она пожала ему руку и, открыв засов на двери гаража, вышла на улицу. За ней потянулись все остальные, они поочередно благодарили хозяина и жали ему руку.

– По-моему, это секта, а девки просто сумасшедшие. Ставь себе клизму дома. Нет, надо обязательно хороводы водить и песни петь, – сказал я.

– Слушай, они, мне кажется, сами снимали свою трапезу, надо поискать в интернете, что они там выкладывают. Потролить их потом хорошенъко можно, – предложил Денис.

– Не надо. Посмотреть, пообщаться можно, но издеваться не надо. Во-первых, там мой отец; во-вторых, у них есть какая-то идея, надо наладить с ними диалог и понять, чего они добиваются. Это же были мои безобидные комментарии, а вот оно как все повернулось, – Валерка был задумчив.

Денис смотрел на меня и хотел что-то сказать, но не мог решиться. Сделав большой глоток пива, он все-таки выдавил из себя:

– Кстати, Максим, мы встретились с твоей женой в клубе, она у тебя классная, продвинутая, не знаю, что ты такой надутый на нее постоянно ходишь. Она очень увлеклась тренировками.

– Лучше уж тренировками, чем котятами, – ответил я.

– Одно из другого вытекает. Она оптимизирует животных, но не забывает улучшить и свою фигуру. Я уже говорил тебе, что у нее есть страстное желание накачать кубики на животе.

– Ну и?

– Я помогаю ей приблизиться к исполнению мечты и морально поддерживаю ее с идеей по открытию фермы. А то она жалуется, что без поддержки со стороны мужа ей тяжело одной этим заниматься. Нет, говорит, понимания никакого.

– Хочешь, так поддерживай, я не буду вмешиваться.

– Что-то вы постоянно, как на взводе, – сказал Валерка, – давайте я Володьку все-таки притащу на наши посиделки, надо как-то разбавить ваши постоянные стычки.

– Вот только тихих озабоченных придурков нам тут не хватало, – сказал Денис.

– Позови его, Валер, пожалуйста, может, он и странный, зато не агрессивный, а сейчас поздно уже. Домой пора.

Зима

Комоква с удовольствием забирал шапки, он мерил каждую, и все они подходили ему, только неуловимо меняли образ. В детской шапке он был как ребенок, в кепке – начинал походить на малолетнего гопника, а в вязаных «гондонах» становился настоящим подонком. Он стал выдавать меньше монет, не то чтобы жадничал – набивал цену. Мы, как обычно, встретились во дворе дома, недалеко от моего подъезда.

– Тебе не кажется, что обмен пошел не равнозначный. Шапки я поставляю исправно, а монетки ты задерживаешь. Так дело не пойдет, – сказал я.

– Ты знаешь, что такое инфляция? Сейчас этих шапок на улице завались, я и сам могу пойти снять с кого-нибудь парочку. Если хочешь дальше получать монеты в том же количестве, то ты должен дать что-то большее.

– В смысле? Мы же договорились, что я даю тебе одну-две шапки в неделю, а ты мне – до восьми монет, в зависимости от наличия и ценности.

– Я не говорил, что это окончательные условия. Ты будешь приносить мне шапки столько времени, сколько я попрошу, а я давать тебе монетки могу по своему усмотрению, если захочу, то урежу паек. Только учти, что долг твой от этого не уменьшится.

– Это еще почему?

– По праву сильного, ну ладно, по праву первого. Я же сначала дал тебе монету, и ты теперь должен. Только я смогу сообщить тебе: закрыл ты свой долг или нет.

– Извини, братан, но это называется не по праву первого, а по праву хитрого. Не умничай, вот шапка, гони монету.

– Шапку беру, монета в следующий раз. Если не согласен, то тебе придется вернуть все, но уже не мне...

– А кому? Ты, блин, пугаешь, что ли?

– Нет, не пугаю. Ты сможешь отдать что-то и не чувствовать долг только в том случае, если вернешь имущество тому, кому оно принадлежит по настоящему.

– Ты мне давал монеты, значит они твои. Я могу тебе все отдать, и мы прекратим наши отношения.

– А кто подтвердит, что они мои? Только тот истинный хозяин, за кем все люди признают это право. Вот ты захочешь мне вернуть монетку, а я подойду вон к той девочке, он махнул рукой в сторону детской площадки, и спрошу: «Чья монетка?» Она же не скажет, что эта железяка принадлежит Комокве, и никто так не может сказать. Кому вообще принадлежат деньги? – он сделал такое хитрое лицо, что стало противно.

– На деньгах четко написано, что они принадлежат государству, – ответил я уверенно.

– А если государства, которое выпустило эти кругляшки, уже нет? Что тогда? – и сам ответил. – Это значит, что вернуть те старые рубли по-настоящему, чтобы не чувствовать обязанности, у тебя не получится! Ты можешь их выкинуть, расплавить, но всегда тебя будет терзать тяжелое чувство долга, и ты постоянно, до самой смерти, будешь пытаться расплакаться не со мной, так с кем-то другим. Сейчас ты мне носишь шапки и когда даешь их мне, то чувствуешь кратковременное облегчение, которое быстро улетучивается. Ты опять начинаешь искать повод встретиться и что-нибудь вручить мне. Я есть твоя отдушина в этом мире, где все должны друг другу. Только я даю тебе ощущение иллюзорного освобождения от бремени обязательств жене, друзьям, коллегам, домашним животным, да всем! Ты понял меня?

С каждым его словом я все глубже втягивал голову в плечи, он как бы гипнотизировал меня, возразить ему было нечего. Хотелось лишь отвязаться от навязчивого коротышки и больше не встречать его никогда.

— Ты, я смотрю, не так прост, как мне показалось. Давай сделаем так: я даю тебе эту шапку, а ты отстанешь от меня навсегда. Мне больше от тебя ничего не нужно. Идет?

— Допустим, что я соглашусь, но долг твой никуда от этого не денется, ты сам начнешь приносить мне шапки или то, что я у тебя попрошу.

— Да пошел ты! — я развернулся и направился к своему подъезду.

— Эй, шапку забыл отдать.

Я не оборачиваясь кинул головной убор за спину.

— Ой, какие мы гордые, — ехидно процедил Комоква мне вслед. — А я вот не побрезгую, подберу шапочку. Ну, до скорого, дружок.

Несмотря на то, что шапки я больше не собирался поставлять Комокве, охота за ними сделалась моим увлечением. Это было очень азартно, казалось, что мы исполняем какой-то обряд.

Я выходил на балкон и закрывал за собой дверь, чтобы мне никто не мешал. В шкафчике над совиным гнездом я устроил себе мини-бар, там находились парочка бутылочек бренди, одна бутылка джина и сырная нарезка, также лежали свежие фрукты: яблоки, виноград, лимончик. Я купил бинокль и наблюдал за полетами Сварога. А еще мы с ним вместе высматривали жертву: сова слушалась меня и летела в том направлении, куда я ее направлял с балкона. Внимательно разглядывая в бинокльочных пешеходов, которые двигались в освещенном фонарями пространстве улиц, я выбирал цель. Если шапка на человечке мне нравилась, я доставал кошачью лапку, показывал ее Сварогу и со словами: «Взять, Сварог!» — выкидывал птицу с балкона в ту сторону, где намечалась желаемая добыча. Я завел свистульку, изображающую совиное улюлюканье, и когда Сварог надолго пропадал из поля зрения, я дул в нее, издавая потешные звуки, птица быстро возвращалась. Если питомец прилетал ни с чем, то я высматривал новую жертву и повторял процедуру, так и не угостив сову лакомством. Если она приносила не то, что мне хотелось, я все-таки кормил ее, но без особых эмоций и похвал. Когда же птице удавалось добить именно то, что мне приглянулось — она получала две лапки. Я крепко обнимал ее руками и целовал в клювик, Сварог же обнимал мою голову крыльями и прижался головой к моей макушке.

К концу очередной недели у меня было три новых шапки, возникло острое желание встретиться с Комоквой. Не столько хотелось получить новые красивые и блестящие монеты, сколько отдать ему добычу. Прямо руки чесались самому нацепить эти шапки ему на голову. Я боролся с собой, от этой внутренней напряженности возникло чувство тревоги и убежденность в том, что я недоделал какую-то большую важную работу. Из-за новогодних праздников мы пару недель не встречались с пацанами. За это время я соскучился по общению, очень хотелось поделиться с друзьями своими мыслями, обсудить ситуацию, на худой конец, излить душу.

После большого перерыва

На долгожданной встрече я рассказал товарищам о своих проблемах. Для того и нужны друзья, чтобы поддержать советом или хотя бы не дать окончательно упасть духом. Мне явно требовалась поддержка.

– Ты попал в странный цикл: лапки-шапки-монетки, – предположил Валера, – это получается такая жизненная кишка, тоннель, понимаешь, только замкнутый. Страшное дело: выход замыкается на вход. Я не знаю, как его можно нейтрализовать, простым исключением какого-либо звена ты его не разорвешь.

Денис молча потягивал пивко и был задумчив, вся громада его тела выражала напряженную работу мысли. Я обратился к нему:

– Что думает накаченный историк?

Он пристально посмотрел мне в глаза.

– Думаю, что ты идиот! – он ухмыльнулся. – Это я так, для сведения.

Он большим глотком допил бутылку и поставил ее на стол.

– Ты знаешь, что изучает история? – спросил он.

– Полагаю, что процесс развития общества. Не так? – спросил я.

– История пытается дать ответ на вопрос: почему произошло то или иное событие, почему ход вещей пошел именно таким образом, а не иначе. Правитель какого-нибудь государства принял решение и ввел войска на сопредельную территорию. А почему он это сделал? Был ли у него выбор, или все было предрешено какими-то силами? Это не описательная дисциплина, она пытается найти эти самые силы, которые действуют на общество и людей. Представь гирю, подвешенную на нитке. Ну же! У тебя техническое образование, нарисуй ее, – Денис пристально смотрел на меня.

– Не понимаю, к чему ты клонишь. Гирями у нас ты занимаешься, – ответил я.

– Ты можешь пририсовать к этому грузу стрелочки – те силы, которые действуют на нее. Одна вверх, другая вниз. Какая стрелочка будет больше, туда и понесет гирю. Если сила тяжести окажется больше силы натяжения, то нитка порвется, и мы летим вниз; если все уравновешено, то зависаем на месте. Разберись с теми силами, которые действуют на твою персону. Что вывело тебя из равновесия, в котором ты находился до этих событий? Рисуй стрелочки.

– Похоже, что когда я менял шапки на рубли, то был в состоянии покоя, а сейчас какой-то вектор исчез. Я чувствую бесцельность своих действий. На самом деле, как если в лифте, трогающемся вниз, подпрыгнуть, то будет ощущение невесомости. Так и я: прыгаю вверх, а нитка уже порвалась, пол лифта уехал, даже упасть некуда.

Неожиданно в дверь постучали. По старой привычке мы старались держать дверь закрытой. Когда по молодости нас накрывали в нашем логове, то мы затихали и сидели пришипившись, пока звуки в подъезде не стихнут, или расходились через крышу и другие выходы с чердака в соседние подъезды.

Сейчас мы ощущали себя состоявшимися взрослыми мужчинами и ничего противозаконного на чердаке мы не делали. Чего нам бояться? Денис подошел ко входу и открыл дверь. К нам, осторожно оглядываясь, зашел наш районный участковый, оказывается, он занимает эту должность до сих пор. За прошедшее время он заметно изменился, но не постарел, а стал как-то солидней, заматерел, что ли. Я присмотрелся – звездочек на погонах у него было столько же, сколько и лет двадцать назад, только вот отлиты они были, похоже, из чистого золота. Не иначе как подарок благодарных жителей района. Если раньше он с остервенением гонял нас по крышам гаражей и подвалам, то сейчас был совершенно спокоен. С этого чердака он выдворял нашу компанию столько раз, что всех случаев и не упомнишь. Участковый

снял форменную фуражку с кокардой, было видно, что волос у него за прошедшее время поубавилось. Глаза его, как всегда, были сосредоточенны.

– Все те же лица. Сколько лет прошло, а вас никак не унять, все бы вам по помойкам да чердакам лазить. Будем писать протокол.

Он говорил быстро, но взвешивал каждое слово. Стоя рядом с Денисом, он выглядел комично, без головного убора он был по грудь историку.

– Расслабься, начальник, – Денис положил руку ему на плечо, прямо на золотые звезды.

Участковый нервно дернулся, до него дошло, что пацаны выросли, а огромный Денис может легко поднять его одной рукой и спустить с лестницы, если захочет, конечно. Мы с Валеркой встали со своих мест. Наш старый знакомый попятился к выходу.

– Не бойся, дядь Петя, это я – Валера, сын дяди Яши. Заходи пивка попьем.

Участковый облегченно выдохнул.

– А, Валер, это ты. Ладно, тогда я пойду, только ведите себя туттише. Пока никто не жалуется, но я-то знаю, на что вы способны. Вижу, свет на знакомом чердаке горит, решил проверить. Все, я ухожу сам, пусты.

Оказывается, Денис забыл убрать руку с плеча участкового, и тот решил, что его кто-то держит. Когда дверь за ним закрылась, все вздохнули с облегчением.

Тревога

Беспокойство не отступало, я уже хотел не просто отдать шапки, а желал, чтобы их у меня попросили. Начал всматриваться в лица прохожих, выискивая страждущих или замерзших людей. Видимо, Комоква был прав: иррациональное чувство долга готово было выплеснуться на любого человека. Я пытался задавить в себе эти непонятные желания и от этого шугался всяких звуков и неосторожных мыслей. Даже пришла идея, сходить к какой-нибудь гадалке и снять порчу, но пока к крайним мерам я решил не обращаться.

Вечером в понедельник Лена пришла с тренировки злая как собака. Она чем-то долго гремела на кухне, потом ушла в ванную. Через какое-то время я услышал, как она протопала в спальню. Супруга все меньше сюсюкалась со своими пушистыми комочками. Мне казалось, что она перестала ими восторгаться, это был просто ее бизнес. Ей самой уже были безразличны их мордашки и ужимки, главное – чтобы товар понравился покупателю. Что и говорить, одной из первых проданных кошек была многострадальная Пушкинка.

Неожиданно супруга позвала меня в спальню, причем так задушевно:

– Максимушка, подойди, пожалуйста.

Я уже собирался на охоту за шапками. Пришлось отложить свои дела. В надежде, что жена не отнимет у меня много времени, я пошел на зов. Лена сидела на кровати в пеньюаре, обхватив руками свои колени, и рассматривала пальцы на ногах. Они были безупречно ухожены, похоже, что она только закончила делать педикюр, ровненькие ноготки были покрашены синим фосфоресцирующим лаком.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – спросила она.

– Все замечательно, о чем нам говорить, – я развел руками.

– Я про ноги, смотри.

– Ноги как ноги, они у тебя всегда были красивыми, гладенькими, другие девушки должны тебе завидовать.

– Я про пальцы, смотри, ничего не видишь?

– Классный педикюр! Я могу идти?

– Стой, подойди ближе.

Она взяла чулок и натянула его на одну ногу, потом резко выпрямила ее, почти ткнув мне в лицо.

– Видишь, из-за кривого пальца у меня под чулком оказывается бесформенное уродство.

– В смысле? – я отодвинул ногу от лица в сторону.

Благодаря этому движению, я впервые за несколько месяцев смог лицезреть Ленину промежность, манда была ухожена, выбрита, лоснилась какими-то дорогими увлажняителями, а из клитора торчало колечко с драгоценным камушком. Еще не так давно пирсинга там не было. Интересно, для кого она старается?

Лена продолжала:

– Должна быть правильная геометрическая фигура, смотри, со стороны большого пальца у меня все ровно, линия по ногтям тоже почти правильная, а мизинец оказался кривой, я пыталась его подтянуть, от этого там с боку только мозоль появилась, я хочу его убрать.

– Хочешь – убирай, – я развернулся и пошел к двери.

– Максим, ты же мой муж. Кроме тебя мне не к кому больше обратиться за помощью, – Лена сделала жалобное лицико.

– Чем я могу тебе помочь? Меня ждут свои дела.

– Максим, отрежь мне мизинец на ноге, ну пожалуйста.

– Ты сдурела, что ли, на старости лет?

– Вот обезболивающее, – она протянула мне ампулу и шприц, – надо просто обколоть у основания, у тебя же есть кусачки. Сделай, пожалуйста. Кого мне еще попросить? Хочешь, на колени встану?

– Не надо на колени. Ты сразу на обеих ногах хочешь это сделать?

– Нет, сначала на одной, но я боюсь. Я знаю, у тебя есть что-то выпить, налей мне сразу стакан. Посмотрим, как получится на левой ноге, вдруг будет некрасиво.

Я подумал, что, на самом деле, если не я – кто этим будет заниматься? Не хватало еще, чтобы Денис моей жене пальцы отрезал. Я принес бутылку хорошего бренди и два бокальчика, наполнил оба и пошел искать кусачки.

Мне удалось найти хорошие, почти новые бокорезы, я пощелкал ими, они были буквально созданы для того, чтобы отрезать мизинцы дурам. Когда я вернулся в спальню, Лена уже выпила свой стаканчик, мне пришлось наполнить его еще раз.

– Пошли в ванную, кровь, наверное, брызгать будет. Раз ты пилотку там бреешь, то и палец там же уберем, – я пощелкал кусачками перед носом жены.

Лена ничего не сказала, молча встала и пошла, прихватив стаканчик с бренди. Она поставила ногу на край ванны. Я сломал капсулу, наполнил шприц жидкостью. Лена смотрела в потолок и прихлебывала из стаканчика бренди. Я сделал несколько уколов вокруг основания несчастного мизинчика, она пока еще могла управлять им, пальчик подрагивал, или мне так казалось. Когда Лена сообщила, что она не чувствует мизинца, я раскрыл бокорезы и постарался захватить ими палец поглубже. Я пытался еще прикинуть, как будет выглядеть геометрия ступни без него. Наконец, выбрав оптимальный вариант, я двумя руками сжал кусачки. Лена перестала шевелиться и затаила дыхание. Послышался легкий хруст. Я разжал инструмент, крови было не очень много, палец оставался на месте, он стал набухать прямо на глазах. Лена, вся белая, смотрела в потолок, закусив губу, и не двигалась.

– Подожди, еще не все, – я отложил кусачки и пошел на кухню за ножом.

Похоже, что я перерубил кость и смял все сухожилия с мышцами, но палец продолжал висеть на поврежденной коже. Аккуратно ножом я рассек кожу и перерезал другие лохмотья, тянувшиеся за отделяемым пальчиком, причем я старался, чтобы все было красиво. Может, во мне умер пластический хирург? Все, Ленин мизинец был у меня в одной руке, нож – в другой. Кровь из ноги уже хлестала не шуточно. Я достал из шкафчика женские прокладки и приложил к ране. Супруга держалась молодцом, несмотря на побелевшее лицо и слабость, она помогла мне закрепить прокладки на ноге. На всякий случай мы наложили жгут в районе щиколотки, чтобы предотвратить кровопотерю. Я помог ей дохроматить до кровати. Там стоял мой стакан с бренди, она жадно его выпила и, так и не проронив ни слова, легла на кровать и свернулась калачиком. Впервые за долгое время я испытывал к ней теплые, почти отцовские чувства и уважение за ее стойкость и силу. Я сидел рядом с засыпающей женой и нежно гладил ей руку. Когда она засопела с легким похрапыванием, я пошел в ванную и смыл там всю кровь. Подобрав Ленин мизинец, я отправился на охоту.

Сегодня мы поймали одну хорошую шапку, а Сварог получил изысканное лакомство. Он с огромным удовольствием проглотил пальчик с красивым педикюром.

С утра Лена хромала, но легко передвигалась по квартире. Жгут я убрал еще ночью после охоты, ранка уже не кровоточила. Мы вместе позавтракали, и я уехал на работу. Вечером супруга уже пошла в спортзал, а я продолжил свое увлечение. Пока я попивал спиртные напитки, сова принесла еще одну шапку. Как все-таки здорово наблюдать в бинокль, когда она срывает головной убор у очередной жертвы!

Я давно не видел сны, а тут приснилось такое, что я проснулся в холодном поту. Видимо, наслаждение последних событий сказывалось на моем сознании.

Я стоял на огромной ветке гигантской сосны, мне были видны редкий лес вокруг этого дерева и далекие поля, золотящиеся колосьями. Рядом со мной стоял витязь, богатырь с гордым, почти каменным лицом, но очень грустными глазами. У него не было одной руки, из-под кольчуги торчал обрубок кости без кожи. Он сказал: «Зачем ты это сделал? Теперь нам придется расстаться». По далеким полям стали скакать бездымные языки пламени. Я возразил: «Если богу дать жертву, то он станет сильней. Ты теперь обретешь власть и сможешь защитить меня». Пламя подбиралось к лесу вокруг сосны. Богатырь, глядя в пустоту сказал: «После того как казнили труса, одна женщина накормила печенью покойника своего мужа, из-за этого его забрали к себе черти. Ты дал мне мертвичину». Витязь из-под кольчуги достал единственной рукой телефон и протянул мне: «Тебя вызывают», – сказал он. На небе появилось кровавое облако. Я не смог взять телефон, но слышал голос Валеркиного отца, он кричал из трубки: «Зла немерено, бегите отсюда, птица отравлена». Витязь кинул трубку в огонь, который уже полыхал по всему лесу внизу под нами. «Вот и все, теперь я не бог, сейчас они правят бал», – он показал на кровавое облако. Я в панике спросил его: «Мы можем что-то исправить?» Витязь чуть подогнулся и прыгнул с ветки в бушующее под сосной пламя, у него оказались совиные ноги в перьях, но вместо когтистых пальцев были кривенькие женские мизинчики с разноцветными ногтями. Ветка подо мной треснула, я услышал далекий голос богатыря: «Нить порвалась, изменяйтесь». На меня стали падать сверху горящие сучки, а треснувшая ветвь изогнулась так, что я соскользнул с нее и полетел в огонь. Дух перехватило от внезапно возникшей невесомости в теле. Стало страшно, огонь снизу стремительно приближался. В ушах стоял отзвук брошенных витязем слов, и я стал меняться, я начал махать руками, как крыльями, в надежде взлететь. Но конечности постоянно встречали препятствия и больно стукались о пылающие ветви...

От ужаса и боли я проснулся. Оказывается, я со всей дури долбанул рукой о стеллаж, стоящий рядом с кушеткой в мастерской. Минут пять приходил в себя, потом сходил и проверил птицу на балконе. Сварог был на месте.

Новости

Очередная пятница на чердаке начиналась тоскливо. Я был занят своими мыслями, а Денис почему-то нервничал. Видимо, чтобы разрядить ситуацию и как-то повеселить нас, Валера рассказывал о своих успехах.

– Отец с актиниями переехал из гаража, теперь они снимают дворец культуры. Вы не представляете, сколько их, из других городов даже приезжают, чтобы принять причастие от моего папаши.

– А в гараже что теперь? – спросил я.

– Там сейчас редко обряды проводятся. Это как бы музей – место, где состоялся первый обряд. Пока все артефакты в кучу свалены, руки не доходят разобраться. Отцу не до этого, девки ему не оставляют свободного времени: то интервью, то проповедь, – Валерка вздохнул.

– Так он что, типа местной достопримечательности, что ли? – спросил Денис.

– Вроде того. Они записывают его изречения, а потом пытаются растолковать, что он имел в виду. Считается, что после того как он промоет анус, снисходит особая благодать.

– Дожили, – вздохнул Ден.

Валерка продолжал:

– Я помогал с переездом, познакомился с некоторыми девчонками. Они такие классные: добрые, отзывчивые, всегда готовы прийти на помощь. А уж красотки какие, на любой вкус: блондинки, брюнетки, рыжие, просто атас!

– Ты им хоть сказал, что это твоя теория, что ты все выдумал? – спросил я.

– Нет, а зачем? Все равно у них папаня в авторитете. Там серьезная структура выстраивается, не буду же я ее ломать. Меня они называют: «Сын нашего Отца». Мне кажется, что это почетная должность. На мессы они меня пока не допускают, так по мелочи просят подсобить, но платят за услуги нормально.

– А за чей счет банкет? Позвольте спросить, – ехидно подковырнул Денис.

– За счет добровольных пожертвований. По-моему, создан международный фонд, что-то типа «свободные актинии». Но меня это не касается, я же сын живой иконы.

– Да, неисповедимы пути. Кто бы мог подумать? – сказал Денис задумчиво, видно было, что размышляет он о чем-то другом.

– Что пригорюнился? – спросил я его.

– Ты знаешь, что твоя жена к операции готовится, – он как будто ждал этого вопроса и набросился на меня.

Вспомнилось отрезание мизинца, я подумал, что она хочет удалить себе второй.

– Ничего удивительного, оптимизирует себе чего-нибудь, хотя странно, что она мне ничего не сказала, – я пожал плечами.

– Это опасная процедура. Она будет первой, кому хотят это сделать. Мы когда договаривались со спонсорами об открытии фермы для котят, то пообещали открыть экспериментальный кабинет для людей. Все бумаги почти подписаны, но нам нужно сначала показать какой-то результат. Сейчас мы будем имплантировать ей кубики в живот.

– Хорошо, что лапки удалять не будете.

– Не смешно. Она рассказала, как ты отрезал ей мизинец. Пришлось делать повторную операцию и убирать осколки костей, после чего закрывать все косметическим швом. Второй мизинец мы тоже убрали. Сейчас твоя жена готовится к тому, что под кожу ей будут внедрять имплантаты мышц пресса. Мы сняли с одной из наших чемпионок слепок живота и выполнили его копию из достаточно твердого, но пластичного силикона. Хирург сделает Лене небольшой разрез между большими и малыми половыми губами и введет свернутый

в трубочку имплантат. После того как мы откачаем всю жировую ткань между мышцами и кожей ее живота, вставка расправится и встанет на место.

– Ты так говоришь, как будто ты это придумал, – я был поражен, мир на самом деле менялся на глазах.

– Да, я участвовал в разработках. В перспективе мы будем делать имплантаты бицепсов, икр, мышц груди и широчайших спинных мышц для мужчин. Если все получится, то это будут большие деньги и мировое признание. Не надо будет ходить в спортзал, тратить время. Вставил имитацию – и ты красавчик!

– Попробовал бы сначала на себе, прежде чем Лену под нож пускать, – мне не нравились эти идеи.

– Ты не понимаешь! Она – легенда. Весь интернет знает ее котят, а теперь она будет первым человеком с декоративными мышцами. О проекте сразу узнает весь мир.

Меня все это стало ненужно раздражать. С одной стороны у меня живая икона, с другой – живая легенда, а я не знаю, что делать со своими монетами и шапками, причем эта проблема полностью занимает мой мозг. Я захотел уйти, поднялся и направился к двери. Не обворачиваясь, я сказал:

– Самое удивительное не то, что вы этим занимаетесь, а то, что решилиставить имплант через пизду, а не через жопу, как принято нынче в нашем городе. Я смогу еще хоть раз увидеть Лену перед операцией?

Я услышал вслед от Дениса:

– Да, она обещала быть сегодня у тебя дома.

Похищение

Снимая обувь в прихожей, я слышал, как Лена возится на кухне. Прямо на пороге я крикнул ей:

– Привет, давай обойдемся без соплей. Денис рассказал мне про твою предстоящую операцию. Ты не думаешь, что это может быть опасно?

Она вышла в прихожую и оперлась плечом о косяк двери.

– Опасно жить, а пытаться выделиться из серой массы и быть в чем-то первой – ни капельки не опасно, – нравоучительно проговорила она.

– Выделяться надо не глупостью, а значащими делами. Если имплантат не приживется, то ты или погибнешь, или тебе изуродуют весь живот.

– А сколько ракет угробил Маск, пока его проект не стал успешным?

– Да, но он не рисковал собой, даже деньги тратил левые. Это все пустые слова, если ты сама решила распоряжаться своей жизнью, то значит, что мы стали чужими друг другу. Хорошо, пусть так и будет. У тебя своя дорога, у меня – своя.

– Печально, хотелось, чтобы ты меня поддержал. Было бы круто: первая женщина с искусственными кубиками на животе и ее радостный муж. Представляешь фото! И твое интервью типа: я всегда мечтал о такой женщине, мы почти расстались, но эта операция сделала наш брак счастливым. Пойми – я первая!

– Никогда не хотел быть мужем Юрия Гагарина, к тому же мне отвратительны накачанные женщины. Кубики должны быть изо льда и плавать в стакане!

Я прошел мимо Лены из прихожей в свою мастерскую, пора было начинать охоту.

Высмогрев в ста метрах от нашего дома замечательный помпон, я подтолкнул Сварога в ту сторону. Птица привычно полетела за добычей, я следил за ней в бинокль. Сердце замирало в ожидании броска за шапкой. Неожиданно прямо под нашими окнами послышалось совиное уханье, кто-то шумно побежал в ту сторону, куда отправилась сова. Я перенаправил бинокль и быстро поймал в окуляр бегущего человека. Я узнал его – это был Комоква, на нем была серая шапка на завязочках, отороченная натуральным мехом. Под его подбородком на шее шнурки были туго связаны, он бежал, петляя от фонаря к фонарю. Иногда он прикладывал ко рту трубочку, которая издавала звуки, которыми общаются совы. Я тоже начал дуть в свою свистульку, но безуспешно. Комоква добился своего, Сварог сделал свой классический выпад из темного пространства над фонарями. Притормаживая крыльями, он спикировал на шапку Комоквы и вцепился в нее когтями, но так как головной убор был привязан к голове, то взмыть вверх с добычей у совы не получилось. Хитрец обеими руками вцепился в лапы птицы и снял ее со своей макушки. Сварог бил крыльями и пронзительно пищал. Я видел, как похититель бьет моего питомца кулаком. Откуда-то в руках бандита появился большой мешок для мусора, он запихал туда пойманную сову. Потом мелкий вор поиском глазами мой балкон, прищурился, увидел меня с биноклем в руках и, нагло улыбаясь, помахал рукой.

Я быстро оделся и выскочил на улицу, долгое время я бегал по дворам и закоулкам, иногда дуя в гуделку, пытаясь приманить птицу. Все безрезультатно! Дома я напился и решил, что надо поймать Комокву и начистить его наглую морду. При размышлениях о том, что он может сделать со Сварогом, мне становилось жутко, и я отгонял от себя мрачные мысли.

Всю неделю я пытался подкараулить наглеца во дворе, но не мог его поймать. Я опять хотел догнать машину, выезжающую со двора, даже если это был не его автомобиль. Я был готов на любую сделку, мог бы завалить грабителя шапками или вернул бы ему все монеты. Но он не шел на контакт, видимо, задумал меня окончательно вымотать. Я потерял сон – все

ночи ворочался, соображая, как мне вернуть птицу. Ну, поймаю я Комокву, а как я заставлю его вернуть Сварога, ведь у меня его монеты. Вот раньше, когда пацанов было много, проще дела решались, все были горой друг за друга.

В пятницу утром я увидел издалека его машину. На этот раз это точно был он. Комоква через открытое окно водительской двери следил за тем, как я бегу к нему по двору, понятно было, что бросься я к своему авто – он сразу смоется. Издалека я кричал ему:

– Что тебе надо? Я отдаю тебе все монеты, только верни птицу!

Он крикнул в ответ:

– Про монеты я говорил, ты не сможешь мне их спихнуть, они не мои. Но именно за них ты мне будешь отдавать все самое дорогое. В итоге сам приползешь на коленях и станешь моей собственностью, – он отвратительно и злобно захихикал.

Его машина начала отъезжать. Я понял, что не догоню ее.

– Что с птицей? – крикнул я вслед удаляющемуся автомобилю.

– Подождем, пока сдохнет! – послышалось через квакающее хихиканье.

Вновь на чердаке

В растрепанных чувствах я пришел на пятничную встречу и сразу сообщил друзьям, что мне нужна помощь. Я изложил историю с похищением совы и угрозами в мой адрес. Денис покрутил пальцем у виска, зато Валера сказал, что замкнутая кишкa, в которую я попал, продолжает меня переваривать, и если не промыть ситуацию, то для меня все плохо кончится.

– Ну и что теперь делать? Хрен с ней с этой кишкой, мне Сварога надо вернуть, – взмолился я.

– Это просто дикая лесная птица, не стоит так убиваться. Зачем она тебе? – равнодушно пытался успокоить меня Денис.

– Это как моя собака, я не могу оставить ее в руках злодея. Если я спас ее один раз и приручил, то я просто обязан ее спасти еще раз. Я уверен, что она сейчас страдает, Комоква не будет кормить Сварога, он его погубит! – я смотрел то на Дениса, то на Валеру, они отводили глаза.

Я уже не знал, как их расшевелить.

– Мы же раньше были силой, могли ночью у какого-нибудь вредного козла снять колеса с машины в отместку за то, что он нас обматерил или обрызгал грязью из лужи, когда проезжал мимо, – напомнил я старым друзьям о былых подвигах. – Это же ты, Валер, научил нас снимать колеса без домкрата. Просто подкладывать кирпичи и спускать колесо, расслабив золотник, пока откручиваешь гайки. Придумай и сейчас что-нибудь, пожалуйста.

– Ну, я попробую, но мне надо посоветоваться, – он сосредоточился и стал что-то быстро набирать на смартфоне.

Денис потягивал пиво и был индифферентен к происходящему. Валерка наконец ожидался и зачитал с экрана телефона только что пришедшее от кого-то сообщение:

– Надо найти вход в твой порочный круг и промыть его, если ситуационной кишке прервать привычную последовательность и накормить с выхода, то ты получишь птицу назад.

– Это откуда такая информация? – спросил Денис с иронией.

– Активии отзвались. Они все умные, у некоторых даже два высших образования, а есть те, кто пишет какие-то диссертации после отцовских ритуалов, – сказал Валера.

– У вас, вроде, еще медузы были? – продолжал Денис.

– Они откололись, стали лезть в политику и пытались внедрять своих людей в органы власти. Активии прогнали их, после чего учение медуз деградировало, потому что у них не было такого мощного Отца, – гордо заявил Валерий.

– А какая цель у вас сейчас? – спросил Денис.

– Мы пытаемся избегать разногласий с кем бы то ни было. Наше учение – это чистая эстетика и здоровый образ жизни. Чтобы изменить мир вокруг – поменяйся сначала сам! Это я вам их лозунги озвучиваю, но мне, честно говоря, все по барабану, – сказал Валерий.

– Давайте вернемся к моему вопросу, – напомнил я о себе. – Только постарайтесь помочь мне без извращений.

– Если хочешь получить птицу, то тебе придется довериться нам, – безапелляционно заявил Валерий.

– Уже нам? – спросил я грустно.

– Отец отвечает теперь за обрядовую часть, я туда не суюсь, да он разве позволит кому-то его любимые попки смазывать. Я теперь кроме хозяйственной части отвечаю за внешние коммуникации и перевожу отцовский мат на человеческий язык. Кстати, за последний месяц нам удалось спасти несколько девушек из сложных жизненных ситуаций.

– Но то девушек. Твой отец очко им промыл, и все проблемы у них рассосались.

– Нее, Макс, все не так. Мы промывали ситуацию, – сказал, растягивая слова, Валерий.
– ?

– Если хочешь, чтобы тебе помогли, то надо все рассказать девчонкам. Потом, когда они пройдут еженедельный обряд у отца, у них появится решение.

– Дурдом какой-то, но я уже и от помохи черта, наверное, не откажусь, – согласился я обреченно.

– С чертом ты сам связался, а теперь актинии будут тебя вытаскивать.

Мы договорились созвониться на следующей неделе, Валерий обещал мне организовать встречу с девицами.

Важные переговоры

Всех своих котят Лена куда-то вывезла из квартиры, видимо, ферма, в которую вложил столько труда и энтузиазма Денис, уже заработала. По крайней мере, из дома потихоньку улетучивался запах медикаментов и кошачьего ссанья. Я по-прежнему спал в мастерской и вечерами проводил время на балконе. Я тоскливо разглядывал в бинокль улицу и прохожих. Пришла весна, и все уже перестали носить шапки, я начал вглядываться в лица. Ничего интересного в них обнаружить не удалось. Несмотря на некоторые отличия в индивидуальных чертах, все люди имели одинаковое выражение глаз: отстраненное и одновременно имеющее оттенок какой-то целеустремленной злобы. Складывалось впечатление, что силы, которые ведут людей вперед, настолько мощные, что все остальные эмоции и побуждения не могут заставить их отвернуть свой взгляд от намеченного пути. Если нарисовать стрелочки, как учил Денис, то вектор этой тяги перекроет собой все человеческие простые желания. Наверное, у каждого пешехода был свой Комоква, к которому люди спешили навстречу, чтобы отдать что-то сокровенное.

Люди на земле мне быстро надоели, и я направил свой бинокль в светящиеся окна дома напротив. Это было своего рода открытие – небольшие спектакли в разных мониторах. Теперь несколько вечеров подряд я лицезрел увлекательные и не очень представления.

Вот бабушка что-то жует и смотрит в телевизор. На ее лице в темной комнате сверкают отблески рекламных роликов. Старушечья физиономия из синей превращается в красную, а потом в смертельно белую, никаких эмоций на лице нет, только челюсть слегка шевелиться, дожевывая ненужный язык.

В соседнем окне, за стеной у старушки молодая пара занимается любовью. Небритый молодой человек с полным равнодушием, не выпуская сигарету изо рта, плялит сзади свою подругу, ее лица не видно, голова с растрепанными волосами ритмично бьется об стену. Движения настолько монотонны и размашисты, что кажется, будто она уже давно разхерачила себе башку, а ее флегматичный друг продолжает толкать бесчувственную тушку, потому что кто-то забыл его выключить.

Чуть выше два мужичка распивают спиртное на кухне, один слушает, подперев голову и закрыв глаза, а второй очень эмоционально жестикулирует и объясняет, видимо, очень важные и интересные вещи своему спящему другу.

Двумя этажами ниже в плохо освещенной квартире что-то в форме человеческого тела свисает с потолка. Непонятно: это сушат одежду или кто-то повесился.

В другом окне-мониторе показывают красочное представление. При полной иллюминации муж бьет свою жену, та визжит и отбивается, это явно злит мужчину, не глядя, он пытается нащупать рукой, что бы такое взять, дабы пресечь сопротивления своей второй половинки. Вот он нащупал утюг, удар наотмашь по голове. Да, любовь – страшная сила.

Вот девочка-подросток делает уроки, сидит за столом, освещенным старой настольной лампой. Листает страницы большой книги, вчитывается, потом старательно записывает что-то в тетрадку. Молодец, учись на отлично, тебе еще предстоит выйти замуж, вырастить детей и дожить до старости.

Картинки меняются, окна загораются разноцветными огнями и гаснут, в них люди появляются и исчезают. Иногда они оставляют свет включенным. Через какое-то время в этих окнах бывают видны отчетливые тени, отсылающиеся от стен и подходящие к окнам. Они смотрят на улицу, на дома, стоящие напротив, разглядывают меня. Их контуры не всегда имеют четкие границы в пространстве, иногда это бесформенные сгустки тумана непонятного цвета, иногда – что-то похожее на тюленя с головой лося. Для них это тоже представление, кто-то выпускает их посмотреть на наш мир.

Ближе к полуночи все окна гаснут, и дом стоит огромной темной глыбой, разделенной внутри на ячейки, в которых лежат представители рода человеческого. Большой огромный склеп со сложной внутренней структурой, где каждый сам себя положил в свой саркофаг и умер. По-видимому, земле-матушке противно было держать в себе эту конструкцию, она отторгла могильник целиком и вытолкала его на свою поверхность. Теперь эта глыба нелепо топорщится вверх, она служит не только ночным кладбищем и сценой для смешных представлений днем, но и позволяет подземным существам иногда подняться над уровнем земной тверди, чтобы посмотреть на нас из окон, как из иллюминаторов подводной лодки смотрят на диковинных обитателей морского мира.

Валера по телефону сказал, что встречу с верховным советом актиний он устроит мне, как только я получу благословение его отца. Это было требованием девиц. Мне пришлось купить бутылку любимой дворником водки и ехать на переговоры к Валерке домой.

Внутренняя обстановка квартиры не соответствовала статусу «великого гуру». Обычная двухкомнатная сталинка на первом этаже, одна комната Валеркина, другая – его отца. Стальная обшарпанная мебель, протертые обои, какие-то замызганные шмотки на вешалке в прихожей. В комнате у главы семейства глыбился старый кубический телевизор с электронно-лучевой трубкой, а у Валерки было хоть что-то современное: стоял удобный компьютерный стол с огромным новейшим монитором. Отец заметно изменился с того момента, как я видел его последний раз, он был явно ухожен: борода была аккуратно расчесана, волосы на голове пушились и благоухали хорошим шампунем. Одет он был в старые треники, майку и тапочки. Никакого благоговения я к нему не испытывал, он был тем же самым Валеркиным отцом, которого я знал всегда.

– Давай проходи, шантрапа, – он протянул мне руку, я крепко пожал ее.

Расположились мы на маленькой кухне, где на столе нас ждали колбаса, хлеб, селедка и вареная картошка. Я поставил бутылку в центр между пустыми рюмками. Отец радостно крякнул, открыл литровку и разлил водку по стопкам. Мы чокнулись рюмками, выпили и закусили.

– Я чисто это... сам водку больше не покупаю, хоть деньгами мы с Валеркой сейчас подтираться можем. Это я чтоб не спиться на хер. Но когда угощают, то выпью с удовольствием, – сказал отец, закусывая хлебом. – Тем более с правильными пацанами.

– Разумная стратегия, – поддакнул я.

– Зачем они тебя ко мне прислали? Хочешь жопу промыть? – спросил он, разливая новую порцию водки, – я тебя по знакомству ща быстренько в ванной клизману.

– У него по жизни неприятности образовались, – вступил за меня Валерий на отцовском языке. – С ним жопа в натуре приключилась.

– Ну и хули он стремается? С кем не бывает? – отец поднял свою рюмку. – Вздрогнули!

Мы все вместе еще опрокинули в себя обжигающий гортань напиток.

– От меня-то какого рожна надо? Что я сделаю, если он сам на измене постоянно? – спросил уже захмелевший папаша.

– Актинии просят вашего одобрения. Можно мне использовать их помощь? – спросил я.

– Я тебя давно знаю. Пущай помогают, ты пацаненок надежный, столько лет уже с Валеркой лазишь, – он пытался ковырять вилкой нарезанную селедку, наконец, отложил вилку и взял кусок руками.

Мы выпили еще, наша беседа принимала все более неформальный характер. Через полчаса мы были уже изрядно пьяными.

– А можно вопрос, дядь Яш? – осмелел я.

– Валяй!

– Как вы пришли к этому необычному увлечению? Что оно вам дает? – выдал я неожиданно какие-то шаблонные фразы, как будто брал интервью.

– К этому, что ли? – он постучал пальцем о полупустую бутылку.

– Да нет, он про задницы, – объяснил Валера отцу.

Тот поднял на меня свои пьяные глаза и потянулся за водкой. Он начал разливать по рюмкам очередную порцию спиртного. Мы молча ждали его ответа.

– Ты сечешь? Эта ерунда затягивает. Я поначалу думал: эка невидал – жопа. А сейчас я хер кому сдам своих пущистиков. Не знаю, что они сами себе навыдумывали, но для меня это... – он задумался и посмотрел в рюмку, – высокое искусство!

Не чокаясь с нами, он один опрокинул в себя стопку водки, сморщился и чуть слышно, подняв многозначительно вверх указательный палец, добавил к сказанному:

– Величайшая загадка природы!

Теперь уже мы с Валеркой опрокинули по стопарю, тоже не чокаясь. Постепенно мы перешли к воспоминаниям и старым анекдотам, которые были богаты пошлыми подробностями. Мы смеялись и остирили, видимо, отец воспринял некоторые шутки в свой адрес, но не обиделся.

– Вы, пацаны, не думайте, что у нас там шашни и всякое такое. У нас чисто деловые отношения, я им нужен как исполнитель работ по заказу, а мне нравится то, что я делаю. Даже если ты бабе самое оно благовониями смазываешь, это не значит, что ты ей нужен. Тут важно подождать, не лезть сразу своей елдой куда не просят, – объяснял нам отец.

– Можно же позаигрывать, ущипнуть за мяконькое. Или надо подождать, пока телка сама инициативу проявит? – спросил у отца пьяный Валерка.

– Расскажу я вам одну историю про то, как лишняя приставучесть до добра не доводит. Валерка еще мелкий был, растил я его, можно сказать, один со своей старухой-матерью, – начал рассказ отец.

Так вот, встречался я с женщинами, многие за мной в те годы бегали, да и сам я был не дурак весело время провести. Получилось, что завел себе пса, подобрал его щенком здесь во дворе, выросла дворняга поджарая с длинной рыжей шерстью, зенки грустные, огромные, утонуть можно. Я его Славиком назвал. Так подруги именно на собаку эту и клевали: он им душу разбередит, растрогает своим жалобным взглядом, а я тут рядом с поводком стою. Ну и все, приятный вечер обеспечен.

Только со временем пес испортился, или какая-то дура его совратила, не знаю уже. Начал Слава под юбку всем бабам нос совать, никому прохода не дает, на улице догонит, сзади морду под юбку сунет и давай язык распускать. Если девка в штанах, так нос упрет в пах и давит что есть сил. Уж и бил я его и порол, не могу отучить от похабной привычки. Все мои женщины ходить ко мне перестали, а которые через двор шастали, маршруты свои поменяли. Ну что делать, не убивать же кобеля, как посмотрит своими глазищами, так сердце и сжимается. Отвез я его в деревню к старому корешу, тот как раз только откинулся. Ну, деревня – это громко сказано, так лачуг десять стоит, и то половина пустая. У них там только старики жили, ни одной женщины. Мы с корешем думали, что Слава без баб похабничать разучится, обычным псом станет, – отец замолк и уже не очень послушной рукой разлил очередной раз водку по рюмкам.

– Ну как, разучился? – спросил Валера.

– Я не знаю, кореш мой помер давно, спросить не у кого. А Славик-то, жив еще, наверняка, если не пристрелили. По-прежнему кур гоняет по деревне. Я к чему веду-то? Просто излишняя навязчивость до добра не доведет, потому я с моими девчонками никаких шашней не вожу. Конечно, есть среди них такие, что я с удовольствием бы провел обряд по расширенной программе, но держу себя в руках, все чинно, по протоколу, никаких заигрываний. Уяснили, пацанята?

Мы допили литровку, и я, получив благословление от дворника, отправился на такси домой.

Эта неделя тянулась непривычно долго, мне казалось, что это из-за моей тоски по Святогору. Наконец, в пятницу днем перед нашими чердачными посиделками Валера привел меня на встречу с верховными актиниями. Он организовал randevu в уютном ресторане в центре города. Я так понимал, что заведение принадлежит ордену любителей анального питания или кому-то из адептов.

Мы с Валеркой пришли первыми, через пять минут начали подтягиваться девушки. Все они выглядели по-разному, но что-то неуловимое объединяло их. Наверное, это была внутренняя уверенность в своей неотразимости. Они великолепно выглядели и заряжали своим оптимизмом. С нами встречались четыре девушки. Три актинии были высокие и очень стройные, но без болезненной худобы, четвертая была крепко сбитая и подвижная девушка небольшого роста. Плотно облегающая одежда подчеркивала выдающиеся женские прелести и плоские животы красавиц. В глазах у них ощущались неподдельный интерес и азарт, оказалось, что далеко не все могут пройти собеседование с Отцом. Он для них был «Отцом» с большой буквы, не как для нас с Валеркой, а я был типом с загадочными проблемами, но имеющим хорошие рекомендации от их главного гуру.

Мы познакомились и приветливо пожали друг другу руки. Я сообщил, что осведомлен об их учении через Валерия, но не понимаю, как можно мне помочь их методами в сложившейся ситуации. Девушки сообщили, что мои знания помогут сэкономить время и попросили сразу перейти к описанию проблемы от первого лица, кое-что в общих чертах им уже рассказал Валера.

Я посвятил актиний во все подробности моей жизни за прошедшие месяцы, исключая, правда, увлечения своей жены. Девушки внимательно слушали, а одна даже кое-что записывала.

Я понял, что их всех объединяет! Это была категоричная уверенность, что они могут все, их лица были воодушевлены, они внимательно меня разглядывали. Ни грамма иронии или недоверия в их глазах я не видел. Складывалось впечатление, что у них есть какой-то универсальный инструмент, который способен творить чудеса. Им нужно только понять, как его настроить, чтобы применить к моей ситуации.

– Значит, все началось с того, как ты взял рубль? – спросила блондинка с кудряшками.

– Да, но я не мог его не подобрать, он лежал на капоте моей машины. Что, я должен был смахнуть его на землю? – ответил я.

– А кончилось все тем, что Комоква увел сову? – уточнила брюнетка с аккуратной стрижкой.

– Да, он выслеживал ее и, похоже, знал, что мы охотимся, причем всю добычу я отдавал ему в обмен на монеты.

– То есть тебе ничего не оставалось? В материальном плане? – спросила грудастая девушка с каштановой шевелюрой.

– Да откуда оставалось? Если учесть, что я сову содержу, кормлю и пою, то выходит, что я нес одни убытки, – возмутился я. – А монеты его ничего не стоят, так – побрякушки.

– Ты говоришь, что видишь его каждый день по утрам? – спросила блондинка.

– А каких-то сложностей в общении с ним не было? Ну, может, он говорил, что ему какие-то вещи не нравятся, а что-то он любит? – вступила в разговор крепко сбитая, невысокая девушка с игривой челкой на лбу.

– Один раз он не захотел сесть в машину, сказал, что на открытом пространстве себя лучше чувствует, – ответил я.

– Ладно, кое-что теперь становится понятно, мы должны провести служение и поговорить с Отцом. Каким образом мы будем тебя выручать, сообщим через Валерия, – сказала блондинка.

– Может, это денег каких-то будет стоить? – поинтересовался я.

– У нас достаточно средств, наши адепты по всему миру собирают хорошие пожертвования. Промывку твоей ситуации мы будим фиксировать на видео. Это и будет единственной твоей платой за то, что мы разорвем кольцо твоей жизненной кишке, – продолжила блондинка.

Я вспомнил ее, она на первом ролике, принесенном Валеркой на чердак, разговаривала с отцом. Тогда она была в бейсболке и выглядела более упитанной.

– Надеюсь, что это будет приличное видео, – сказал я с чаянием в голосе.

– Не переживай, если все получится, то после его показа в сети мы привлечем новых участников, поддерживающих нашу идею. Кстати, сейчас не только девушки, но и многие парни, вовлекаются в наше общество. Не хочешь стать нашим прихожанином? – на полном серьезе спросила девушка с каштановыми волосами.

Я посмотрел на Валерку.

– Ты уже стал? Ну, то есть попробовал? – спросил я у него.

– Я? Нет еще. Я же по технической части. Иногда отцу во время службы помогаю немножко, – Валера зарделся как помидор.

– Сын нашего Отца – молодец! Без него нам было бы тяжело, особенно на первом этапе, – сказала с теплотой в голосе брюнетка. – Валеру ждет большое будущее.

– Ладно, пора расходиться. Не грусти, Максим, мы обязательно чего-нибудь придумаем, – дружески похлопала меня по плечу актриса с каштановой шевелюрой.

Мы с Валеркой поехали из ресторана сразу на заветный чердак, предварительно закупив пива.

Пятница

Денис задерживался, но нам и без него было что обсудить.

– Они вообще ничего не едят? Сегодня в ресторане ни крошки на столе не было. Могли бы нам хоть воды предложить, – я с вожделением открывал пивную бутылку.

– Религия не позволяет, – многозначительно сказал Валера.

– Постой, а они обычный рот как-нибудь используют или только говорят им?

– Да, горло полощут, зубы чистят. В случае сильной жажды, если нет поста, то можно попить обычную воду, – Валерка припал губами к пивному горлышку.

– Поста? – спросил я удивленно.

– Ну, я пока не все изучил, но слышал, что делать минет для них не возбраняется, только вот сглатывать запрещено, – сказал Валерка и заржал.

Я подхватил его веселое настроение, мы вдвоем от души веселились, потягивая пивко.

– А что будет, если кто-то в пылу страсти все-таки проглотит? – спросил я, продолжая смеяться.

– Исповедь на совете и усиленное промывание у Отца специальным прощающим раствором без добавки алкоголя, – пояснил Валера.

– Слушай, а должны же быть у них какие-то свои символы, знаки, ну там взмах руки или как-то сложенные пальцы? – я не отставал от друга, мне на самом деле было интересно.

– Торчащий прямой палец у них считается оскорблением, причем любой, типа намек на то, что его им сейчас вставляют. Если оттопыришь два сложенных пальца, то это будет верх пошлости, а если раздвинешь их, то можно и в глаз получить.

– На счет оскорблений понятно, у обычных людей та же символика. А знак, объединяющий их, есть? – спросил я, продолжая пить пиво и прикалываться.

Валерка посерезнел. Сжал два кулака, оттопырил полусогнутые мизинцы и соединил их, как звенья цепи.

– Вот! Видел? Больше никому не показывай, – он разжал кулаки.

Я вопросительно посмотрел на его сосредоточенное лицо и тоже перестал смеяться.

– А что это значит? – спросил я.

– Сожми кулак и посмотри на торец со стороны большого пальца. Видишь, сходящиеся в точку складки согнутого указательного? Сам догадаешься, на что похоже? – спросил Валера.

– Да, есть определенные ас... – я икнул, – ассоциации.

– Сцепленные мизинцы значат единение и взаимовыручку слабых. Только, пожалуйста, Максим, никому ни слова, – он приложил указательный палец к сжатым губам, вдруг отдернул его и вытер другой ладонью рот.

– За меня, Валер, не переживай. Я смотрю, ты так глубоко проникся своим учением, что даже вздрагиваешь.

– В том-то и дело, что *своим*, – он махнул рукой, – извратили основную мысль, а ведь уже ничего и не поделаешь.

Вдвоем все-таки было скучновато.

– Валер, ты обещал Володьку на пиво позвать. Не получилось?

– Посмотри в окно. Видишь, он на лавочке во дворе сидит. Присматривается. Совсем сложный стал. По-моему, он в кустах у пешеходного перехода дрочит постоянно. Я его встретил, поприветствовал, приходи, говорю, на чердак в пятницу. Он ничего не сказал, только теперь от светофора во двор переместился. Ну его, больной он.

Мы сидели в этот раз не очень долго. Денис так и не появился.

Часть четвертая

Вешний код

I

Владимир был видным стройным парнем с романтическим выражением глаз. Можно было подумать, что он немного странноват, но его взгляд на мир и манера общения были, скорее всего, слегка оригинальны. Его добродушную физиономию редко покидала милая улыбка. Нельзя сказать, что он скалился к месту и не к месту, просто опыт общения с людьми приучил его прятать за скромным и невинным выражением лица свою застенчивость.

Сам же он оценивал себя в зависимости от состояния души. Мог сказать себе: «Сегодня я не от мира сего». Или, когда было хорошее настроение, он воспринимал себя как абсолютно нормального, даже удачливого человека. Владимир с детства научился прислушиваться к своим ощущениям и подмечал порой парадоксы, которых другой человек ни за что не смог бы распознать в обыденной жизни. В юношестве он стал делиться своими наблюдениями со сверстниками, но в ответ часто получал не просто непонимание, а откровенные издевки, отчего сделался замкнутым, стал избегать любых компаний и, в конце концов, лишился всех друзей. Вдобавок он поклялся никому не рассказывать о своих наблюдениях и умозаключениях. Некоторые свои выводы об окружающем мире он достаточно хорошо проработал, и они стали его повседневными спутниками, оставаясь тайной для других людей.

Так, например, у него была привычка автоматически подсчитывать предметы или явления. Конечно, звезды на небе он не пытался сосчитать, да в городе и звезд, в общем-то, не видно, но посчитать столбы вдоль дороги, ступеньки на лестнице – было его излюбленным занятием. Многие полученные результаты он даже запоминал. Основным его открытием было то, что числа стремятся к объединению. Если в парке стоят три лавочки, значит, где-то рядом будут три дерева или три кошки перебегут дорогу. Если на полке в магазине осталось лежать пять сырков, то и касс будет работать тоже пять. Числа объединялись не только по месту, где были сосчитаны, но и по времени, то есть сегодня все считается до шести, завтра всего может быть по девять: девять человек едут в автобусе, девять окурков валяются в подъезде, на выставке дали девять визиток...

Такие подсчеты не мешали ему в жизни, даже наоборот. Владимир занимался продажами в крупной компании, причем вполне успешно. Системы вентиляции для дома и производства были востребованы на рынке, а их проектирование и продажи приносили доход, количество заказов росло. Умение быстро считать и хорошая память на числа помогали сориентироваться в прайсах, подобрать оборудование, а также оперативно дать нужную цену. Интеллигентный, улыбчивый, немного отстраненный и совершенно ненавязчивый менеджер вызывал доверие и притягивал покупателей.

Как обычно, пока все идет по привычной схеме и не предвещает скрытых изменений, то и стимулов к размышлению бывает мало. Однако аналитический ум Владимира трудился без устали и перерабатывал информацию, поступающую из окружающего мира. Природная наблюдательность преподнесла ему очередной жизненный сюрприз, он шаг за шагом совершил открытие еще одного феномена, который впоследствии изменил его жизнь.

II

В зависимости от настроения Владимир переходил дорогу на регулируемом пешеходном переходе по-разному. Мог, погрузившись в свои мысли и не замечая ничего вокруг, попытаться пойти на красный свет, но это было редко. Гораздо чаще, будучи в приподнятом состоянии духа, дожинаясь нужного сигнала светофора, он рассматривал людей на противоположной стороне дороги. Потом, когда все вместе шли друг к другу по пешеходному переходу, он бросал быстрый взгляд в глаза встречным людям. В ответ тоже обычно получал такой же ничего не значащий мимолетный взор.

Этот отрезок пути, длиной около двадцати метров, представлял собой нарисованную поперек автомобильной дороги «зебру», пересекающую широкую автомагистраль, по три полосы в каждом направлении без разделительного заграждения. Никакого перекрестка рядом не было, просто исторически сложилось так, что пешеходная дорожка, заросшая по бокам кустами сирени, подходила к берегам этой автомобильной реки с обеих сторон, вернее, это автодорога разрывала протоптанную тропу на две части. Власти города вынуждены были организовать здесь пешеходную переправу.

Каждое утро Владимир шел на остановку общественного транспорта, которая была по другую сторону дороги. Вечером же автобус высаживал его там, где находился его дом, и переходить куда-то необходимости уже не было.

Так как молодой человек вынужден был пользоваться пешеходным переходом в одно и то же время по утрам, то он начал примечать людей, которые пересекали дорогу вместе с ним. Узнавал он в основном тех, кто шел навстречу ему, другие же, идущие в попутном направлении, запоминались Владимиром плохо.

Конечно, как и положено мужчине, в первую очередь его взгляд выхватывал женщин, которые, как и он, переходили дорогу, спеша куда-то с утра пораньше. Одна постоянно очень торопилась, другая рассеянно смотрела по сторонам, третья была всегда небрежно одета и носила какую-то нелепую шапку. Такого, чтобы они все три переходили дорогу вместе с Владимиром в один день, практически не бывало, даже две из них почти никогда не пересекались во времени. Но хотя бы одна каждое утро шла по пешеходному переходу ему навстречу. Естественно, что их одежда менялась соответственно погоде и сезону.

Постепенно, раз за разом пересекая проезжую часть, Владимир стал чувствовать, что и они его тоже узнают, хотя никак не показывают этого внешне, максимум – могут бросить скользящий, ничего не выражаящий взгляд или легкую улыбку. Но узнавание ощущалось, как некий внутренний сигнал, что-то вроде: «Этот – свой, мы к нему уже привыкли».

Как только Владимир вступал с проезжей части на тротуар, его мысли сразу возвращались к прежним проблемам и заботам, которые были в голове до того, как он подошел к дороге. Он уже не мог, да и не пытался узнавать людей с проезжей части, даже встретить он их в десяти шагах от перехода.

Одна из частенько переходящих дорогу женщин особенно ему запомнилась, так как имела привычку одеваться броско. На ней всегда были либо ярко-желтая куртка, либо эффектная красная юбка, либо большая блестящая брошь. Видимо, многим женщинам свойственно привлекать к себе внимание именно таким образом, и ей тоже удалось обратить на себя взор молодого человека, так ее внешность отложилась в сознании Владимира наиболее четко. Вообще-то, он был ценителем женской красоты, но сторонился противоположного пола. Сказывались природная скромность и недостаток опыта общения с девушками.

Как-то раз он шел с работы и узнал эту «яркую» женщину вне пешеходного перехода. Она прошла ему навстречу по тротуару, и он не ощущил привычного сигнала по системе «свой-чужой», который всегда был на переходе по утрам.

– Интересно, – подумал Владимир, – она же меня, похоже, узнала. Может быть, я не ношу такой броской одежды, чтобы быть достойным сигнала? Но на «зебре» я четко ощущаю передачу ее флюидов. Значит, система оповещения работает только на переходе.

Молодой человек, приходя домой, пытался рисовать какие-то таблицы и анализировал, где и в каких условиях он ощущает что-то похожее.

– Судя по всему, если мы находимся в экстремальной ситуации, то вынуждены обменеваться этими психическими сигналами, оповещающими об отсутствии или наличии опасности, – размышлял Владимир.

Со временем примелькались и отложились в памяти менее запоминающиеся персонажи: женщины, мужчины, дети, которые шли ему навстречу в рамках пешеходного перехода. Постепенно он привык и к некоторым личностям, которые двигались с ним в одном направлении.

Редко бывало, когда улицу переходило одновременно более десяти лиц, обычно количество пешеходов было меньше. На переходе оказывалось три-пять человек с каждой стороны дороги. Каждый раз их состав перетасовывался случайным образом. В конечном итоге, сложился коллектив из шестидесяти-семидесяти персон, которые приблизительно в одно время, около половины восьмого утра, в разной комплектности, заполняли пешеходный переход. Хотя попадались посторонние личности, но людей из привычного пула было всегда значительно больше. Что-что, а с расчетами у Владимира все было в порядке.

Ему удалось классифицировать разные способы подхода к пешеходному переходу. Если горел зеленый свет, то подходящие люди торопились и разбегались метров за тридцать до конца тротуара и, уже не сбавляя темпа, пересекали дорогу заметно быстрее, чем те, кто ожидал, стоя у бордюра. Случайные персонажи обычно двигались еще стремительнее, чем постоянные члены пула регулярно переходящих товарищей, даже обгоняли тех, кто разогнался, чтобы успеть на разрешающий сигнал светофора.

Разница во времени, если Владимир опаздывал или выходил раньше, особо не ощущалась. На переходе были люди из того же состава, видимо, они в большинстве своем тоже не отличались пунктуальностью или имели такой же люфт во времени. Просто если выйти с разницей в десять минут, то на переходе окажутся другие персоны, имеющие принадлежность к тому же пулу узнаваемых им людей.

Если же Владимир отклонялся от своего графика более чем на двадцать минут, то он попадал в совсем другую атмосферу. Ни он, ни ему – никто не подавал привычного сигнала. Он становился на переходе чужаком, таким же, как те, кто случайно забрел в его стандартное время. Если он пытался по привычке перейти «зебру» в своем обычном ритме, то что-то заставляло его ускориться, и в этот момент ощущался дискомфорт. Он теперь стал понимать, почему чужаки, попадающие в «не свое» время, двигались быстрее, даже если по тротуару они шли вольготно и не торопясь. Ведь он тоже на своем привычном переходе чувствовал себя не в своей тарелке, похоже, что его подгоняло не отсутствие привычного сигнала «свой», а наличие излучаемого сигнала «чужой» от тех, кто монополизировал это время на переходе.

Практически никого из своего пешеходного сообщества Владимир не мог узнать в другой обстановке. Не мог вспомнить лицо, одежду, походку, кроме, может быть, человека пяти, и то, потому что они чем-то выделялись, либо наиболее часто совпадали с Владимиром во время перехода «зебры». Зато, находясь на проезжей части, он мог ощущать даже со спины, кто идет сзади – «свой» или нет, причем он не мог определить ни пол, ни скорость движения, никаких других признаков, кроме принадлежности к неформальному обществу «переходящих в полвосьмого».

Зафиксировав такой феномен, Владимир стал для себя называть участников своего пула цузамерами (от немецкого *zusammen* – сообща, вместе), а чужаков так и оставил чужаками. Общность цузамеров он назвал ортцайт (от *Ort* – место, *Zeit* – время).

Единственное, что ему не давало покоя, так это природа открытого им излучения. Он понимал, что это не запахи и не обмен взглядами. По собственным ощущениям, сигнал он принимал не головой, а кожей. Приятные покалывания проявлялись на участке от подмышек до таза, наиболее хорошо принимали флюиды ребра.

Он начал проводить эксперименты и пытался мысленно генерировать сигналы разными органами в адрес цузамеров из его ортцайта. Реакции не последовало, все было как обычно: он получал сигнал «свой» без эмоций и каких-либо особенностей. Загадочные сообщения излучались независимо от того, чем была занята голова. Можно было очень сосредоточено разговаривать по телефону или думать только о том, как добежать до туалета, но сигнал все равно излучался и принимался. Система распознавания «свой-чужой» работала без сбоев и не зависела от желания и состояния цузамера.

Владимир понял, что внутри каждого сидит механизм распознавания, похоже, что он развивался и эволюционировал отдельно от мозга и даже всего организма человека. Немного поискав в интернете кое-какие сведения на эту тему, он нашел наиболее близкий по смыслу механизм общения у рыб – это была сейсмочувствительная боковая линия, которая у некоторых видов была еще и электрочувствительной. Приняв это к сведению, он решил, что сигналы, излучаемые цузамерами, представляют собой либо какие-то низкочастотные звуковые, либо электромагнитные волны. Он не стал заморачиваться на дальнейшем поиске, хотя были мысли о гравитации и загадочных биополях. Для себя он уяснил: чем бы это не являлось, в любом случае передатчики и приемники испускают и принимают понятные друг другу сигналы, и, возможно, что природа этого взаимодействия вообще не эволюционировала, а перешла к нам без изменений от рыб или какого-то более древнего предка.

Время шло своим чередом, у каждого из цузамеров были свои радости и печали, дела важные и не очень. Если кто-то отсутствовал, например, месяца два, а потом возвращался, то сигналы «свой» возобновлялись сразу, без каких-либо эмоциональных окрасок или задержек. Если новичок вступал в ортцайт, то он проходил своего рода адаптацию. Понятно, что сначала он был для всех чужим, но с ростом числа встреч появлялся сигнал «свой» сперва с одним из цузамеров, потом число признававших новичка увеличивалось. Сигналы не имели разницы по силе излучения, все было строго: либо «свой», либо «чужой» – без полутонов или пробных флюидов. Однажды, признав человека за своего, его безошибочно распознавало сообщество в рамках пешеходного перехода, в другом месте сигналов не было. Вернее сказать, в другом месте были иные ортцайты, и люди также обменивались фантомными приветствиями, просто в другой кодировке или на другой частоте. Эти сигналы никогда друг с другом не перепутывались и ошибочно не излучались.

Владимир, имевший техническое образование и оригинальный взгляд на мир, удовлетворился фиксацией и своим более-менее рациональным объяснением этого феномена. Со временем он начал различать другие ортцайты, возникающие на кассах в магазинах или в кафе, на остановках и в автобусах. Но как впервые зафиксированный и потому более изученный, а от этого и родной, был, конечно, ортцайт пешеходного перехода.

Владимир более не углублялся в изучение этого вопроса, ведь это не влияло на его карьеру, доход или личную жизнь. Предыдущий опыт и привычка никому не излагать свои мысли сделали ортцайты и цузамеров достоянием только внутреннего мира Владимира. На самом деле, зачем кому-то рассказывать о том, что ты участник тайного общества переходящих улиц в половине восьмого утра.

Жизнь текла без изменений, пока не начались неприятности на работе. У компании, в которой работал Владимир, сменилось руководство. Новое начальство принялось оптимизировать структуру и по закону подлости решило избавиться от линейки продукции, которую лучше всего знал молодой человек. Его не стали выживать из компании, у него были хорошие навыки и рекомендации, но если бы он решил уволиться, то и удерживать бы не стали. Теперь у него, в отличие от коллег, не росла зарплата. Он начал чувствовать свою невостребованность, безразличие со стороны руководства и постепенно сам себя загонял в угол. С тяжелым чувством он шел на работу и пытался под любым предлогом уйти пораньше или взять больничный. Менять работу было страшно, вдруг на другом месте будет еще хуже, чем здесь. Он и так был достаточно замкнут, а сейчас погружение в свои мысли и отстраненность стали сказываться и на его поведении, и во внешности. Он сделался рассеянным, забывчивым и невнимательным, мог потерять что-то свое, а мог по ошибке забрать что-то чужое, начал часто отвечать невпопад. Естественно, что с таким подходом заниматься продажами и общаться с клиентами стало затруднительно. Ему быстро нашли замену, а его самого перевели на техническую должность, где не надо было лишний раз прибегать к общению. Он стал вести учет товара и иногда выставлял счета по электронной почте. Доход его сделался небольшим. Он все глубже уходил в себя, отчего стал нерешительным и робким.

Спустя еще какое-то время ему стало неуютно в обществе не только коллег, но и вообще любых людей. Владимиру казалось, что все либо подшучивают над ним, либо имеют какие-то не очень хорошие намерения.

В результате к тридцати годам он представлял собой типичного замкнутого тюфяка. Прекрасно понимая, что его жизнь, судя по всему, сложилась не очень удачно, он был одинок и пассивен, что-то менять в своей судьбе у него не было ни сил, ни желания. Он просто жил: ходил на работу, возвращался домой, постоянно пересчитывал в уме ненужные вещи, попадающие под руки, и сидел вечерами за компьютером. С алкоголем дружба у него не заладилась, со спортом тоже. Основным его стремлением было как можно дольше ничего не делать, чему он, собственно, и посвящал все свободное время.

IV

Однажды, когда потеплел воздух и закапала с крыши талая вода, когда на ветвях набухли почки, готовясь выпустить молодую зелень, а город стал наполняться новыми ароматами, Владимир почувствовал, что ему чего-то остро не хватает. Он не мог понять, что с ним происходит. Молодой человек стал плохо спать. В поисках того неизведанного, что лишает сна и заставляет нервничать, он, как обычно, вел внутренний диалог и прислушивался к собственным ощущениям. Он начал даже подсчитывать удары сердца. Уверенность в том, что он чем-то обделен, усиливала чувство тревоги, и, как следствие, он стал пугаться и вздрагивать не только от внешних воздействий, но даже собственные мысли могли вызвать у него неожиданный страх.

Он стал замечать, что только на пешеходном переходе напряжение спадает. Оказалось, что его успокаивали сигналы цузамеров, в эти моменты он ощущал гармонию, и все, что ему было нужно – это стабильность системы приема-передачи и активность боковой линии. Владимир стал настраивать свои сенсоры и понял, что когда по его ребрам пробегают сигналы от цузамеров, то его кожа не просто чувствует сигнал, а непонятным образом возбуждается. Невидимые датчики на его боках начинают как-то зудеть, а от трения об одежду возникают электрические разряды. Они согревают его и с легким покалыванием стекаются к голове теплыми ручейками удовлетворения.

Теперь, подходя к переходу, он уже ждал этого приятного эффекта и, предвкушая удовольствие, растирал свои бока. Это выглядело так, как если бы человек от холода обхватывал себя руками, засовывал ладони подмышки и начинал растирать ребра, скрестив руки на груди. Только в таком случае люди обычно ёжатся, а Владимир, наоборот, распрямлял позвоночник и вытягивал голову. В общем, занимался тем, что настраивал, приводил в возбуждение свою боковую линию. Когда же он нырял на проезжую часть, то в полной мере наслаждался сигналами, которые вызывали прилив сил и сказочно поднимали настроение.

Он стал чаще переходить дорогу только для того, чтобы поймать эти ощущения. Возвращаясь с работы, он добегал до перехода и, вместо того чтобы идти домой, переходил на другую сторону улицы, хотя делать там ему было совершенно нечего. Чтобы не выглядеть полным идиотом для окружающих, он не сразу разворачивался и шел обратно, а огибая пятиэтажку и только после этого пересекал переход в обратном направлении. Исполнив такой ритуал, он шел домой, уже значительно улучшив свое настроение после рабочего дня.

За очень короткий срок он стал на переходе «своим» в любое время суток, каждый ортцайт принимал его и делился сигналами. Ради этого Владимир использовал малейшую возможность, чтобы перейти дорогу. Он посвящал этому почти все выходные. Теперь, когда он стал цузамером каждого ортцайта, ощущения нехватки чего-то в жизни покинули его. Появились смысл и стремление к цели, он поборол однообразие своего быта. Сейчас он обрел то, ради чего можно было уходить с работы раньше и, просыпаясь утром, не позавтракав, бежать на улицу. Он хотел переходить дорогу еще и еще. Владимир теперь точно знал, чего ему недоставало все это время, и стремился удовлетворить свою потребность в любой удобный момент.

Недалеко от перехода находилось небольшое кафе на пять-шесть столиков. Когда в выходные Владимир нагуливал себе на переходе радость, он иногда заходил в эту забегаловку, чтобы передохнуть и выпить чашечку кофе. Он заметил также, что с этим напитком прилив положительных эмоций был значительно больше и ярче.

Молодой человек посвятил все лето своему новому увлечению. Все выходные и праздники были заполнены странными прогулками. Он потратил столько времени на пересечение проезжей части, что его боковая линия выросла и распространилась на внешнюю сторону бедра и икры ног. Теперь эта полоса возбуждалась только от одной мысли о том, как он будет ловить сигналы цузамеров.

А чего стоили воспоминания! Когда он, сидя на работе, придавался мечтам, то мог довести себя до состояния крайнего эмоционального возбуждения. Лицо и уши начинали гореть, он совсем переставал реагировать на окружающих и мог только глупо улыбаться.

Ближе к осени ему удалось испытать экстаз. Он настолько завел себя, сидя на рабочем месте, что все тело будто налилось кровью, казалось, что даже пальцы ног набухли и зудели. Когда вечером Владимир приблизился к переходу, у него от нетерпения начали дрожать руки. Он, подергиваясь, как будто у него нервные тики по всему телу, смотрел на светофор, который никак не хотел переключаться на зеленый. Кровь нестерпимо пульсировала в висках, затылок горел. В ту секунду, когда зажегся зеленый свет, Владимир не смог сделать даже одного шага. Вспышка разрешающего сигнала произвела эффект взорвавшейся бомбы: в глазах потемнело, тело передернулось, по коже пробежали мурашки, дрогнули коленки и перехватило дыхание. Через пару секунд голова начала проясняться, ощущались полная гармония и удовлетворение.

Владимир ловил себя на мысли, что происходит что-то не совсем обычное. Если кто-нибудь узнает о случившемся, то его сочтут сумасшедшим. После пережитого экстаза он начал немного ограничивать себя, стесняться своего увлечения и стал реже появляться на переходе. Он думал, что пережитое им удовольствие, наверное, некий тайный приз, заслуженный им преданностью своему делу. Видимо, другим цузамерам не дано испытать ничего

подобного, скорее всего, они будут завидовать и порицать его за сорванный куш минутной эйфории. Он решил, что слишком увлекаться такими вещами не стоит, вдруг за ним кто-то подсмотрит и украдет его счастье. Но, несмотря на собственные предрассудки, Владимир с удовольствием пересекал по утрам проезжую часть. По выходным он позволял себе несколько раз пройти по переходу, предварительно поплутав по дворам или посидев за чашкой кофе в забегаловке. Так прошли осень и зима. Как только солнышко вновь стало пригревать по-весеннему, то чувства одиночества и неудовлетворенности вернулись, ему захотелось чаще переходить улицу и впитывать сигналы цузамеров вместе с весенным теплом.

Снег таял. С каждой каплей воды, упавшей с сосулек на тротуар, его все сильнее тянуло к переходу, хотелось получить так недостающее ему удовлетворение. Он не мог уже ничего с собой поделать и позволил себе снять зимнее ограничение на посещение ортцайтов. Владимир стал опять купаться в счастье и ловить тепло сигналов. Очередная эйфория не заставила себя долго ждать.

Еще раз испытав экстаз на проезжей части, он чуть было не организовал затор на дороге. Для автомобилей уже горел зеленый свет, а Владимир не мог собраться с мыслями и дойти до тротуара. В его адрес стали сигнализировать и кричать в открытые форточки из машин. Чтобы выбраться из этой неловкой ситуации, разум молодого человека *создал иллюзию, которая должна была помочь ему в этот сложный момент*: неожиданно ему протянула руку стоявшая под светофором девушка в очках. Это выглядело так, как будто с берега реки тянут ладони утопающему и подбадривают взглядом и словом: «Ну, давай, еще чуть-чуть и у тебя получится!» Она, балансируя на цыпочках на краю бордюра, нагибалась вперед и протягивала руку, быстро перебирая пальчиками в пушистых перчатках.

Он вынырнул на тротуар.

– Ну что же вы такой рассеянный? Замешкались? Так ведь и сбить могут! – сказала девушка.

Она была моложе Владимира, чуть ниже ростом, в синенькой курточке и длинной юбке, почти доходящей до щиколоток. *Именно такой фантом сотворил мозг Владимира, для того чтобы выкручиваться из неудобных ситуаций и оправдывать в собственных глазах свои нелепые поступки.* В конце концов, ему нужен был кто-то для общения на сокровенные темы.

– Спасибо за вашу поддержку. Мы знакомы? – буркнул еще не до конца пришедший в себя Владимир.

– Ну... Можно и так сказать. Я вон в том кафе работаю, вы частенько к нам заглядываете, да и я вас из окна часто вижу. Вы тут дорогу постоянно переходите. Наверное, работаете тоже где-то рядом, – сказала иллюзия

– Да, где-то рядом работаю, – буркнул Владимир.

– Меня зовут Кристина. Еще увидимся. Пока! – девушка улыбнулась и пошла по переходу в сторону кафе.

Молодой человек отпустил созданную им химеру в городскую суету. Не смог удержать. Похоже, она с самого начала имела своенравный характер.

Владимир так и остался стоять на месте, потихоньку приходя в себя.

Уже дома, размыщляя о произошедшем, он решил, что более нельзя терять сознание на переходе. Необходимо нагулививать возбуждение, а выплеск эмоций проводить дома. Нужен только какой-то спусковой механизм, кнопка, которая будет открывать шлюзы экстатической радости.

Свободное время следующей недели Владимир посвятил поискам своей кнопки. Молодой человек несколько раз после работы погружался в ортцайты и, приходя домой, пытался вызвать экстаз. Он пробовал разные способы. Обычные, традиционные вари-

анты удовлетворения не приносили ему таких ярких впечатлений. Что-то похожее можно было испытать, только если, напившись кофе, смотреть на мониторе видеозаписи летящих навстречу зрителю звезд или стремительно текущей по камням и поваленным деревьям воды. Но все это было не то, таких же фантастических и острых переживаний добиться не удавалось. Будучи осторожным и даже трусоватым по натуре, он вновь решил ограничить количество переходов дороги в надежде, что необходимое решение появится само.

V

Буквально через три дня после последнего экстаза произошло еще одно неординарное событие. В магазине, куда он заходил по вечерам, чтобы купить себе чего-нибудь к ужину, кто-то увел у Владимира его сумку с находившимся внутри планшетом. Он не часто брал технику с собой, но в этот раз ему нужно было перекинуть большие файлы личного характера с рабочего компьютера на домашний. Такой вместительной флешки у него не было, и он взял планшет на работу. Переносил его молодой человек обычно в старой сумке из-под ноутбука. Когда Владимир зашел в магазин, его попросили оставить вещи в ящице с ключиком, что он и сделал. Он вытащил бумажник с документами, а саму сумку со всем содержимым положил в ячейку с номером шесть. Засунув ключ от ящика в задний карман джинсов, он прошел в торговый зал. Когда Владимир вышел с покупками и открыл ячейку, то сумки в ней уже не было...

Естественно, он попытался поднять скандал, насколько ему позволила скромность. Служба безопасности показала ему запись последнего часа возле стойки со шкафчиками. Он узнал свою фигуру на видео. В этом коротком ролике Владимир с пустыми руками подошел к ящичкам, открыл один из них, потом закрыл, положил ключ в задний карман и отправился за покупками. Возразить на увиденное было нечего. На всякий случай ему показали содержимое ящика с номером девять, он также был пустой, но это было уже лишним. Цифры Владимир перепутать не мог.

Придя домой, молодой человек перерыл всю квартиру: ни сумки, ни планшета не было. Не обнаружил он их и на следующий день на работе. Коллеги в один голос заявили, что он с собой вчера ничего не приносил. Это было не просто странно, а даже печально и обидно. Владимир вынужден был озадачиться вопросом о доверии к самому себе. Будучи поднятым, вопрос уже несколько дней оставался без ответа.

Погуляв в обществе цузамеров, он зашел в кафе на чашечку горячего напитка, а заодно отдохнуть и поразмышлять о том, как он умудрился докатиться до потери памяти. Он занял место за столиком у окна. Подошедшая в белом передничке официантка уж больно приветливо улыбалась. *В забегаловке никогда не было обслуживающего персонала, кроме продавицы за прилавком.*

– Привет, это я! Кристина. Не узнаете? Вы так и не сказали, как вас зовут, – произнесла радушная официантка.

На сей раз фантомная девушка была без очков, может быть, поэтому Владимир не смог сразу ее узнать. Он сначала испугался того, что опять начались провалы в памяти, но потом вспомнил участливую спасительницу с пешеходного перехода и сразу успокоился. *На самом деле, он опять неосознанно призвал химеру, так как запутался в своих размышлениях, его мозг начал глючить.*

Молодой человек отметил, что ему было приятно внимание воображаемой девушки, тем более что с ее обществом были связаны не самые дурные воспоминания. *Не понимая иллюзорности своей собеседницы*, он поймал себя на мысли, что они с этой официанткой

прямо в кафе могут создать новый ортрайт, а пить напитки в обществе цузамеров станет вдвойне приятнее.

– Меня зовут Владимир, извините, что не узнал вас. Можно чашечку черного кофе, пожалуйста... Подождите! А какой кофе предпочитаете вы? – Владимир удивил сам себя тем, что смог перешагнуть через свою замкнутость.

Он подумал, что если девушка переходила дорогу в прошлый раз, то, наверное, она часто бывает на переходе, а за счет этого они уже давно стали друг другу цузамерами и уже точно не единожды за последний год обменялись сигналами.

– Я люблю капучино. В это время нет клиентов. Вы не будете против, если я его выпью с вами за одним столиком? – спросила улыбчивая Кристина.

– Конечно, я только за! – ответил Владимир и заерзal от нетерпения на стуле.

Она принесла на подносе две чашечки и уселась напротив. Владимир подумал: «Интересно, она со всеми посетителями себя так ведет?»

– Только не думайте, что я пью кофе со всеми клиентами. Просто я вас давно вижу у нас в кафе и на улице частенько встречаю. Тот раз на переходе мне показалось, что вам нужна помощь. Вы явно не знали, что делать, но при этом у вас было такое блаженное лицо, – сказала Кристина, внимательно глядя на Владимира.

Его потрясла ее проницательность, казалось, что девушка читала его мысли – *конечно, ведь она была порождением его собственного воображения*. Он решил довериться своей иллюзии, будучи уверенным, что она не просто поймет его, но и сама способна испытать нечто похожее на его эмоции – почувствовать то, что известно лишь ему одному. Несмотря на свою привычку ни с кем не делиться мыслями и открытиями, его прорвало:

– Давай перейдем на «ты»! Хочешь, я поведаю тебе одну небольшую тайну? Только рассказывать о ней бессмысленно, ее надо ощутить. Какие органы чувств у тебя есть? – спросил Владимир.

В его словах звучала уверенность и какой-то назидательный настрой. Хорошо, что посетителей в кафе в этот час не было, никто не обратил внимание на разговаривающего с собой чудака.

– Ну, глаза, уши, нос. Как у всех. Ну, язык еще, – не переставая улыбаться, сказала воображаемая девушка.

– А кожей ты умеешь чувствовать? Или ощутить приближение человека со спины?

– Да, забыла! Конечно, кожа чувствует температуру, прикосновения, дуновения...

– Уверяю тебя, что человек сам по себе очень чувствительный прибор и при желании вкус и цвет сможет ощутить даже пяткой. Надо только настроиться! А наличие рядом таких же приборов он распознает очень хорошо. Организмы совместно создают определенное поле взаимодействия и обмениваются сигналами. Умение различать эти волны в своих ощущениях позволяет испытывать новые удовольствия, – как по писаному выпалил Владимир и многозначительно оттопырил указательный палец.

Девушка сделала испуганное лицо.

– Удовольствия? Это, конечно, хорошо. А эти ваши чувства как-то связаны с наркотиками?

– Самый крепкий наркотик тут – кофеин. Пойми! Ты, например, чувствуешь вкус шоколада языком и получаешь от этого порцию наслаждения. Или весной, когда кожа соскучилась по солнцу, ты ловишь свежие лучики и тебе опять приятно. Так и здесь. Только задействован другой орган чувств. Если ты знаешь, что этому органу приятно, то можешь побаловать его порцией специфического, только ему понятного шоколада или тепла!

– А орган вы имеете в виду... Тот самый, про который я подумала. Вы его намазываете шоколадом и греете на солнце? Как романтично и оригинально! – Кристина, совершенно не смущившись, хихикнула.

– Во-первых, мы перешли на «ты». Во-вторых, речь совсем о другом. Я надеялся, что ты продвинутая девушка и поймешь, о чем мы говорим. Хотя это не половые ощущения, но удовольствие они могут доставить даже еще больше! Если есть желание, то я натренирую тебе эти органы чувств, потребуется совсем немного времени. Ты хочешь попробовать?

– Ну, если все так, то будет, наверное, интересно. Почему бы и нет? – Кристина пожала плечиками и потом согласно кивнула.

Владимир решил, что он ей понравился. Договорились встретиться завтра вечером после того, как иллюзия закончит смену в кафе. Они решили сразу начать тренировать ее чувствительность к ортцайтам. Находясь в приподнятом настроении, Владимир отправился домой.

VI

Он шел по привычному маршруту, как вдруг его взгляд выхватил в мельтешащей толпе какой-то знакомый предмет. До конца не поняв, что привлекло его внимание, он стал присматриваться к окружающим его людям. Впереди шла ухоженная дама в длинной юбке. На вид ей было чуть больше сорока лет. В одной руке она несла пакет с продуктами, в другой – сумку. Ее сумку от старого ноутбука, в которой он носил планшет на работу! Хорошее настроение моментально сменилось тревогой. Владимир запаниковал, он не знал, что делать в таких случаях. Так как по природе молодой человек был стеснительным и наброситься с вопросами на женщину он не мог, то решил проследить за ней. Похоже, что шпион он был никакой – женщина почти сразу заметила слежку. Она пару раз оглянулась и прибавила скорость.

Дама прошла мимо его дома и примерно в двухстах метрах от кафе свернула во двор. Владимир следил за ней на расстоянии десяти шагов. Она зашла в подъезд, дверь которого захлопнулась на автоматический замок. Владимир поспешил вглубь двора, откуда были видны все окна подъезда. Оттуда он проследил, как женщина поднялась на последний пятый этаж и открыла дверь в квартиру, находящуюся справа. Теперь он знал, где находится его планшет, и хорошо запомнил предполагаемую похитительницу. Будучи взволнованным, он отправился домой.

Спалось плохо, он не понимал, как ему заполучить свою вещь обратно. Он прокручивал в голове варианты беседы с женщиной, но никакой уверенности в положительном исходе переговоров не испытывал. Вдруг дама не отдаст планшет, что же тогда делать?

Он встал с кровати в шесть утра. На скорую руку позавтракал и поспешил в соседний двор, чтобы подкараулить похитительницу гаджета. Он расположился на лавочке в кустах еще не распустившейся сирени, ровно напротив подъезда, в котором вчера скрылась незнакомка. Около семи утра дверь открылась, и Владимир увидел ту самую даму с той же сумкой, но без пакета с продуктами. Он последовал за ней. Догнав ее, он набрался смелости и с дрожью в голосе обратился к ней:

– Извините меня, но я на днях потерял в магазине точно такую же сумочку, внутри нее был новый планшет, может быть, это вы ее нашли?

Женщина отпрянула, прижала ношу к себе и холодно ответила:

– Нет, молодой человек, сумка моя, и в ней нет никакого планшета. Вы ошибаетесь!

– А что в ней? – поинтересовался чуть более уверенно Владимир.

– Вот это уже не ваше дело! – отрезала мадам и почти бегом направилась к остановке.

Такое развитие событий не удовлетворило и расстроило Владимира. Он знал свою сумку и был уверен в том, что женщина врет.

– С чего бы ей так пугаться, если это ее вещь? – размышлял молодой человек.

Он вспомнил, что сегодня вечером должен начать обучение Кристины. Мысли переключились на более приятные вещи, но отступать от того, чтобы вернуть свою пропажу, он не собирался. Сейчас он решил, что все равно доведет дело до конца.

Что касается Кристины и обучения, то Владимир думал, что для начала надо вычислить тот час, в который девушка переходила улицу, и именно в это время начать уроки. Позже, для сравнения, чтобы она почувствовала разницу в излучаемых цузамерами сигналах, надо было познакомить ее и с чужими ортцайтами. *Он не осознавал того, что девушка существует лишь в его воображении, и вполне серьезно готовился к свиданию.*

Вечером после работы молодой человек и порождение его изощренного разума встретились и приступили к занятиям. Кристина и Владимир гуляли в скверике неподалеку и, естественно, несколько раз переходили дорогу. Владимир попутно излагал теорию, Кристина внимательно слушала. К своему изумлению, он не ощутил привычных сигналов от девушки, значит, они не были цузамерами. Молодой человек удивился: Кристина говорила, что давно работает в кафе, а стало быть, дорогу она должна была переходить именно в этом месте. Несмотря на такую нестыковку, Владимир со всем усердием продолжал рассказывать несуществующей девушке о том, как она должна правильно подходить к переходу, что чувствовать и к чему ей надо особенно прислушиваться.

Оказалось, что преподавание тоже требует энергии. Расставшись в первый вечер с ученицей, Владимир пришел домой без сил и вырубился, даже не включив, как обычно, домашний компьютер. На следующий день они вновь продолжили занятия.

Владimir ощущал себя эдаким магистром, обучающим школьара. Он рассказывал о том, как распознать чужака, как смотреть на людей и даже как разминать сенсоры. Он давно так много и с таким увлечением ни с кем не говорил. Кристина весело щебетала и не особенно прислушивалась к его инструкциям. Она говорила, что, конечно, все-все чувствует, но Владимир ей не верил. Он утверждал, что только ежедневные упражнения и самоконтроль смогут расшевелить в ней механизмы распознавания и активизировать сенсоры боковой линии ее тела, и тогда она сможет испытать истинную радость общения с цузамерами, а может быть, и не только с ними.

Встречи продолжались всю неделю. Настроение юноши было великолепным, к тому же в ближайшее время у него был запланирован двухнедельный отпуск, и он уже знал, чем будет заниматься.

VII

В очередной раз расставшись с Кристиной около остановки автобуса, Владимир направился к дому и неожиданно снова увидел даму с той сумкой, которую он потерял. Он набрался решимости и уверенным шагом нагнал упрямую похитительницу.

– Женщина, не знаю вашего имени, мы с вами не так давно общались. Я дико извиняюсь, если напугал вас в прошлый раз. Но у меня остались чек и гарантийный талон на мой планшет. Я смогу доказать, что это моя техника. Пусть я потерял сумку по своей вине и ничего лишнего не хочу у вас отнимать, но, пожалуйста, независимо от того, где вы взяли мои вещи, отдайте мне мой планшет. И я от вас отстану.

Та ускорила шаг, Владимир тоже. При этом она ничего не говорила, только пыхтела. Так они дошли до двери в ее подъезд.

– Будьте же честной! Не хотите возвращать, так хоть дайте мне его на пять минут, я скопирую свой старый архив, это же мои частные файлы! – настаивал Владимир.

– В другой раз! Это моя сумка. Если хотите, чтобы она стала вашей, то могу сказать, что эти речи не убедительны! – запыхавшись, произнесла дамочка.

Она открыла дверь в подъезд, шмыгнула внутрь и захлопнула ее перед носом Владимира.

– Ну что с ней делать? Надо что-то придумать. Не нападать же! – размышлял он. – Заявление в полицию тоже не напишешь, так как факт кражи не зафиксирован. Он же сам отказался от своих претензий еще в магазине. Не полезу же я, как вор, к ней в квартиру. Остается только уговаривать.

На следующий день после работы он с радостью продолжил обучать иллюзию. Но мысли о dame с сумкой не давали ему покоя. Он хотел вечером встретить ее на остановке, на которой приметил эту женщину в прошлый раз. Сегодня Владимир и Кристина расстались чуть раньше. Посадив химеру в автобус, он остался на том же месте встречать загадочную мадам. Не прошло и пяти минут, как та вышла из другого подошедшего автобуса, держа его сумку в руках. Владимир решительно подошел к ней и сходу выпалил:

– Верните мои файлы, это важные документы и сведения, они нужны не только мне, но и будущим поколениям!

Женщина задумчиво посмотрела на юношу, ее глаза сузились, и кривая усмешка перекосила лицо.

– Да ты же обычный придурок. Хочешь получить файлы? Я знаю, как нам устроить неравнозначный обмен, – произнесла мадам. – Подожди чуток, я подготовлю бумаги и сама найду тебя. А пока иди гуляй.

Дама прошла мимо Владимира, грубо задев его плечом. Молодой человек оторопел на мгновение, но взял себя в руки. Он подумал, что, наверное, женщина подготовит какие-то бумаги для передачи ему «частных файлов», а сейчас он может заняться своими делами. В конце концов, обходится же он без этого «старого архива», есть занятия поважнее и приятнее.

Юноша решил сосредоточиться на обучении Кристины. Про планшет в сумке он девушке пока не рассказывал, просто не знал, как преподнести ей эту историю. Он прикинул, выходило, что за обучением прошло уже почти две недели. Владимир встречал на улице свою галлюцинацию, и они вместе гуляли в парке, находящемся поблизости, прохаживались во двориках недалеко от перехода или пили кофе. Теперь у молодого человека появились огромные скидки в забегаловке, где якобы работала Кристина. Конечно, особое место в их общении занимал пешеходный переход. Иллюзорная девушка приобретала индивидуальные черты и собственный характер, она смирилась с ролью ортцайта в их общении, но не испытывала никаких восторгов по этому поводу. Владимир же упрямо таскал ее назад – вперед через дорогу и был уверен, что его упорство пробьет брешь в ощущениях подруги. Ей же, похоже, было важно только одно – быть рядом с Владимиром.

За все недолгое время знакомства он ни разу не пригласил фантом к себе в гости, все общение происходило либо в кафе, либо на улице. Кристину это явно не устраивало, она изо всех сил пыталась перейти к более близким отношениям. В кино Владимир отказывался идти, в торговых центрах он чувствовал себя неуютно, самым комфортным местом для него был этот самый пешеходный переход. Тогда галлюцинация отважилась приступить к более решительным действиям именно там, где юноша чувствовал себя более раскрепощенно.

VIII

Нужно отдать воображаемой девушке должное – она была вовсе не глупа. Конечно, ведь ее действия, слова и желания состояли из неосознанных побуждений Владимира,

и вряд ли она могла выдумать что-то такое, чего не ведал сам молодой человек. Хотя... кто знает?

Кристина, понимая, что у Владимира оригинальный взгляд на окружающую действительность, подбрасывала в эту топку фантазий дополнительные дровишки. Параллельно, чтобы разбудить мужчину в этом чудаке, она стала плотно прижиматься к спутнику на переходе. Одной рукой она обнимала друга за талию, другую руку располагала на его груди или животе, постепенно опуская пальчики все ниже. Со стороны это должно было выглядеть так, как будто она чего-то боится и ищет спасения в объятьях спутника. Ходить боком, наверное, было неудобно, но Кристина приспособилась. *На самом деле молодой человек просто ходил в одиночестве с засунутой в штаны рукой.*

На очередной прогулке иллюзорная девушки начала забалтывать Владимира. Она стала рассказывать ему, что окружающий мир был создан какими-то могучими силами, которые могли принимать обличье великанов. Нынешние жители планеты просто пользуются тем, что им оставили. Создатели все мастерили и строили для себя, а людям просто так все это досталось. Великаны сейчас просто ушли, но они обязательно вернутся и наведут порядок в загаженном человечеством мире.

Владимир внимательно слушал эти сказки, а сам подсчитывал пешеходов на «зебре».

– Странно. Всегда, когда я перехожу дорогу вместе с Кристиной, на переходе оказывается шесть человек... – подумал он.

– А ты знаешь, что памятники, которые устанавливают в городах, бывают разные? – неожиданно спросила девушка.

– Ну, наверное, – немного не поняв вопрос, ответил юноша.

– Вот есть памятники, которые сделали люди, а есть те, которые оставили создатели. У людей иногда стало получаться делать так же, как у богов. Видел в парке композицию: мужик лошадь ведет? Как тебе? Излучение чувствуешь? – поигрывая терминами Владимира, спросила иллюзия.

– Кристина, надо от живых существ сигналы чувствовать, а не от железяк, отлитых не пойми ком и кому.

– Так я и чувствую! В той композиции только от лошади сигнал идет, особенно от хвоста, не просто сигнал – сияние льется! А вот от мужика в этой скульптуре ничего не ощущается. Так, болванка металлическая, можно спокойно в переплавку сдавать, скульптура только выиграет.

– Ладно, пусть человека переплавят, а хвостатую кобылу оставят. Хочешь сказать, что у наших художников эта лошадь получилась на уровне мастерства богов? А какие памятники, кстати, нам оставили твои создатели?

– Мои создатели? Хм... Они нам оставили все, даже пешеходный переход, по которому мы с тобой так любим гулять, – Кристина хитро посмотрела на Владимира. – Что? Не знал?

– В смысле?

– Был такой косматый рыжий великан, звали его Авсень. Был он незлобный, но вспыльчивый, быстро загорался, хватаясь за многие дела, но также быстро остывал, мог набедокурить, а потом переживать, что сделал не то. Он тут рядом жил.

Владимир с недоумением посмотрел на Кристину, он считал, что говорить неожиданные вещи может только он. Девушка продолжала.

– Так вот этот Авсень и проложил все дороги в городе. Каждую весну почва превращалась в кисель, а округа становились непроходимым болотом. В какой-то момент ему это надоело, он нарубил деревьев и намостили улицы. Древняя мостовая и есть настоящая улица, проложенная могучей силой, по ней мы идем сейчас с тобой, вот она – пешеходная дорожка, а не автотрасса, как может показаться. Видишь, ее даже не смогли перенести, пришлось светофор ставить для пешеходов. А на месте перехода была огромная лужа, в которую сколько

Авсень не бросал бревна, столько их и уходило под землю. Все поглощала болотистая почва. Наконец, когда он вырубил половину местного леса, чтобы сделать это место проходимым, то настолько устал, что забыл свой топор где-то здесь рядом.

– И где он теперь? – спросил пораженный Владимир, он никогда ничего подобного не слышал.

– Я же сказала, создатели ушли очень давно.

– Да нет, топор где?

– Брос в землю, вон там за кустами сирени. Он тяжелый, поэтому глубоко ушел. Столько времени прошло...

Владимир услышал грустные нотки в голосе Кристины, хотя, может быть, ему это опять показалось.

Они подходили к переходу, воображаемая девушка тоскливо оглянулась на растущие вдоль дороги кусты и сильно прижалась к Владимиру. Вечерний сумрак прятал лица людей и размазывал фигуры в свете тусклых фонарей. Загорелся зеленый свет. Когда они шли вот так, слившись, Владимиру чудилось, что они переходят дорогу как единое целое, он даже стал ощущать, как внешняя сторона Кристины ловит сигналы цузамеров. Только девушка, похоже, ощущала что-то другое. Свободную от объятий руку она положила на низ живота Владимира, а на середине перехода, как бы случайно просунула ладонь между ног молодого человека и сделала несколько сжимающих движений. Она почувствовала пульсирующее подергивание в своей ладони, и это ее немало порадовало.

– Опять на переходе шесть человек, – мысленно сосчитал Владимир.

– Значит, все будет хорошо. Я его расшевелю, – подумала, становящаяся все более самостоятельной, Кристина.

Когда они вышли на тротуар, он молчал, просто не знал, как реагировать на поведение своей воображаемой подруги. *Его рука в кармане независимо от сознания массировала член.*

– Знаешь, я почувствовала сигналы цузамеров, этот ортцайт принял меня, мне было тепло и уютно. Я еще раз с большим удовольствием ощутила бы это, – сказала девушка.

Владимир был потрясен, он тоже испытал необычайное возбуждение. Чувства были захватывающими, к знакомым сигналам прибавилась направленная сексуальная энергия женщины, пусть и воображаемой.

– Хорошо, давай развернемся и повторим все еще раз, только вдумчиво, прислушиваясь друг к другу, – сказал он.

Они развернулись и, даже не делая круг через дворы, пошли обратно. Пока ждали нужный сигнала светофора, Кристина заранее разместила ладонь между ног Владимира. Зажегся зеленый, они шагнули на переход и медленно двинулись на противоположную сторону. Спешащие прохожие, не обращая внимания, пробегали мимо. С каждым шагом Кристина все интенсивнее водила вверх-вниз по стволу четко обозначившегося через штаны мужского достоинства. Владимир внешне не выражал никаких эмоций, но и не препятствовал действиям своей иллюзии. Они перешли дорогу. Юноша повернул подругу к себе лицом и страстно поцеловал ее в губы. Кристина, не убирая руку с паха молодого человека, затолкнула его через плотные кусты на газон. Она опустилась перед ним на колени на нежную весеннюю травку и стала расстегивать внезапно заклинившую молнию на ширинке Владимира. Он помог ей справиться с замком на джинсах. Неумело, держа только кончиками пальцев, она извлекла наружу напряженную плоть. Буквально два чуть ощутимых прикосновения иллюзорных губ ввергли молодого человека в эйфорию и довершили начатый на переходе акт любви цузамеров.

Владимир не устоял и тоже плюхнулся коленями на траву. Он обнял девушку, они слились в долгом поцелуе, забыв обо всем на свете.

Со стороны казалось, что молодой человек, стоя на коленях с вывалившимся из ширинки членом, усердно возносит молитвы каким-то загадочным силам или темным духам, рожденным в недрах его воспаленного разума...

IX

После такого сближения странные друзья стали почти неразлучны, то есть Владимир полностью попал во власть своего воображения. Иллюзия наконец побывала у него дома. Быт холостяка привел ее в ужас, но потихоньку с помощью Владимира Кристина начала приводить квартиру в порядок. Конечно, молодой человек не забывал про прогулки по вечерам. Вдоволь наобнимавшись с химерой на переходе, он бежал домой, чтобы предаться ласкам со своей галлюцинацией, но таких ярких переживаний Владимир почему-то уже не испытывал. Он догадался, что верх блаженства можно испытать только на переходе или в непосредственной близости от него. Кристина вообще ни разу не испытала какой-либо радости от неумелых ласк Владимира. Он еще раз заставил свою иллюзию приласкать его губами в кустах рядом с перекрестком. Как он выражался: «Это был взрыв мозга!» Видимо, это было самое яркое и приятное ощущение в его жизни. Он был благодарен Кристине за то, что она делает для него, и выражал это своими объятиями и словами. Воображаемая девушка, которую никто кроме Владимира не видел, довольствовалась только обилием устной признательности и восторга в ее адрес, чего ей явно было недостаточно, молодой человек чувствовал это.

Они пытались предаться любви дома в комфортных условиях, но что-то шло не так. Кристина не могла расслабиться, максимум, что она могла себе позволить, так это обнажить грудь и стянуть с себя джинсы, а если дело доходило до трусиков, то она лежала на спине, плотно скав ноги. Владимир решил, что это стеснительность, которая со временем пройдет, все остальное его полностью устраивало. Хотя, может быть, ему *не хватало воображения развить ситуацию*.

Молодой человек заметил, что у девушки есть свои привычки и особенности. Так, она превозносила число шесть. Собирала талончики и чеки с шестерками. Он спрашивал ее, специально ли она звонит в дверь всегда шесть раз, а если режет тортик, то только на шесть кусочков. Кристина отвечала, что это совпадение, иллюзия стеснялась признаться ему в своих странностях, хотя тот доверил ей свои на первом же свидании.

Владимир упрямно наседал в этом вопросе, говорил, что заметил еще какие-то шестерки в ее жизни. Он поведал ей о том, что привык подсчитывать предметы и явления. Каково же было его удивление, когда Кристина обрадовалась, вместо того чтобы покрутить пальцем у виска.

— Я тоже этим занималась в детстве. Считала все подряд, числа всегда были разные, но постепенно все чаще стала появляться шестерка. Я поняла, что делаю мир кратным шести, можешь считать, что это моя фишка. Там, где я появляюсь, из хаоса разных значений выстраивается бублик с веселым задранным хвостиком!

— То есть это не ты считаешь предметы, а они при виде тебя становятся кратными шести? — спросил удивленный молодой человек.

— Правильно, именно так. А если ты заметил, то счастье шестерка приносит не только мне, но и тем, кто со мной, — весело произнесла Кристина.

Ответ удовлетворил Владимира, даже вызвал определенный восторг. Это было здорово: обычная на вид девушка так лихо управляет с окружающими ее числами.

Занятия с Кристиной настолько увлекли его, что он привязался к игре своего воображения тугими ремнями, нарезанными из кожи его же собственных эмоций и фантазий. Про-

должая необычные опыты и параллельно квантую окружающий мир на шесть, он совсем позабыл о даме с сумкой. Она же напомнила о себе сама.

X

Владимир вышел в отпуск. Весна заканчивала радостный обряд и собиралась передать лету свои достижения в озеленении улиц, скверов и дворов. Светало рано и темнело поздно, казалось, что солнца стало больше не только в природе, но и в жизни Владимира.

Так как он жил рядом с кафе, то иллюзорной Кристине было удобно оставаться ночевать у него. Если смена девушки начиналась не рано, то он провожал ее, прогуливался по переходу и шел домой, чтобы к концу работы Кристины встретить ее в забегаловке, вместе попить кофе и продолжать эксперименты.

Он и в этот раз повторил привычный маршрут, уже подходил к дому, как на горизонте появилась дамочка с сумкой от ноутбука в руках.

– Ну что, преследователь? Тебе больше не нужны твои файлы?

– А, это вы. Я просто был занят другими вопросами. Не так уж мне и нужен этот «старый архив». Но про вас я не забыл. Сейчас я в отпуске и займусь вами вплотную, – сказал угрожающе Владимир.

– Вот мой телефон, – она протянула визитку, где все слова и цифры, кроме одного длинного номера, были тщательно закрашены шариковой ручкой. – Жду звонка.

Дама резко развернулась и поспешно ушла прочь. Владимир сунул визитку в карман.

– Странно, мы столько здесь гуляем с Кристиной, но ни разу ее не встречали: ни утром, ни вечером. Если я натыкаюсь на эту мадам, то исключительно, когда иду один. Надо, наконец, рассказать все Кристине, у нас же нет тайн друг от друга, может, она что-нибудь интересное сообразит на этот счет.

Вечером, когда Владимир пил кофе в забегаловке, он рассказал всю историю с потерей планшета воображаемой девушке и показал ей визитку.

– И ты это скрываешь от меня! Ты обещаешь заняться «вплотную» какой-то женщиной, которая водит тебя за нос уже столько времени! А для меня ты порой не хочешь сделать даже малого?!

Девушка была оскорблена, видимо, делить внимание Владимира с кем-то еще не входило в ее планы. Владимир покраснел. Он понимал, что выглядит глупо. Кристина забрала визитку с номером телефона и пообещала добыть файлы сама.

Молодой человек решил, что она просто выбросит карточку, и инцидент будет исчерпан. Вечер закончился как обычно, на газончике за кустами рядом с дорожкой.

– А знаешь, почему мы выбрали это место? – спросила иллюзия у Владимира, после того как он отдохнул после оргазма.

– Не знаю. Исторически сложилось. Это ты меня сюда затащила в первый раз.

– Помнишь, я тебе про Авсения рассказывала, про то, как он переход через болото здесь строил.

– Конечно, помню.

– Так вот тут, прямо под нами, лежит его топор. Это тоже памятник, как ты выражаясь, «моих создателей». Только не все его могут увидеть, вернее почувствовать. Авсень сильный самец был, топор помнит его руки, капли пота впитались в рукоятку. Земля под нами горячая от его энергии, она делает страсть насыщенной и острой, а переживания получаются не как у обычных людей, они близки по своей сути к эмоциям создателей.

У Владимира отвисла челюсть, он не знал, что сказать. Кристина порой просто пугала его такими заявлениями. Все-таки, несмотря на богатое воображение, он был материалистом

и сторонником рациональных объяснений окружающего мира. А тут девушка, пусть и воображаемая, на ровном месте преподносит полный сюрприз, и, похоже, сама во все это верит.

На следующее утро у Кристины была ранняя смена. Молодой человек поднялся раньше, чтобы проводить ее и потом добежать до дома мадам с сумкой. Он не выспался, но решил, что, во-первых, надо осуществить последнюю попытку получить файлы. Во-вторых, если попытка будет неудачной, то пресечь преследования дамы в свой адрес. Он не хотел, чтобы она ненароком навредила их с Кристиной идиллии.

Он привычно расположился на лавочке во дворе напротив окон женщины и принял позу наблюдателя, глядя то на дверь подъезда, то на окна пятого этажа. Ждать пришлось недолго. Дама вышла с простой сумкой и неспешно двинулась в сторону остановки. Владимир убедился, что женщина идет одна и за ней больше никто не следит, только после этого догнал ее.

— Я, к сожалению, потерял вашу визитку. Все-таки меня интересует судьба моего планшета.

— Встретить меня сегодня вечером. Не факт, что ты получишь свой планшет, но кое какие «частные файлы» я тебе отдаю, — женщина решительно сделала шаг к молодому человеку.

Она встала настолько близко, что Владимир почувствовал ее горячее дыхание. От неожиданности он отпрянул.

— Вечерами я сильно занят. Не могу...

Дама склонила голову на бок и чуть заметно хитро улыбнулась.

— Ну, если вдруг появится свободное время, то около восьми вечера жди меня на остановке.

Мадам развернулась и, плавно покачивая бедрами, неторопливо удалилась. Владимир остался стоять в замешательстве.

— Как же я ее встречу? Мне для этого придется убежать от Кристины, — думал молодой человек.

Чтобы привести мысли в порядок, он немного погулял по улице, пару раз посетил переход. Одному было уже не так интересно, хотя приятные чувства от сигналов цузамеров охватывали его по-прежнему.

Он зашел в кафе. Видимо, иллюзия заметила какую-то растерянность на лице Владимира и пристально смотрела ему в глаза. Владимир с трудом выдержал взгляд.

— Послушай, — сказала девушка, — мне надо будет уехать сегодня на недельку. У родственников проблемы кое-какие в деревне, без меня они вряд ли справятся. Ты же будешь вести себя хорошо? Не будешь искать свой утраченный планшет? — продолжая пристально смотреть на Владимира, спросила девушка.

— Обещаю. А когда ты вернешься? — спросил рассеяно Владимир.

— Постараюсь побыстрее, там вроде бы пока ничего серьезного. Я уже оформила отпуск за свой счет и купила билеты. После обеда электричка, провожать не надо, — она потрепала Владимира по щеке и, улыбнувшись, добавила, — так что вечерний ритуал в кустах откладывается.

Придя домой, он лег на диван и стал соображать: как такое получилось, что дама назначила ему время встречи именно в тот момент, когда Кристина решила уехать. Может, они договорились друг с другом? От недосыпа мысли путались и выходили нелогичными и странными.

Незаметно дрема подкралась к нему. Крепкий дневной сон обнял Владимира, придавив ему веки. Хотя подсознание молодого человека нашло способ, как временно избавиться от вымышленной подруги, и отправило Кристину в деревню, но навязчивая химера все равно пришла к нему во сне. Она уже не могла оставить его одного на длительное время. Мозг

продолжал работать и выстраивал диковинную картину встречи коварной женщины и красивой послушной иллюзии:

XI

Кристина сидела за столиком в кафе одна, ее смена закончилась.

— Что это за дамочка такая, — думала девушка, разглядывая визитку с разных сторон, — хочет оставаться инкогнито, хотя дает номер телефона. Значит, Владимир ее имени не знает.

Она набрала номер. Женщина, которая взяла трубку, сказала: «Да, слушаю». Кристина не знала как продолжить разговор и оборвала вызов. Еще раз покрутила визитку в руках.

— Надо все-таки доверять своему парню, — подумала она.

Вздохнула, покачала головой и, взяв средство для снятия лака, аккуратненько кисточкой стала растворять пасту, которой были замазаны все буквы на визитке. Часть знаков растворилась, но девушке удалось разобрать, что женщину зовут Ольга Андреевна, и работает она помощником нотариуса.

На следующий день Кристина набрала номер еще раз и постаралась придать голосу официальный тон. Она представилась сотрудникой службы знакомств и пригласила Ольгу Андреевну пообщаться в кафе якобы для того, чтобы составить портрет кандидата и накидать анкету.

Дама пришла к условленному времени в вечернем платье, уселась за столик и попросила стакан апельсинового сока. Кристина не знала, как начать разговор. Она сняла служебный фартук и, взяв стакан сока в руку, подошла к даме. Девушка хотела задать свои вопросы в непринужденной обстановке. Она боялась, что женщина может не так понять ее инициативу и проявит раздражение или обидится. Кристина была противником острых бесед и желала поговорить спокойно, но волнение и небольшую дрожь в коленках все же ощущала. Подойдя сзади, она оценила глубокое декольте на спине и тонкую изящную шею Ольги Андреевны.

Женщина склонилась над столом, изучая меню. Неожиданно для себя Кристина стала тонкой струйкой лить сок из стакана на шею Ольги Андреевны. Та застыла и не двигалась. Кристина же смотрела, как сок стекает ручейками с будто точеной шеи на красивую спину женщины, при этом кусочки апельсиновой мякоти плывут в сверкающих струйках и составляют причудливые нагромождения, которые, подобно камням в бурном потоке, перекатываются и срываются вниз.

Кристина не успела удивиться, как неожиданное возбуждение поглотило ее, а неяснимая сладкая судорога подогнула дрожащие колени, одновременно ударив в голову разноцветным фейерверком. Кристина охнула, оперлась одной рукой о стол, за которым сидела облитая соком женщина, и присела рядом с ней на краешек кресла.

— Простите меня, пожалуйста, я не хотела, так получилось, — еле шевеля губами, промямлила девушка, то бледнея, то краснея.

Дама внимательно смотрела на Кристину, выражение ее лица менялось. Из удивленного, оно постепенно становилось сочувственным и добрым. Похоже, что взрослая женщина понимала по лицу девушки, что та только что испытала.

— Пойдемте в служебное помещение, я найду во что вам переодеться, а ваше платье я постираю или куплю вам новое. Извините, пожалуйста, — сказала Кристина.

Ольга Андреевна провела ладонью по щеке девушки.

— Не переживай, как тебя зовут? Я тебя узнала. Это ты гуляешь с этим недотепой, — женщина сочувственно улыбалась.

Кристина закивала головой, в глазах ее стояли слезы. Она кусала губы и не знала, что сказать, ей хотелось провалиться от стыда. Дама же была совершенно спокойна и снисходительна.

— Давай сейчас переоденемся и пойдем ко мне в гости, я рядом живу. Не надо хныкать, я вижу, что ты хорошая девушка. Дома ты мне расскажешь, что с тобой сейчас произошло. Да и мне есть что тебе поведать.

XII

Немного отоспавшись и стряхнув остатки этого странного, но очень яркого наваждения, Владимир дождался вечера и приплелся на остановку к восьми часам. Дама вышла из автобуса и, улыбаясь, направилась к молодому человеку. Остановившись в шаге от него, она игриво распустила волосы, поманила его пальцем, развернулась и пошла в противоположную от своего дома сторону. Она так усиленно виляла бедрами, что случайные прохожие оглядывались ей вслед. Владимир шел за ней, как теленок за красной тряпкой. Она дошла до пешеходного перехода. Остановилась на красный сигнал светофора. Владимир встал рядом.

— Ну что, ты готов? — не переставая жеманно улыбаться, сказала женщина.

— К чему? — спросил удивленно молодой человек.

— Сейчас ты все поймешь. Скоро будет «взрыв мозга!»

Они перешли на противоположную сторону дороги. После перехода дама резко ускорилась, почти побежала. Владимир, едва поспевая за ней, понял, что они повторяют его любимый маршрут. Они быстрым шагом обежали вокруг дома и уже опять приближались к переходу. Под светофором стояла Кристина, из ее наплечной сумочки торчала коробка апельсинового сока. Владимир открыл от удивления рот и стал сбавлять скорость. Но тут зажегся зеленый свет. Дама схватила его за руку и буквально силой дотащила до Кристины. Та приняла Владимира из рук в руки, обняла его и подтолкнула к переходу. Женщина не спеша шла рядом. Девушка начала гладить рукой пах Владимира. Он не понимал, что происходит, все его сознание было занято эмоциями: к привычному возбуждению примешивались пикантные ощущения интриги, но откуда-то взявшееся чувство опасности не оставляло его.

Они перешли дорогу. Женщина, шедшая впереди, протиснулась через кусты на знакомую лужайку. За ней в образовавшийся просвет нырнул молодой человек со своей галлюцинацией. Дама сняла с себя блузку и, оставшись в одном бюстгальтере, встала на колени. Кристина открыла коробку апельсинового сока и начала тонкой струйкой лить жидкость на обнаженную спину женщины, потом она отдала сок Владимиру, а сама привычным движением расстегнула ему ширинку.

— Нет, Кристина, я не хочу при ней, не надо сейчас этого делать, — попросил молодой человек.

Облитая соком дама встала с колен и, огляделась по сторонам, сказала:

— Забыла представиться. Ольга Андреевна, можно просто Ольга, — женщина протянула Владимиру руку.

Он осторожно пожал ладонь и произнес:

— Очень приятно. Владимир. Может быть, оденемся и пойдем куда-нибудь?

— Пошли ко мне. Кристина испекла сегодня тортик, он ждет нас, — сказала женщина.

Квартира не выглядела обжитой, как будто только вчера занесли вещи и расставили мебель.

— Извиняюсь за беспорядок, я недавно переехала, не успела толком прибраться, — сказала Ольга, — спасибо Кристине, она хоть немного марафет навела.

— Видно, доля моя такая, я и у Владимира порядок навожу, и у Вас, — скромно улыбаясь, произнесла молчащая до сих пор иллюзия.

— Думаю, что я найду *чем* тебе отплатить, — сказала Ольга Андреевна и, сощурив глаза, хитро посмотрела на стул рядом с молодым человеком.

Когда разлили чай и нарезали торт, Владимир начал приходить в себя и попросил объяснить ему логику всех событий: как вообще оказалось, что женщины знают друг друга? Присутствие Кристины успокаивало его, и он мог чувствовать себя более уверенно, тем более что Ольга Андреевна тоже разговаривала с фантомом, это был первый человек, который смог подыграть Владимиру.

— Видишь ли, Володя, — начала говорить Ольга, ковыряя вилкой торт, — если тебя заводят публичные проявления актов любви на лужайке за кустами, то Кристина — девушка стеснительная, давай поможем ей немного раскрепоститься.

— Мне кажется, что она любит уединение и апельсиновый сок, только обязательно натуральный, с мякотью, — предположил Владимир. — Другие напитки, похоже, не имеют такой силы.

— Ну, есть еще пара жидкостей, — сказала Кристина и покраснела.

— Какие, скажи, что же ты молчала? — поспешил спросил Владимир.

— Эх ты, сколько она тебе сделала приятного, а ты ни разу не смог порадовать свою добродетельницу, — укоризненно покачивая головой, произнесла Ольга.

— Ну, теперь-то я все знаю и не останусь в долгу, — уверенно ответил Владимир, — только поливать ее соком я хотел бы рядом с переходом.

— Думаю, что тебя считут сумасшедшим, и в один прекрасный момент повяжут прямо на газоне. Надо искать другие варианты, — сказала Ольга Андреевна.

— Я свой переход не покину. Кристина сама сказала, что там древняя сила присутствует, и поэтому впечатления ярче, — запротестовал молодой человек.

Ольга очень недовольно посмотрела на девушку, та потупила взор.

— Ладно, придумаем что-нибудь. Посмотри пока телевизор, мы пойдем с Кристиной обсудим свои дамские штучки.

Женщины ушли в комнату, прикрыв за собой дверь на кухне. Владимир сидел один и пил чай, переключая телевизионные каналы. Это было не очень интересно. Он стал осматриваться. Вдруг он увидел на холодильнике знакомую сумку. За одну секунду он прокрутил в голове все события последнего месяца. Холодный пот прошиб его. Он поднялся, подошел к холодильнику и осторожно, чтобы не шуметь, взял сумку в руки. Абсолютно точно это была его сумка. Он открыл ее, внутри было пусто. Он расстегнул молнию на накладном кармане и увидел какие-то бумажки. Вытащив их, он осознал, что помнит каждую из этих записок и визиток, знает, как и при каких обстоятельствах он складывал их в этот карман. Это были его старые чеки, визитные карточки и списки покупок. Это была его сумка! Сомнений не осталось.

XIII

Владимир развелся, еще раз осмотрел всю кухню. Не обнаружив более ничего подозрительного, он положил сумку на место и на цыпочках вышел в коридор. В прихожей было сумрачно, из спальни доносились голоса Ольги Андреевны и Кристины. Через щель приоткрытой двери было хорошо видно освещенное зеркало на створке шкафа. То, что молодой человек узрел в этом зеркале, заставило его вздрогнуть.

Женщины стояли около кровати без трусиков, но в коротких блузках. Они по очереди поворачивались друг к другу спиной и при этом эмоционально что-то обсуждали. У обеих из копчика рос здоровый хвост длиной сантиметров восемьдесят! Внизу спины он был толщиной с мужскую руку и плавно сужался к концу. У Кристины хвост был полностью лысый, а у Ольги заканчивался игривой кисточкой. Они занимались тем, что показывали друг другу свои хвосты, причем то неприлично задирали их кверху, похлопывая себя по бокам, то опускали вниз, повиливая ими как нашкодившие сучки. Это выглядело жутковато, но фантастически интересно. Завороженный, Владимир подкрался поближе, чтобы расслышать разговор.

– У меня не очень густая шерстка растет, я брею его раз в неделю, вместе с подмышками, – говорила Кристина.

– Мне чаще приходится, уже через два дня щетинки колоться начинают, ходить становится неудобно, все чешется. Вот по молодости я бегала с мохнатым хлыстиком и не переживала, – вздохнула Ольга Андреевна.

– Ну, конечно, можно не брить, но это не гигиенично, да и, в конце концов, для себя же стараешься, так приятнее во всех отношениях: то спину почесать, то одеяло поправить. Какая кисточка у Вас очаровательная! – Кристина потрепала лохматый кончик хвоста Ольги, – шерстка не сваливается под одеждой?

Старшая дама игриво помахала кисточкой перед младшей подругой.

– Нет, я с утра кончик расчесываю, а потом лак для волос наношу. Форму до вечера держит, показать нестыдно. Это же как интимная стрижка у человечков, можно с прической экспериментировать.

Владимир случайно задел выключатель, и в коридоре включился свет. Дамы уставились на отражение Владимира в зеркале. Тот попятился, но уперся ногами в стул и сел на него. Женщины вышли в коридор, в чем были: в носках и коротких блузках. Владимир обратил внимание, что лобок у Кристины был гладко выбрит, как и хвост, а у Ольги Андреевны имел форму аккуратно подстриженного, вытянутого вверх тонкого прямоугольника. Женщины нервно повиливали поднятыми вверх хвостами.

– Теперь мы можем перейти к более жестким экспериментам, еще ни один мужчина не устоял перед чарами моей кисточки. Настоящее сонтие с нами не забывается никогда, – сказала зловеще Ольга Андреевна.

– Вы кто? – почти прошептал Владимир.

– Как только нас не называют: ведьмы, суккуб, кикиморы, даже вампирами кличут, – сказала Кристина, подмигнув Владимиру и шуточно клацнув зубами.

Ему было совсем не весело. Она стояла напротив молодого человека, широко расставив и чуть согнув в коленях ноги, готовая броситься на жертву в любой момент. То из-за правого, то из-за левого ее плеча показывался виляющий хвост. Похоже, что девушка немного нервничала. Разговор продолжила Ольга Андреевна:

– Нет, так мы его пугаем. Надо мягче.

Она приблизилась к сидящему на стуле Владимиру.

– Ну, расслабься, не дрожи. Мы просто русалки. Это какой-то идиот нарисовал один раз бабу с рыбьим хвостом, ему якобы священник запретил нас изображать с настоящим, а то у него ассоциации с членом возникали. На самом деле, хвост как хвост, эрогенных зон на нем нет. Конечно, запихнуть куда-нибудь его можно, но удовольствия никакого. Хочешь потрогать? – Ольга Андреевна повернулась боком, и кончик хвоста с кисточкой приблизился к лицу юноши.

Пахнуло дорогими духами. Владимир сидел как пришибленный, он разглядывал повиляющий шарик из черных кучерявых волос, сквозь которые просвечивала белая кожа. Женщина помахала ароматным кончиком перед лицом молодого человека и убрала хвост.

– Он все-таки мой парень. Ты же меня любишь? Погладь мой хлыстик. Не бойся, я за ним ухаживаю, видишь какой он гладенький. – Кристина повернулась спиной и положила хвост на колени Владимиру. – Ну же, потрогай!

Испуг и удивление довольно быстро сменились ярким возбуждением. Сильно волнуясь, Владимир дрожащими пальцами осторожно провел по хвосту.

– Муррр, как приятно. Ну погладь еще, – сладко пропела девушка.

Владимиру понравились ощущения. Кожа была приятная на ощупь: теплая, упругая и пахла так же, как и вся Кристина. Он возбудился до предела, взял хвост двумя руками посередине, как колбасу, и, слегка сжимая, медленно провел к сужающемуся кончику. Позвонки чуть-чуть прощупывались, но в основном ощущалось только подрагивание тугих мышц и небольшая пульсация сосудов под тонкой кожей. В какой-то момент он, видимо, слишком сильно сжал хвостик, так что Кристина взвизгнула, и податливая колбаска стала вдруг жестким прутком, резко выскочившим из рук Владимира. Ольга Андреевна бросилась на защиту подруги.

– Я не хотел, я случайно, прости! Кристина, мне просто интересно, это так здорово, – забывая слова, взмолился юноша.

– Мне вот только не очень интересно! – отрезала Кристина. – Больно же!

– Вот так всегда, доверишь мужчине самое ценное, а он только и может, что боль причинить. Надо переходить к сути дела, – Ольга Андреевна, говоря это, стала обходить стул, на котором сидел ошеломленный Владимир. – Ты что думаешь, увидев все это, тебе удастся кому-то рассказать про нас?

– Я клянусь, что никто и никогда не узнает. Поверьте мне, пожалуйста. Кристина, нам же так хорошо вместе. Что вы хотите сделать?!

В руках Ольги оказался моток упаковочной липкой ленты.

– Подожди, – Кристина обратилась к женщине, – может, напоследок позабавимся с ним?

– Не вижу никаких проблем, только сначала зафиксируем нашу чувствительную жертву.

Ольга Андреевна со скрипом отделила липкую полоску скотча от тугого мотка, перекинула ее через голову молодого человека и стала крепко приматывать грудь Владимира к спинке стула так, чтобы руки его оставались лежать на коленях. Кристина развернулась и принялась перебирать бумаги на стеллаже, стоявшем у стены напротив лица юноши.

– Вот нашла!

Девушка выдернула с полки какую-то бумажку, при этом несколько листков упали на пол. Она присела чтобы поднять их, но, перехватив направление взгляда Владимира, передумала. Кристина кокетливо обернулась через плечо, посмотрела молодому человеку в глаза и улыбнулась. Она встала напротив стула спиной к сидящему молодому человеку, широко расставила прямые красивые ноги и, выгнув спину, оттопыривая попку с высоко поднятым хвостом, стала медленно нагибать вперед верхнюю часть тела так, что ее ягодицы приближались к лицу Владимира, а хвостик девушки задирался все выше и выше. Владимир смог убедиться, что анатомия русалок под хвостом ничем не отличается от женской. От крайнего возбуждения он кончил на месте, что не прошло незамеченным для Ольги.

– Начало хорошее, его связывают, а он оргазмирует. Кристина, дай сюда бумагу. Пусть подпишет. Сейчас он готов на все!

Кристина выпрямилась, развернулась и положила листок бумаги на колени Владимиру. В правую его руку она сунула авторучку. На листке большими буквами было написано «ЗАВЕЩАНИЕ». Внизу уже стояли печать и подпись нотариуса.

– Подпиши, пожалуйста, дорогой, – абсолютно невинно промурлыкала девушка.

– Что это? Что я должен завещать?!

– Все уже оформлено. Не переживай, кроме квартиры у тебя все равно ничего нет, подписывай. Какая тебе будет разница после последнего оргазма, кому твое имущество достанется, – говорила Ольга, продолжая приматывать Владимира к стулу.

– Вы меня убьете?

– Глупенький, – Кристина поцеловала его в губы, – мы умеем это делать так, что ты испытаешь феерический оргазм и уже ничего после этого никогда не ощущаешь. Это мечта каждого!

Девушка провела вытянутым язычком по кромке губ молодого человека, тот слегка дернулся головой. Она продолжала:

– Ты же понимаешь, что все когда-то умирают. Поверь, так будет лучше. Подписывай уже, не забудь написать полную расшифровку инициалов. Я вижу, что ты уже готов испытать последнее счастье, – Кристина закончила говорить, трогательно поцеловав молодого человека в лобик.

Неожиданно сверху послышался шум, похожий на быстрые шаги, что-то грохнуло, и как будто этажом выше стали двигать и ронять мебель, слышались звуки бьющегося стекла. Кикиморы застыли и посмотрели на потолок. Люстра в коридоре слегка покачивалась.

– У нас же последний этаж, – сказала Кристина, – что там наверху?

– Там чердак. – Ольга Андреевна накинула откуда-то взявшийся халатик. – Займись им, я посмотрю, кто там.

Она запахнула халат, надела тапочки и вышла в подъезд. Кристина наклонилась к уху Владимира и зашептала:

– Я помогу тебе, не вини меня, это она заставила меня все сделать. Сейчас она вернется и остановит твою жизнь. Давай я разрежу скотч, и ты убежишь. Только чтобы она не убила меня, я должна буду показать ей подписанное завещание.

– Но завещание не будет действовать, пока я жив! Ты обманываешь меня! Вы все равно меня убьете, – с дрожью в голосе сказал Владимир.

– Не веришь? Я тебе докажу, смотри, – она взяла канцелярский нож и стала медленно резать липкую ленту прямо на Владимире вместе с одеждой, до крови прорезая острым лезвием кожу на его груди.

Шум сверху стал сильнее, вдобавок послышались голоса, как мужские, так и женские. Слов было не разобрать, понятно было лишь, что люди кричат друг на друга. Кристина прислушалась. На улице завыла сирена. Русалка поспешила к кухонному окну посмотреть, что там. Кончик ее хвоста нервно подрагивал.

Так как корпус Владимира оказался частично освобожденным, то он смог нагнуться вперед и встать вместе со стулом. Примотанными оставались лишь поясница и зафиксированные в локтях руки. На полусогнутых ногах мелкими шагами он дошел до двери в подъезд, толкнул ее лбом, дверь открылась. Владимир набрал в легкие воздух и что было сил крикнул в открывшееся пространство: «Помогите!»

Юноша шагнул вниз на лестницу, но примотанный стул помешал ему, он кубарем скатился вниз на один пролет. Он дико орал, так как бился о ступеньки ребрами, ногами, руками и головой. Где низ, где верх, он уже не понимал. Какие-то люди пробежали мимо него по лестнице к выходу из подъезда. Потом он различил лица Ольги Андреевны и Кристины, они поспешно убирали скотч и освобождали от стула своего пленника. Обе они были в домашних халатах. Он лежал в неестественной позе и дергался, пытаясь встать, но, похоже, ноги были сломаны, было тяжело дышать, кружилась голова. Подошли люди в форме, это была полиция.

– Вот смотрите! – громко говорила Ольга Андреевна. – Что хулиганы устроили! Избили и столкнули с лестницы друга племянницы. Что? Заявление? Напишем, все напишем! Он

разбираться пошел, кто там на чердаке топает, а они, смотрите, что с ним сделали! Изуродовали парня, неизвестно, выживет ли еще! Что вы стоите, догоняйте их!

Единственное, на что хватило сил у Владимира, так это намертво вцепиться пальцами в штанину полицейского. Говорить он был не в силах. Скорая помощь приехала достаточно быстро, с помощью полицейских его погрузили на носилки и отправили в больницу.

XIV

В больнице выявили множественные переломы ребер, сломанный таз и сотрясение мозга. Лечиться пришлось целый месяц. Естественно, что его никто не навещал. Только один раз пришли коллеги с работы. Воспоминания были противоречивые, он с восторгом и сладострастием вспоминал двух фантастических женщин, но с ужасом представлял, что они хотели его убить. В конечном счете никакого заявления в полицию он не писал, а хвосты решил считать галлюцинацией, так было спокойней. Он подумывал, что все-таки не надо было рассказывать Кристине про цузамеров, жили бы себе как обычные люди, может, семью создали бы.

Через пять недель, слегка прихрамывая, он пришел домой. В квартире было все по-старому, только слой пыли стал заметнее, а одиночество более отчетливо скребло ребром по сердцу. Даже в больнице было не так тоскливо.

Больничный продолжался. По утрам, разминая ноги, Владимир начал обходить свои старые места. На переходе все было как обычно, ортцайт принял его и согрел легким пощипыванием боковых сенсоров.

Владимир заходил в кафе, никакой Кристины там не было... Продавщица покрутила пальцем у виска и сказала, что не знает никаких Кристин. Он даже зашел в подъезд, в котором с ним произошел несчастный случай. Дверь в квартиру на пятом этаже никто не открывал, а свет в окнах не включался ни днем, ни ночью. Он несколько раз встречал автобусы на остановке, но никто знакомый в них к нему не приехал.

Оставалась одна радость – пешеходный переход. И Владимир опять ходил по нему взад и вперед, обмениваясь сигналами. Но прежнего восторга он уже не ощущал. Дело было в том, что однажды он испытал более яркие чувства и вновь стремился к ним, но ничего похожего окружающий мир ему дать не мог. Вспоминались мгновения, которые произошли в квартире на пятом этаже. Это был почти животный страх, смешанный с восторгом и предчувствием эйфории, наверное, он много бы отдал, чтобы пережить снова те минуты. Ему очень хотелось погладить еще раз загадочный хвост Кристины. Молодой человек склонялся к мнению, что зря он тогда испугался и убежал, надо было делать все, что требовали женщины. Глядишь, не маялся бы так сейчас.

Он вспомнил то место, где Авсень обронил свой топор, и пролез через кусты на знакомую полянку. Газон давно никто не подстригал. Владимир грустно вздохнул, потоптался на месте. Пустота и тоска заполняли его сердце. Вдруг под ногами блеснул белый квадратик. Он нагнулся и поднял его. Это был ключ от ящика временного хранения в магазине. На белой пластмассе была нарисована цифра шесть. На обратной стороне – название супермаркета.

– Это же ключ от того ящика, где я оставил сумку с планшетом!

Владимир бросился через кусты в сторону торгового комплекса. Время было около восьми вечера, и магазин был открыт. Молодой человек поспешил подняться по ступенькам, зашел в холл, нашел ящик с цифрой шесть и дрожащими руками открыл его. В нем лежала его сумка и, судя по весу, все содержимое было на месте.

Придя домой, Владимир достал планшет, внимательно осмотрел его. Ничего необычного он не обнаружил; попытался включить его, но аккумулятор был разряжен. Юноша подключил провода и еще раз нажал на кнопку запуска. Пока планшет загружался, молодой

человек успел проверить все карманы сумки. Все было как раньше, даже его старые бумажки были на месте. Наконец, устройство было готово к работе, экран светился. На рабочем столе не было ни одного ярлыка. Кто-то поменял заставку, теперь она представляла собой красивый скан завещания. Владимир узнал свою подпись над заверяющей печатью нотариуса. Он тупо уставился в экран, мыслей не было. Стояла мертвая тишина, сквозь которую послышались легкие шаги на лестнице в подъезде. Внезапно раздался звонок в дверь. Молодой человек вздрогнул от неожиданности, он не слышал этого звука очень давно. Кнопку за дверью продолжали нажимать. Владимир по привычке стал считать раздающиеся сигналы. После шестого звонка вновь повисла тишина. Кто-то за дверью не спешил уходить.

Часть пятая

Промывка

Был вечер понедельника. Я разглядывал в бинокль окна дома напротив. Все было как обычно, чудившееся поначалу богатым разнообразие мистерий в замкнутых коробках на деле оказалось скучным набором унылых спектаклей. Все играли свои закрепленные за ними роли по какому-то бездарному сценарию. Но стоит отметить, что актеры были талантливы, они так искусно день за днем повторяли свои монотонные интермедии, что заподозрить их в халтуре было невозможно. Хотя, наверное, не обошлось без мастерства режиссера.

Лену после операции по имплантации кубиков привез домой Денис. Она была немного не в себе, видимо, после наркоза. Ден сообщил, что все прошло успешно, завтра ей уже можно будет вставать, но лучше пусть побудет дома дня три, а за кошачьей фермой он сам присмотрит. Но жена, лежа в кровати, держала его за руку и не отпускала. Денис пытался убрать свою руку, и втиснуть Лене в ладонь мою, но она отталкивала меня и, похоже, бредила. Она говорила только одно: «Денис, не уходи, останься со мной». Я не стал сопротивляться воле супруги. Денис выглядел немного виноватым, но согласился подежурить рядом с ней.

Я показал другу, где лекарства, чайник, холодильник и туалет, а сам пошел спать в свою мастерскую, которая давно стала моим единственным прибежищем в квартире. Денис остался ночевать в Лениной комнате.

Ночью позвонил Валера. Он сказал, что завтра с семи утра начнется процедура. Решили, что я укажу актиниям на машину Комоквы, они будут его загонять в какую-то лузу, я могу следовать за ними, но вмешиваться буду, только если они мне позволят. Никаких других объяснений он мне не дал.

Я вышел из дома на час раньше условленного времени, надо сказать, я волновался. К моему удивлению, актинии уже стояли по местам, я сразу обратил внимание на машины, которых в нашем дворе раньше не было: все выезды и въезды были блокированы небольшими сиреневыми седанами. Мне нужно было ждать появления Комоквы в своем автомобиле, чтобы дать сигнал девушкам. Дальнейшая моя деятельность зависела от ситуации.

Этот мелкий злодей никогда не выходил из какого-то подъезда, просто возник из глубины двора и сразу оказывался у своей машины, которая терялась в куче запаркованных автомобилей. Также внезапно появившись, Комоква, похоже, сразу почувствовал неладное. Он шел пригибаясь и оглядываясь, заметив меня за рулем, натужно улыбнулся издалека и ускорил шаги. Я в ответ показал ему кулак с оттопыренным пальцем и со всей силы нажал на центр рулевого колеса. Пронзительный долгий сигнал оглушил сонный двор. Комоква кинулся к своей машине, поспешно завел ее. Сиреневые авто стояли на месте. Только после того, как тонированный автомобиль начал движение по двору, к нему сзади начали подтягиваться авто актиний, ехать начали только те, кто стоял в проходах, от которых Комоква удалялся, таким образом, в узких дворовых проездах у него была одна дорога – к стоящей впереди перекрывающей выезд сиреневой машинке. Дождавшись, когда черный автомобиль приблизится, актиния неспешно поехала вперед, оставляя дистанцию с совиным вором не более трех метров, как бы указывая ему путь. Машинки, ехавшие сзади, выстроились в хвост Комокве, и если он притормаживал, то недовольно сигналили, и он вынужден был двигаться за передней машиной. Я тоже тронулся за процессией. Как только мы

выехали со двора, на улице обнаружились еще четыре сиреневые автомобильчики, они пристроились по бокам от Комоквы, теперь он ехал в плотном окружении актиний. Этот кортеж неторопливо двигался по проспекту, оставив для проезда лишь одну полосу слева. По ней несколько машинок из хвоста обогнали процессию, последняя подменила головной автомобиль. Остальные умчались вперед, видимо готовить место, где собирались промывать Комокву.

Я ехал в конце процессии, за нами стала собираться пробка, но это совершенно не волновало девушек. Через несколько километров актинии начали прижимать вправо плененный автомобиль. Одна из передних машин повернула, а другие блокировали дорогу для прямого проезда, загнанного Комокву заставили последовать за свернувшей вправо машиной на небольшую улицу. Теперь конвой ехал гораздо плотнее, умудряясь поместиться в три ряда на двухполосной узкой дорожке. Актинии сигналили встречным, вынуждая их запрыгивать на тротуар или сворачивать во дворы. Все вместе въехали на огороженную стройку, ворота которой были открыты. Дорога закончилась, она упиралась в свежевырытый котлован под фундамент большого дома. В огромную яму был организован съезд, кое-где вдоль земляных стен уже начали устанавливать и обваривать арматуру. В котлован, загоняя Комокву, съехали две машинки актиний. Теперь внизу катились три автомобиля: один черный и два сиреневых.

Я услышал сзади неожиданное короткое завывание пожарной машины, прижался вправо и остановился. Меня обогнала огромная пожарная автоцистерна, выкрашенная в такой же сиреневый цвет. Я заглушил двигатель и вышел из машины, несколько девушек также парковались и покидали свои авто. Они были одеты во все сиреневое: обтягивающие лосины и элегантные курточки. На голове у них были сиреневые бейсболки с изображением красивого цветка с длинными извижающимися лепестками, в самом центре вместо пестиков и тычинок располагался анус, я догадался, что так выглядят настоящие актинии в природе. Пожарная машина остановилась у края котлована, оставляя открытым выезд из ямы. Все кто уже покинул свои автомобили подошли к кромке обрыва и встали вокруг пожарной машины. Внизу кругами катились две актинии и Комоква, он хотел прорваться к выезду, но сиреневые авто препятствовали этому. Они теснили его в угол котлована, где лежала гора еще не смонтированной арматуры.

Как оказалось, на пожарке приехали Валерка с Отцом, батя был за рулем. Он вылез из кабины и с легким матерком полез на крышу машины, на которой находился брандспойт, выполненный в виде пушки. Сужающее дуло было грозно направлено в небо. Валерка тоже покинул салон специально оборудованного автомобиля и начал подключать к цистерне, расположенной за кабиной, пожарные гидранты, которые, оказывается, были заранее разложены по верхнему периметру всего котлована. Мне оставалось только таращиться на это удивительное действие.

Тем временем отец уселся на место оператора водяной пушки и включил брандспойт. Он начал прицельно бить водой по машине Комоквы, целя в лобовое стекло. Струя была такой силы, что выбивала из земли камни и двигала валяющиеся металлические прутья, похоже, лобовуха у черного автомобиля треснула. Совместными усилиями тонированную машину загнали на кучу арматуры, сиреневые авто поспешно выехали из котлована. Брандспойт сразу же принялся размывать землю на выезде, чтобы пленник не смог вырваться. Комоква вдобавок порвал колеса о края острых металлических прутьев, потому с трудом съехал с кучи металла и застрял на спущенных колесах посередине ямы. Валерка обежал котлован и заскочил в какую-то будку, куда сходилось несколько рукавов гидрантов. Как я понял, шланги, кроме пожарной машины, были еще подключены к централизованной системе водоснабжения на стройке. Сын дворника через секунду выскочил из будки, гидранты стали наполняться водой, он подбежал к огромному вентилю, который выглядел как штурвал древнего парусного судна, принял позицию, вцепившись руками в этот руль. Акти-

нии равномерно рассредоточились по периметру и взяли в руки шланги с такими же сужающимися наконечниками, как на брандспойте у Отца. Тот перекрыл поток воды из своей пушки, поднял руку, все замолкли. Широко округляя и растягивая бесконечную «О», отец громогласно, как ветер в канализации, провыл: «Въяби-ко, сыно-ок, по полной!»

Валерка, быстро перебирая руками, начал откручивать вентиль, кто-то из актиний включил в своей машине громкую торжественную музыку. Отец опять врубил свой брандспойт. Из стволов в руках девушек брызнули тугие мощные струи. Все эти потоки воды были направлены в одно место – на машину Комоквы.

Одна девушка снимала все происходящее на видео. Она, улыбаясь, подошла ко мне, сняла с себя бейсболку, освободив свои длинные выющиеся белые локоны, и напялила сиреневую кепку с изображением актинии на мою голову. Я не сопротивлялся. Меня переполнило чувство восторга: вот оно возмездие и справедливость. Причем месть осуществляется красивыми людьми, уверенными в своей правоте. Глядя на одухотворенные светящиеся лица девушек, которые с увлечением поливали черную машину, я, не сдерживая эмоций, крепко обнял актинию с видеокамерой и поцеловал ее, потом подобрал свободный шланг, открыл задвижку на наконечнике и тоже направил струю на нашу жертву.

Достаточно быстро вода поднялась до середины колес машины пленника, к тому же земля вокруг автомобиля размывалась, и он потихоньку зарывался в рыхлый грунт. Оттаявшая после зимы почва и так бы засосала машину в себя, но сейчас этот процесс ускорялся. Через пятнадцать минут, когда на дне котлована уже не оставалось сухих островков, когда машина присосалась всем кузовом к земле, а вода стала заливаться в салон, Комоква открыл дверь. Он вылез из машины и пытался бежать к выходу наверх, но струи брандспойтов сбили его, он барахтался в грязи и воде, пытался то ли ползти, то ли плыть, но девушки пресекали попытки его продвижения. Наконец он взмолился. Пищащим противным голосом он закричал из ямы:

– Что вы, суки, от меня хотите?

Не прекращая лить воду, струи отодвинулись от грязной фигуры Комоквы. Ему удалось встать по колено в липкой жиже.

– Верни сову, – крикнул я.

– Верну, только отстаньте, у меня ее с собой нет, но я обещаю.

Одна из девушек – та, с которой я беседовал в кафе, крикнула:

– Отстань от Максима, перестань требовать с него шапки, он согласен вернуть тебе все монеты, если перестанешь его преследовать.

– Я же инвалид, на учете стою в специальном учреждении, пожалейте, на что я жить буду? Но если он вернет монеты тому, кто скажет, что это его товар, тогда я смогу отстать от вашего соваковода, с меня же тоже взносы начальство требует.

– Справедливо, – крикнула одна из актиний, – это бизнес, договоренности должны выполняться: пусть Максим отдаст все монеты тому, кто согласится их принять, а этот мокрый пусть вернет сову, тогда порочный круг разорвется, и все вернется к первоначальному состоянию.

– Сейчас разберемся! Иди сюда, инвалид, – прокричал Валера.

Комоква с трудом выбирался из котлована, с его мокрой одежды сыпались разные монеты. Он поднялся на поверхность и пошел к Валере, мрачно поглядывая на меня. Одна из девушек нагнулась, чтобы поднять монетку, которую обронил Комоква.

– Не трогать! – рявкнул отец. – Это говно, не промоешься опосля.

При этих словах, деньги из пленника посыпались в два раза больше.

– Перестань срать! – отец направил выключенный брандспойт на Комокву.

Тот поежился и перестал сорить деньгами.

Одна из актиний подошла к Комокве и разорвала мокрую рубашку у него на груди. Прямо на месте солнечного сплетения располагался большой глаз, размером с куриное яйцо, который не двигался и не моргал. Век и ресниц у него не было. Он не выглядел живым, а смотрелся как затычка от слива в ванной. Вместо сосков у Комоквы торчали какие-то ороговевшие крючки, а из пупка вываливалась малюсенькая опухшая писюлька.

Отец крякнул. Валерка зашел сзади, он завел руки Комоквы за спину и удерживал их. Актиния, немного повозившись, вытащила шар, раскрашенный под глаз, из солнечного сплетения. Оказалось, это была просто пробка, которая затыкала рот, полный мелких зубов и имеющий два языка, сверху и снизу, которые жадно и волнообразно извивались, пытаясь протолкнуть внутрь все, что могло оказаться рядом. Это отверстие открывалось сразу в желудок Комоквы. Тот завопил:

– Я же говорю вам, что я инвалид, верните глаз, берите что хотите, но верните глаз.

– Может промыть его? – предложила одна из девушек.

– Нет смысла заливать ему этот рот. Надо заткнуть эту дыру и работать с прямой кишкой, – сказала другая. – Мы с вторичным ртом боремся, а у него еще и третий есть. Он опасный мутант!

– Я опасаюсь, что здесь не все так просто. Может, он действительно инвалид, – сказала девушка, которая все фиксировала на видео.

– Мы оставим глаз у себя, а ты сам принесешь сову в обмен на свой артефакт. Идет? – актиния, которая выдернула из отвратительного рта шар, передала его Валерию.

Комоква закивал головой. Валерка отпустил его и сунул трофей в карман. Инвалид поспешил запахнуть рубашку, которая стала шевелиться на груди из-за выпадающих изо рта языков, и бегом припустился к ближайшим кустам.

Я, все еще находясь в каком-то приподнятом и одновременно ошарашенном состоянии, спросил у друга:

– Валер, ты так спокойно его отпустил. Тебя ничего не удивило? Рот этот, например?

– А чему тут удивляться? – ответил Валера, – сейчас каких только уродов нет. Я вон случайно в интерне наткнулся на сайт, на котором предлагают операцию по наращиванию ушей. В смысле, как у эльфов, такие вытянутые вверх, чуть оттопыренные. Если Дениса послушать, то они с твоей женой вообще пальцы на ногах отрезают. А этот просто сделал себе еще один рот. Что такого-то?

Актинии согласованно сматывали гидрант и наводили порядок на площадке, через пятнадцать минут поле битвы было пустым, все разъехались.

Утром следующего дня Комоква ждал меня около подъезда. Он был на другой машине и стоял, опираясь на переднее крыло автомобиля. Нужно сказать, что он не выглядел сильно расстроенным, может быть, немного озабоченным.

– Где глаз? – спросил он.

– А где сова? – невозмутимо ответил я вопросом на вопрос.

– В машине, но сначала покажи глаз.

Я набрал Валеру, тот сказал, что глаз он оставил у отца в гараже вместе с артефактами актиний. Если мы сейчас подъедем, то можно будет провести обмен. Я объяснил Комокве, куда надо ехать, чтобы без отлагательств вернуть наши отношения в исходную позицию. Тот был готов обменяться, но недовольно проворчал:

– Учи, что ты мне все равно будешь должен. Ты же помнишь про монеты и шапки. Проценты составили на сегодняшний день уже десять шапок. С каждым днем ты будешь мне должен все больше, это даже твои чертовки подтвердили.

– Хорошо, разберемся. Поехали меняться, – сказал я.

Понятно было, что проблема остается, но хотя бы Сварог будет со мной.

Мы быстро доехали до гаражного комплекса, каждый на своей машине. На подходе к заветному боксу нас ждал Валера. Комоква вылез из машины и вытащил с заднего сидения мешок, похоже, что за все это время он не доставал из него птицу и не кормил ее. Валера открыл дверь гаража и впустил нас внутрь. Он включил свет и взял с полки трофеиный глаз.

– Давай птицу, – сказал я.

Комоква вытряхнул из пакета несчастного Сварога, птица упала на бок и с трудом, махая одним крылом, встала на лапы. Вид у моего питомца был сильно потрепанный.

– На, заткни свою пасть, – Валера протянул Комокве глаз.

Тот бережно взял протянутую ему вещь. Он расстегнул рубашку, на нас смотрел новый, но уже золотой глаз. Старую свою пробку он поднял в руке над головой и покрутил. Вышло так, что глаз осмотрел все помещение. Валерка нахохлился, взял метлу и погнал ею наглого Комокву. Тот, ухмыляясь, попятился спиной. Выйдя за дверь, он быстро юркнул в машину и не мешкая уехал.

Остаток недели я лечил и откармливал Сварога. Одно крыло у птицы было сломано, пришлось ехать к ветеринару и фиксировать поврежденную конечность. Естественно, ни о какой охоте речи не было, к тому же на улице было тепло и людей в шапках не осталось. Сова, несмотря на хорошее питание, становилась все более унылой и апатичной. В клинике мне сказали, что было бы неплохо переместить питомца в естественную среду к собратьям, где он сможет найти себе пару и вместо шапок начнет ловить себе нормальную еду.

Грустная пятница

В пятницу я не поехал на пивную встречу. Во-первых, надо было заниматься птицей, во-вторых, Валерку я видел недавно, в-третьих, Денис поселился в комнате у Лены, поэтому излишней потребности в общении с ним я не испытывал. Денис же съездил в пятницу на встречу с Валерой, он вернулся за полночь, наполняя квартиру пивным духом. В комнате моей супруги сразу почувствовалось оживление, оттуда стали раздаваться смех и веселые голоса. Я старался им не мешать, видно было, что у них все хорошо. Меня они как будто не замечали, ну и ладно, я тоже не испытывал желания видеть их. Общества совы мне вполне хватало, к людям, в любых их проявлениях, я перестал испытывать интерес.

Грустная неделя

Утром вторника Комоква как ни в чем не бывало стоял, опершись задницей о капот моей машины, и ждал меня.

– Ты помнишь про свой должок? – спросил он.

– Как ты мне надоел. Тебе что, мало попало? Я ничего не должен, – ответил я.

– Должен, а возвращать начнешь прямо сейчас.

Он вытащил из кармана монетку, провел ее ребром, сильно надавливая, по крылу машины, а потом кинул мне. Я рефлекторно поймал кусочек железа, это была какая-то иностранная красивая денежка.

– Вот видишь, система работает, оставь кругляшку себе, а то мне она уже не нужна, – он хитро улыбнулся.

Я бросил монету в него, она ударила о его плечо и отскочила в щель между лобовым стеклом и крышкой капота. Почему-то мне показалось, что Комоква изменился, даже будто это не он, а кто-то очень похожий на него – один из представителей этого отвратительного вида животных.

– Условия не изменились: либо ты даешь мне то, что я захочу, либо ты отдашь все полученные деньги тому, кто является их истинным хозяином, – он оторвал задницу от моей машины и неспешно удалился.

Чувствовалось, что сюсюкаться со мной не собираются. На следующее утро все бока моего автомобиля оказались исцарапаны. Пришлось ставить машину на стоянку, пока мне не проткнули колеса и не разбили фары и стекла.

Сварог чувствовал себя неплохо, он ел все подряд и стал прибавлять в весе, но все время сидел нахолившись. Какая-то неописуемая грусть в птичьих глазах мучила меня. Она отзывалась во мне так, что я, глядя в зеркало по утрам, видел в отражении не свое лицо, а несчастную сову. Мы страдали вдвоем, оказалось, что это не так уж и отвратительно, когда плохо не тебе одному, а еще кому-то рядом. Мне нравилось такое оправдание эгоистического страдания, я подумывал уже над тем, как мне подключить к этому делу Лену и Дениса.

Страстная пятница

Валерка позвонил в пятницу днем и сказал, что я не должен нарушать чердачные традиции, он настаивал на том, чтобы я приехал. Пришлось согласиться, я не мог ему отказать, ведь он вернул мне сову. Вечером я был на месте.

– Валер, может, нам промыть Денису мозг или еще какое-нибудь место, – я с иронией в голосе обратился к другу, сидящему с пивной бутылкой в руке. – Кроме того, что он занимается экспериментами с моей женой, хочет еще какие-то имплантанты насовать в руки и ноги другим людям, мучает котят, так сейчас вообще поселился у меня дома. Когда я прихожу вечером с работы, он сидит уже выпивши перед моим телевизором в обнимку с женой. Пока что тоже моей. Мы можем как-то прекратить это безобразие?

Денис молча потягивал пиво и смотрел в окно. Валерий рассудительно ответил:

– Ребята, это ваше дело, я тут ни при чем, даже с актиниями не буду советоваться. Мне кажется, что твоя жена должна определиться, с кем она хочет жить, а с кем нет.

– Ей очень удобно жить с двумя, – сказал я.

Денис, наконец, развернулся к нам своей накачанный корпус и произнес:

– Думаю, что она уже определилась, Максим. Да, наверное, с моей стороны, было не очень красиво жить у тебя, но после операции Лене нужна была помошь, а на ферме нет таких условий. Я в ближайшее время наведу там порядок. Лена пока не знает, но я хочу перевезти ее туда жить, ей будет удобно рядом с операционной.

– Да что ты, не надо таких жертв, я сам куда-нибудь денусь. Считаю ниже своего достоинства ютиться в закутке в доме с придурками, – я уже начал заводиться.

– Не надо оскорблений, Максим, – Денис былдержан, но видно было, что он напряжен, – если смотреть правде в глаза, то придурок – это ты. Возиешься со своей сорой, по ночам шапки воруешь и пьянствуешь. Конечно, Лена хочет нормального парня, а не такого «со странностями».

– Ладно, я хотя бы с сорой время провожу, а вы над котятами издеваетесь! Чем вы лучше?

– Мы над ними не издеваемся. Мы удаляем у них все лишнее и продаем за большие деньги то, что остается. Это бизнес, а вы с сорой – придурки. Особенно ты! – физически сильный историк указал на меня пальцем.

Я не выдержал и плеснул в Дениса пивом. Он удивленно развел руки в стороны, осмотрел свою мокрую майку и кинул в меня стеклянную кружку, мне удалось увернуться. Денис встал с дивана и стремительно направился ко мне в обход стола. Воевать со спортсменом желания не было, я встал со стула, на котором сидел, и метнул им в Дениса. Стул пролетел справа от головы здоровяка, задев ножкой за его плечо, после чего с грохотом приземлился на столик с компьютером. Культурист, не дрогнув, потянулся за другим стулом. Валерка бросился к нему и вцепился в мебель, которая уже была готова полететь в меня. Денис стал выдергивать стул из рук Валеры, тот уперся одной ногой в стол, который поехал вместе с моим защитником. Денис дернул резче, он видел, что я захожу с другого бока. Стол с пивом и закусками соскользнул с настила и, перевернувшись, грохнулся на грязный пол чердака. Стул просвистел у меня над головой и ударился о стену. Валерка склонился над перевернутым столом и кричал нам, чтобы мы прекратили безобразие, он поднимал бутылки с пола и кидал в Дениса, часть из них достигала цели, а часть разбивалась о стену за ним. Денису было все равно, он приподнял старый диванчик и, жутко матерясь, кувыркнулся в нашу сторону. Диван пару раз перевернулся и прижал ногу Валерке, я бросился освобождать друга и попал под кулаки спортсмена.

Он был не сильно, в основном по корпусу, видимо, соображал, что при желании сможет легко отмутузить меня до смерти. Я схватился за опрокинутый диван и получал удары по ребрам и под дых. Наконец Валерка освободил ногу от веса дивана и начал в свою очередь колотить Дениса. Тут в дверь чердака громко постучали, после чего она открылась, оказывается, мы забыли запереться. На пороге стояла какая-то тетка в домашнем халате и благим матом крыла нас. Ей было все равно, кто мы и чем занимаемся. Она орала, чтобы мы замолчали и вели себятише, а то жители подъезда могут вызвать полицию. Казалось, что приезд патруля ее пугает больше чем нас. Как ни странно, вдалеке послышалась полицейская сирена. Тетка развернулась и исчезла в подъезде, там послышались зверские крики и какой-то грохот. Мы застыли и посмотрели друг на друга.

– Все, валим на хрен отсюда, – сказал Денис. – Допрыгались!

Он помог мне распрямиться и подтолкнул к выходу, за ним торопился Валера, он звонил ключами и закрывал за собой дверь. Тетки след прости. В подъезде между этажами лежал какой-то человек в неестественной позе с примотанным скотчем стулом. Лицо было повернуто вниз, кто это – разглядеть не было возможности. Мы друг за другом перепрыгнули через него и скоро были на улице. Мигающие синие лампочки на крыше машины, въезжающей во двор, придали нам ускорение.

– Давай к гаражам, – крикнул Валера.

Мы побежали через кусты к гаражному комплексу, где был бокс Валеркиного отца. Как только мы оказались в безопасности и поняли, что за нами никто не гонится, Денис сказал: «Я больше не с вами. Хватит этого ребячества и беготни по подворотням, дальше без меня, пожалуйста». Он развернулся и пошел в сторону освещенной улицы. Мы даже не попрощались.

– Вот еще один откололся и не будет больше приходить пить пиво по пятницам, – Валерка вздохнул. – Пойдем, хоть умоешься.

Мы завернули за угол. Гараж дворника был шестым по счету, под дверью его терлись какие-то мальчишки в спортивных костюмах с капюшонами. Они были как две капли воды похожи на Комокву, даже, по-моему, один из них был точно он.

Столба на землю свисали провода, их только что подсоединили, чтобы подключить режущий инструмент и вскрыть гараж. Уже жужжала шлифовальная машинка и от металлической двери отлетали искры. Валерка бросился было на компанию взломщиков, но тут же отпрянул, ему навстречу встали два шкета. Один угрожающе размахивал работающей болгаркой, а другой высекал ослепительные искры, направляя на нас электроды от сварочного аппарата.

Валера дал мне свой телефон и сказал: «Найди в контактах группу актиний и сделай рассылку всем, включая отца, что ломают гараж». Сам он подобрал палку и двинулся навстречу противникам.

Пока я возился со смартфоном, около гаража разгоралась нешуточная битва. Валерка махал палкой, против него стоял низкорослый сварщик, тем временем второй Комоква болгаркой пилил замок на двери бокса. Комоквы прибывали, еще один спрыгнул с крыши комплекса, второй спустился со столба. Они начинали обступать Валерку, но тот не подпускал их близко, размахивая палкой. Наконец я отправил текст сообщения всем актиниям. Пока соображал, где бы мне взять подходящий инструмент, чтобы вступить в битву, раздался звонок. Звонил Валеркин отец на мобильный своего сына. Я ответил, через мат удалось разобрать, что он хочет уточнить, что происходит и нужна ли его помочь. Я объяснил, что комоквы пилият дверь в гараж, а мы с Валеркой пытаемся отбиться. Связь на том конце отключилась.

Я взял строительный кирпич и, издав жуткий воинственный клич, бросился на помощь Валерке. Он уже стоял прижатый к стене соседнего гаража и отмахивался палкой от облепивших его взломщиков. Сварщик увидел меня, повернулся в мою сторону и приветливо

направил ко мне электроды. Я подбежал ближе и бросил в него кирпичом. Камень попал ему в грудь, коротышка упал на спину, уронив провода. Я ворвался в толпу и начал лупить кулаками по спинам и затылкам окруживших Валерку, но комоквы все прибывали. Откуда-то из темноты между гаражами они высакивали на помощь своим отморозкам, некоторые спрыгивали с гаражей, мне даже показалось, что один вылез из-под крышки канализационного люка. Вскоре мы вдвоем стояли рядом, отбиваясь ногами и руками, некоторые комоквы тоже взяли палки и пытались ими тыкать нас. Мы по очереди уворачивались от метких попаданий палками и помогали, как могли, не упасть друг другу. Отбиваться практически не получалась, мы пытались в основном блокировать удары, но не успевали среагировать на такое количество тычков. Рядом со мной о стену ударился брошенный кирпич. Мы были в шаге от поражения, когда из-за угла гаражного комплекса появился стремительно приближающийся луч фонаря.

Это бежал Валеркин отец. Он был в своем фартуке, борода от быстрой ходьбы легла на плечо. В левой руке он держал мощный фонарь, который освещал поле битвы, в правой – сжимал метровый обрезок жесткого резинового шланга. Уж не знаю, успел он вставить в него арматуру или нет, но по виду инструмент был увесистый. Отец крест-накрест махал им по спинам комокв, они с визгом отлетали, но возвращались снова. Он пробил к нам коридор и двигался дальше в сторону своего гаража, где уже был спилен один замок и комоквы принялись срезать второй. Мы прикрывали спину дворника. В нас летели камни, один сильно ударил в плечо, второй попал мне в бедро. Я видел, что достается и Валерке, и его отцу. Комокв становилось все больше, они встали плотной стеной, не пропуская нас к работающим болгаркой сволочам. Вот они уже открыли дверь гаража, часть их проникла внутрь, они, вооружившись метлами и лопатами, высакивали обратно и успешно отбивали длинными черенками удары отцовского шланга. По моей спине тоже пару раз прошлись лопатой. Внутренние резервы организма были на пределе, понятно было, что стоит только упасть, как тебя запинают моментально.

Наконец стали подъезжать актинии. Они вступили в борьбу, но на дальних подступах. Толпа мелких паршивцев была уже нешуточная, и пробиться к нам через них девушки не могли. Я еще смог разглядеть, что актинии тоже машут палками и кидают кирпичи в толпу комокв. Постепенно я переставал различать что-либо в толпе, один глаз заплыл, а второй заливали кровь с потом.

Неожиданно послышался знакомый звук пожарной сирены, это придало сил, чтобы продержаться хоть какое-то время. Появился яркий свет и вода. Сиреневая пожарка включила брандспойт. Иногда тугая струя проходила по мне и сбивала с ног, хотя напор комокв иссяк, я все равно вставал из последних сил, боясь быть затоптанным. До меня и Валерки пробился авангард актиний, им тоже доставалось дружеской воды из брандспойта. Первые девушки вывели нас с Валеркой с поля битвы и оттащили за пожарную машину. Отец оторвался от соратников и был ближе к входу в гараж, остальные боевые актинии пробивались к нему, обрезок шланга все еще летал над толпой, тяжело опускаясь на спины и головы врагов. Вдруг мощная долгая вспышка-молния осветила пространство между гаражами, раздался дикий вопль отца и противные писки комокв. Они начали разбегаться. Мимо нас недобитые сволочи протащили два трупа своих соратников, их лица были обгоревшими. Битва закончилась, последние комоквы карабкались на стены гаражей и разбегались между машинами актиний. Никто их не преследовал.

Девушки продолжали подъезжать к месту битвы, все они высакивали из авто и бежали к гаражу, я тоже поднялся и с трудом поковылял в ту сторону. Плотное кольцо актиний окружало лежащее на земле рядом со сварочным аппаратом обгоревшее тело отца. Он был мертв.

Я вернулся к Валерке, который был избит сильнее, чем я, и не мог подняться. Он сидел на земле, облокотившись на колесо пожарной машины, я молча сел рядом. Валерий все понял, по его избитому лицу текли слезы.

Через полчаса актинии занесли на руках тело отца в подъехавший сиреневый микроавтобус. Нас с другом взяли в свои машины разъезжающиеся девушки. Они повезли нас в больницу. Мне наложили несколько швов и отпустили. Две актинии продолжали ждать, когда закончат процедуры с Валеркой, а одна взялась доставить меня до дома. Она любезно остановила свой автомобиль у моего подъезда и, прощаясь, сказала:

– Жалко, что ты не с нами, но мы никого не принуждаем. Каждый должен сам сделать свой выбор.

– Спасибо, – сказал я и поковылял домой.

Обряд

На третий день после ужасной пятницы мне позвонила одна из актиний и сообщила, что за мной приедет машина, так как верховный совет решил, что я должен проститься с почившим Отцом. Я не возражал, дома делать было нечего, просто так на улицу не выйдешь – вся физиономия была в синяках и ссадинах. Я думал, что еще легко отделался, некоторые ушибы, конечно, побаливали, но никаких страшных повреждений не было. Мы созывались с Валеркой, он тоже был у себя дома, у него были сломаны три ребра, в остальном обошлось без серьезного ущерба для здоровья.

Меня привезли в бывший дворец культуры, который полностью арендовали или уже выкупили актинии. Там собирался организационный комитет проведения похорон. Количество девушек меня поразило, изредка встречались молодые парни, но их были считанные единицы. Все вели себя очень спокойно и уверенно, суеты не было, меня проводили в небольшую комнату, где заседали Валерка и пять-шесть девушек, половину из которых я уже знал. Мне прочли короткую лекцию, суть которой была в том, что я и Валерий являемся самыми почетными участниками траурной церемонии. Нас просили отнести к происходящему серьезно и выполнить все, о чем попросит совет. Ничего страшного от нас не требовали, просто немного постоять на кладбище. Так как накрапывал мелкий дождик, то нам с Валеркой выдали черные дождевики и такие же бейсболки с изображением природных кишечнополостных. На мой вопрос: «А почему не сиреневые?» – мне сказали, что наш статус отличается от положения всех других участников мероприятия. Выше он или ниже, мне так и не объяснили, но Валерка сидел с таким важным лицом, что я начал догадываться о его значимости для этого сообщества. Наконец, ближе к обеду нас повезли на печальную церемонию. Мы с Валеркой и несколькими девушками разместились в огромном лимузине сиреневого цвета и поехали сразу на кладбище, я заметил несколько автобусов, отъезжающих от здания, в котором мы только что были. Во время поездки все молчали, только Валерка пару раз мне хитро подмигнул, что позволило мне несколько расслабиться, и я спокойно принял любование видами из окна автомобиля.

Похороны Валеркиного отца проходили закрыто, как нам и объявили предварительно, не было никаких посторонних лиц. Зато своих было несколько тысяч, даже, наверное, десятки тысяч. Актинии съехались со всего мира. Простой гроб размещался на середине поля недалеко от кладбища, он стоял на низком постаменте под открытым небом. Огромный луг был оцеплен по периметру людьми в сиреневой одежде, они стояли через каждые десять шагов и бдительно контролировали зону своей ответственности. Четыре силуэта стояли по углам печального сооружения на поле.

Меня и Валерку вывели на середину огромного пространства и попросили встать рядом с гробом по разные стороны. Четверо дежурных покинули свой пост. Нас оставили одних с телом покойного. Отец был закрыт саваном до самой макушки, я увидел только прядь седых волос, выбивающуюся из-под края покрывала. Валерка шепнул мне, что все те, кому действительно надо было попрощаться, уже сделали это, саван открывать не будут, так как опасаются диверсий с беспилотников. Я не понял: «Зачем тогда устроили церемонию на открытом месте, если чего-то опасаются?» – но спрашивать не стал.

К нам тянулись организованные толпы адептов, они как по команде выстраивались концентрическими кругами вокруг триады: Отца, Валерки и меня.

Круги разрастались, постепенно заполняя поле, и чем больше был их радиус – расстояние от постамента, тем разреженнее была цепь участников, составляющих кольцо. Началась процедура прощания. Окружности, состоящие из людей, начали вращение, одни двигались по часовой стрелке, другие – против. Направление чередовалось, соседние кольца врача-

лись в разные стороны. Похоже, что люди считали шаги, через равные промежутки времени они останавливались, и круги просачивались друг через друга. Те, кто был вплотную к нам, сдвигались в глубину, а внешние круги, сжимаясь, продвигались к центру поля. Потом опять происходило вращение. И снова передвижение в радиальном направлении. Одни кольца расслаблялись, а другие, наоборот, сокращали расстояние между своими членами. Я прикинул: «Чтобы так двигаться, в каждом живом сфинктере должно быть одинаковое количество актиний. А какая четкая координация! Неужели они без репетиций все это делают!»

Скоро это человеческое сдавливание стало ощущаться физически. Сокращающиеся круги не доходили до нас всего двух метров. Я закрыл глаза, но чувствовал, как на меня накатывает волна сжимающейся плоти. Люди, приближающиеся к нам, испытывали любопытство и буквально пожирали глазами каждую деталь, которую мог зафиксировать их взгляд. Какую эстетическую ценность мы представляли со своими избитыми рожами – это был сложный вопрос. Иногда, чуть приоткрывая глаза, я замечал не только любопытство, порой чувствовался восторг и даже какое-то благоговение. Если при накатывании сиреневой толпы чувствовалось сжатие, готовое вытолкнуть меня вверх от земли из сужающегося кольца, то когда они начинали кружить вокруг нас, меня начинало подташнивать. Первые полчаса я крепился, потом понял, что если на что-нибудь не обопрюсь, то просто упаду от головокружения. Я глянул на Валерку, тот, оказывается, давно одной рукой опирался на гроб, перенеся основную массу своего тела на доски деревянного ящика. Его подбитые глаза были плотно закрыты, второй рукой он тер себе виски, видимо, у него нешуточно разболелась голова. Я тоже оперся о свою сторону домовины одной рукой, а второй прикрыл глаза, так как мелькание кружящихся людей пробивалось через плотно сжатые веки. Получилась совершенно трагическая картина, уверен, что кто-нибудь из присутствующих на церемонии изобразит ее позже в одном из своих приходов маслом на стене.

С трудом мы дождались конца действия. Шесть актиний подняли гроб на руки и понесли в сторону кладбища, а нас проводили до лимузина.

В салоне автомобиля мы оказались одни, водитель уточнил мой домашний адрес и поднял стеклянную перегородку между своим отсеком и роскошным салоном. Пока машина еще не тронулась, Валерка открыл минибар, в котором оказались холодное пиво, коньяк и виски. Он выбрал бутылку какого-то дорого коньяка, зубами сорвал пробку и сделал большой глоток. Потом он протянул бутылку мне, я немного пригубил напиток, но предпочел холодное пиво и вернул бутылку другу.

За время пути Валерий рассказал мне, что теперь он унаследовал должность отца. В гараже актинии сделают музей и каждый год будут проводить торжественные промывания в день битвы. Сейчас приехали какие-то богатые спонсоры, которые ведут переговоры о покупке всего гаражного комплекса, чтобы создать на его базе объект паломничества.

Пока у нас в городе неспокойно: не решен ряд юридических вопросов, имеются достаточно могущественные враги. Поэтому Валерку на время увезут то ли в Швейцарию, то ли в Италию. Он сам толком не знает, но билеты ему уже купили. Где-то там приобретен замок – его будущая резиденция, где он будет проводить мессы и встречать высоких гостей.

– Сильно высоких-то? – совершенно ошарашенный спросил я у Валеры.

– Ну да, вчера с Папой Римским по телефону беседовал, он мне соболезнования высказывал, говорил, что никто не заменит нам Отца, даже он, в смысле Папа.

– А ты что?

– *Maximas tibi gratias ago!* – закатив глаза, елейным голосом возвыщенно произнес Валерий.

– Ты уже на латыни шпаришь?

– Да меня перед телефонным разговором этой фразе научили. Но ничего, я талантливый, еще какие-нибудь словечки выучу.

– Ну, тогда после соболезнований я бы хотел тебя поздравить.

Мы чокнулись, я – пивной бутылкой, он – коньячной.

– Чем еще планируешь заняться? – спросил я его.

– Буду живым богом! – сказал он уверенно. – Службы буду проводить только в особых случаях или для очень блатных прихожан. Еще просят мемуары написать, как все начиналось, описать жизнь Отца...

– Надеюсь, ты не будешь расписывать, как мы сигареты в магазине тырили в детстве и на пиво мелочь сшибали, когда подросли.

– Да я сначала лучше каких-нибудь книжек умных сам почитаю, чтобы знать, как вообще такие вещи пишутся, только потом за перо возьмусь. Хотя там референты будут, можно просто надиктовать.

– Слушай, а ты хорошо устроился!

– У тебя тоже есть все шансы к нам присоединиться. Ты видел, как они к тебе относятся, нас везде вместе водят, ты типа апостола у них. Только называют они тебя «бестелесный» – видимо, пока не присоединившийся.

Я засмеялся и сказал:

– Если я правильно понимаю, Валер, чтобы стать присоединившимся, надо чтобы кто-то из ваших мне задницу промыл.

– Ну зачем так грубо, – Валерка тоже растянулся в улыбке, – я могу тебе по блату все аккуратненько сделать с лучшей смазкой и ароматизаторами, а в раствор еще спирта добавлю, чтобы веселей было.

– Иди-ка ты куда подальше, – мы оба заржали, хотя смеяться было тяжело, синяки еще побаливали.

Внезапно меня осенила догадка, и я спросил у друга:

– Слушай, Валер, значит, ты этот обряд все-таки прошел? Колись, когда и при каких обстоятельствах?

Он посмотрел на меня очень серьезно и четко произнес:

– Знаешь, это было очень давно.

Я выпутился на него и тоже перестал улыбаться. Зато Валерка сощурил глаза и, еле сдерживая смех, сказал:

– В детстве у меня запор случился, бабка старая была, ничего уже не могла делать. Так отец мне клизмы и ставил. Пару раз я помню точно!

Ржали мы уже до самого моего дома. Я вышел, а Валерку повезли дальше. Через день ему надо было уже улетать в свой замок где-то в Альпах...

Руби концы

В приподнятом настроении я зашел в квартиру и снял оставленную мне актиниями куртку и бейсболку. Лена перехватила меня при попытке юркнуть в мастерскую.

– Тебе не кажется, что нам надо поговорить? Денис сказал, что у вас был конфликт из-за меня, – сказала она, стоя в проеме двери.

– Еще раз, из-за кого? – меня удивил несколько надменный тон супруги.

– Ну, а зачем вы дрались? – в голосе появилась растерянность.

– Просто я не хотел видеть его в своей квартире каждый день.

– Ты все неправильно понял. Мне не нужен Денис, он тянется за теми, у кого есть деньги. Если он встретит более успешную бабу, то бросит меня моментально, – в словах Лены пробивались истеричные нотки.

И тут я кое-что понял, это был шанс, который нельзя упустить!

– Я могу устроить так, чтобы деньги у тебя никогда не переводились. Хочешь?

– А что мне придется сделать? – спросила она с надеждой в голосе.

– Не волнуйся, к тебе придут и все объяснят. Скорее всего, ты должна будешь производить своих изуродованных котят с утробенной скоростью.

– Ну, это не страшно... – пробормотала она задумчиво.

– Сейчас я собираюсь уехать, но кое-что хотелось бы оставить тебе на память.

– Интересно, что?

Я прошмыгнулся мимо нее в свою мастерскую и крикнул оттуда:

– То, что ты сама назовешь своим. То, что будут считать принадлежащим тебе все окружающие.

– Ты меня интригуюешь, – она вошла вслед за мной в мастерскую.

– Вот стол, – я похлопал ладонью по истертой поверхности моего рабочего места. – Он чей?

Супруга удивленно посмотрела на меня и безапелляционно произнесла:

– Это наше совместно нажитое имущество.

– То есть не твой?

– Частично мой!

– А заколка у тебя в волосах, чья она?

– Моя.

– То есть заколка Ленина?

– Да, Ленина! – подтвердила она, улыбаясь и нервно поигрывая пальцами.

– Но если ты ее потеряешь на улице, кто-нибудь будет знать, что она твоя?

– Нет.

– Видишь, дорогуша, вещи надо подписывать.

Я открыл верхний ящик стола и достал старый советский рубль с профилем вождя.

– Ты знаешь, кто изображен на монете? Чей он?

– Это Ленин.

– И любой, кто найдет монетку, посмотрит на нее, скажет, что это?..

– Ленин.

Я молча взял супругу за руку, положил в нее старый рубль и сжал пальцы, закрыв ладонь.

– Теперь денег у тебя будет тьма, но про спокойную жизнь забудь. Я оставляю тебе всю коллекцию. Скоро ты познакомишься с Комоквой. Скушать тебе не придется. Удачи. Все монеты здесь, в этом ящике. А мне пора.

* * *

Я принес выздоровевшую сову в рюкзак на чердак, где уже никогда не будут проходить наши еженедельные посиделки. У меня оставался ключ. Больше идти мне некуда. Тут можно перекантоваться, есть электричество и старый диван. После погрома все оставалось в таком же виде: перевернутые стулья, разбитый монитор, даже бутылки с пивом, которыми мы кидались в прошлый раз, валялись на полу. Я вытащил Сварога из рюкзака и начал прибираться, сова крутила головой и осматривалась. Я поставил стол и стулья в один угол и пытался старым веником поднести ковролин, крошки залетали под диван. Я хотел сдвинуть его подальше к стене, но он со щелчком раскрылся, я увидел под открытой половиной на дне внутреннего ящика старую записную книжку. Она валялась здесь еще с тех времен, когда мы были подростками. Кто ее обронил – определить было уже невозможно. Я стал перелистывать страницы. Старые телефоны были записаны по старинке: шариковой ручкой на бумаге с именами и фамилиями. Вот кто-то записал мой номер, вот Валеркин, здесь же написан его адрес. Денис. Напротив его имени и телефона коряво выведено: «Историк». Листаем дальше. Михаил. Стоп! Это же Мишка, который пропал где-то в деревне с совами. Ниже написано: «Диана», в скобочках пояснение: «Сестра Михаила». Рядом указан ее городской номер телефона и записан адрес.

Я набрал Мишкин номер, после непонятных шумов в трубке послышались слова: «Абонент отсутствует». Я набрал номер его сестры. Через пару гудков безразличный женский голос ответил:

– Да, слушаю.
– Диана?
– Да, я слушаю!
– Меня зовут Максим, я хорошо знаю вашего брата – Михаила.
– Михаила больше нет.
– Подождите, он же недавно звонил Валерию и говорил, что торчит в деревне с совами.
– Уже полгода, как он находится в другом месте. Может быть, тоже с совами, я не знаю.

Что вам надо? Можно покороче.

– Я пока не знаю, где мне жить, но не подумайте, деньги у меня есть. Я даже могу купить маленькую квартирку или домик, просто сейчас не время. У меня это... Есть сова. Поймите правильно. Я хочу, чтобы ей было лучше. Я думал, что вы подскажете, где та деревня, в которой так много сов. Не вешайте трубку, пожалуйста, моя птица по-настоящему страдает, ее надо выпустить в лес, но там, где живут ее собратья.

Последовала пауза, и женщина на другом конце провода, совершенно сменив тон, как-то с приыханием и задумчиво спросила:

– Как, говорите, вас зовут?
– Максим.
– А вы только с совой или с вами еще кто-то есть?
– Никого, только сова и я.
– А где вы сейчас находитесь?

– Мы недалеко. Я нашел старую записную книжку, в которой записан ваш адрес. Если я сейчас выйду, то буду у вас через пять минут, объясните мне только, как добраться до той деревни.

– Знаете, молодой человек, вы тоже ничего плохого не подумайте, но так получилось, что я сегодня дома одна. Приходите. Можно с совой. Посмотрим, что вы из себя... То есть я вам все расскажу, кстати, там участочек продается. В общем, я вас жду через пять минут, чайник уже греется.

– Бегу!

* * *

Я потихоньку адаптировал свое сознание к привычной реальности, шлем нельзя было снимать сразу, если ты пробыл в образе больше двух часов. Я обязательно посмотрю данные по пульсу, давлению и активности мозга с привязкой к отдельным моментам. Но сейчас тяжело было осознать, что все пережитые ощущения происходили только в твоей голове и в очень короткий промежуток времени. Нужно еще привыкнуть, что твои верные друзья, супруга и домашние животные были всего лишь проекцией образов далекой эпохи, которые программа восстановила из старого архива, просчитав твои предпочтения, и оживила в виде нервных импульсов.

– Ну как вам, маэстро? Есть ли хороший материал для новой работы? – услышал я голос ассистента. – В этот раз мы добавили данные из найденных недавно «частных файлов».

С выключенным шлемом на голове ничего не было видно, только глухо слышались внешние звуки.

– Мрачновато, цвета какие-то тусклые. Ну, как и обещали историки, безнадега, присущая переломному моменту, тяжко там людям жилось.

– Согласитесь, что если бы тогда, в столетие зарождения технологий, был сделан другой выбор, то мы бы до сих пор жевали пищу костяными образованиями во рту.

– Да уж, редкая гадость, – согласился я. – Как можно поглощать пищу речевым аппаратом? Не понимаю.

– Надеюсь, что Вы обошлиесь в своем путешествии без традиционных способов размножения, говорят, что это совершенно бессмысленный и энергозатратный ритуал.

– Я видел его со стороны у приматов – отвратительное зрелище.

– Думаю, что Вы уже окончательно пришли в себя, маэстро, уже можно снять маску.

– Да, пожалуй. Было бы неплохо перекусить. Добавь в раствор что-нибудь приятное, дружище.

– Без проблем, как скажите. А это правда, что люди тогда считали себя выше рыб по уровню развития?

– Знаешь, я был человеком, а жил с птицей, кошками и другими людьми, иногда казалось, что какого-то различия в общении нет, но вот так поболтать с ними, как с тобой, я не мог. Да, кстати, люди позволяли себе распоряжаться судьбами окружающих их существ.

– То есть все это правда про дискриминацию в то время. Печально...

– Все еще были дикие, не оптимизированные, могли стукнуться конечностью или, упаси отец, начать на ногах ходить.

– Возмутительно, никакой безопасности!

Я почувствовал тепло питательного раствора в пищеварительной полости, постепенно умиротворение и ощущение полной гармонии овладели мной. Я был дома, никакие лишние органы не вызывали ненужных внешних раздражений. Мысли медленно крутились, мозг плавно работал:

– Интересно, если бы я за этот сеанс успел доехать до той Дианы из записной книжки, то кем бы она оказалась: совой, кошкой или обезьянкой? Наверное, она смогла бы показать мне что-то такое, чего я еще не видел, чувствуется, что какая-то необычная была самка. Надо же, до сих пор не отпускает, хотя раствор должен был уже подействовать. Ладно, допишу начатый обзор и попробую вернуться к этой Диане.

* * *

Первый раз такое ощущение. Вроде бы не пил ничего вчера. Что за херня в голову лезет? Я включил ночник. Лена сопела, уткнувшись носом в подушку, в ее ногах устроилась, вытянув лапы, Пушинка. Она повиливала хвостом, находясь в кошачьих грезах. Нет, что-то не то, или спросонья так кажется, будто мир вокруг поменялся. Чувствуется неопределенность, иллюзорность привычного окружения. Может, это из-за дурацкого сна? Приснится же такое. Я уже забываю эти видения... Какие-то горящие поля, безрукий витязь, остальное не помню... Надо позвонить Володьке, он раньше умел всякую непонятную чушь объяснять. Все, надо успокоиться. Я повернулся лицом к супруге. Голова Ленина безмятежно лежала на подушке. Я закрыл глаза и попытался уснуть. За окном послышался звук пожарной сирены – значит все в порядке, наши в городе.

* * *

Приняв душ и накинув на голое тело ситцевый халатик, Диана прошла в слабо освещенную спальню. Какое-то время она лежала в распахнутом халате на большой мягкой кровати, раскинув руки в стороны. Рядом на полу стоял большой макет местности, он занимал все свободное место до стены и был размером два на два метра.

Казалось, что это детская железная дорога, но вот никаких поездов на этой модели не было. В одной части макета располагался город: стояли узкие высокие дома с нарисованными окнами, на балконах виднелись фигурки людей, были проложены дорожки, росли искусственные деревья. Из города среди зеленых лугов и каменистых холмов пролегала узенькая тропинка. Она упиралась в расположившееся ровно посередине ландшафта обычное гнездо. По сравнению с домами оно казалось огромным. Это было настояще, святое небольшими птичками гнездышко из соломинок и крошечных веточек, протыканное заботливыми строителями зеленым мхом и серым лишайником. В углублении находилась фигурка птички, только шея ее с головой были выполнены в форме мужского полового органа. После гнезда тропинка продолжалась дальше и упиралась в небольшую деревеньку, выполненную на самом краю огромного макета. В отличие от красивого города, домики выглядели полуразрушенными, как будто обугленными.

Диана встала с кровати, лениво потянулась, обошла макет сбоку и села рядом с ним в позе лотоса, предварительно сняв халат. Она достала из-под кровати зажигалку и подожгла фитиль, торчащий из крыши одной из городских высоток. Все дома и большинство предметов на этой модели были выполнены из парафина и представляли собой свечи. Она взяла из гнезда птицу, облизала ей голову, нажала незаметную кнопочку под лапками и, чуть приподнявшись, расположила устройство там, где ей было удобно. Огонек тем временем разгорался. Она немигающим взглядом долго смотрела на то, как плавился дом, как плыли в парафине краски окон, как тягучий водопад смывал с балконов в бесформенную лужу под свечой маленьких человечков. Вдруг один из жителей, стоящий на своей лоджии с поднятыми к глазам руками, как будто спрыгнул с балкона, не дожидаясь, когда горячий воск доберется до него. Крошечная фигурка кубарем откатилась от разрушающегося здания и остановилась на перекрестке между домами. Диана моргнула своими застывшими глазами и присмотрелась к человечку. Потом протянула руку и взяла двумя пальцами фигурку, поднесла поближе к лицу и, сощурив глаза, выпрямила скрюченные конечности маленького беглеца своими ухоженными ногтями. Она положила его на тропинку, ведущую от города к гнезду. Лицо ее опять стало безразличным. Она встала, убрала вибратор обратно на свое место на макете и подошла к шкафу. Открыла створки и стала перебирать висящие на плечи-

ках наборы нижнего белья. Освещения ей явно недоставало, она щелкнула выключателем, комната озарил яркий свет. В глубине шкафа на полке в огромной стеклянной банке плавала в спиртовом растворе голова ее брата. Диана улыбнулась родственнику и протерла стекло напротив сморщенного носа кружевными трусиками. Рядом стояли другие банки, в некоторых небрежно валялось нижнее белье, в некоторых лежали деньги, какие-то емкости были пустыми.

Нагая бесхвостая обезьяна вернулась к макету и, взяв птичку, стала ее головкой подталкивать фигурку, лежащую на тропинке, ближе к гнезду. В городе таял сумрак, первые проблески зари на окраине мегаполиса пробудили песнь одинокого соловья, который необычайно заливисто выводил свои трели этим майским утром.

(2017)